

**ПЯТЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ
ЧТЕНИЯ ИМЕНИ ПРОФЕССОРА Н. А. ПЬЯНОВА**

**ПЯТЫЕ
теоретико-правовые
чтения**

ИМЕНИ ПРОФЕССОРА

Н.А. ПЬЯНОВА

г. ИРКУТСК - 2023 г.

**ПЯТЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ
ЧТЕНИЯ ИМЕНИ
ПРОФЕССОРА Н. А. ПЬЯНОВА**

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

ПЯТЫЕ
теоретико-правовые
ЧТЕНИЯ

ИМЕНИ ПРОФЕССОРА

Н.А. ПЬЯНОВА

г. Иркутск - 2023 г.

**ПЯТЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ
ЧТЕНИЯ ИМЕНИ
ПРОФЕССОРА Н. А. ПЬЯНОВА**

Материалы конференций

Иркутск, ноябрь – декабрь 2023 г.

Москва – Иркутск, 2024

УДК (321:340)
ББК Х01лО

Редакционная коллегия:

С. А. Комаров, д-р юрид. наук, проф. (отв. ред.);
А. В. Безруков, д-р юрид. наук, доц. (науч. ред.);
И. А. Кузьмин, канд. юрид. наук, доц. (науч. ред.);
М. Г. Тирских, канд. юрид. наук, доц.

Пятые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н. А. Пьянова : материалы конференций (ноябрь – декабрь 2023 г.) / отв. ред. С. А. Комаров ; [науч. ред. А. В. Безруков, И. А. Кузьмин]. – Москва, Иркутск : Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, 2024. – 342 с.

В сборнике представлены результаты исследований актуальных проблем государственно-правовой действительности, а также иных специальных аспектов взаимодействия государства и права с общественными институтами в условиях глобальных, региональных и локальных вызовов, рисков и угроз.

Материалы сборника представляют интерес для всех, кто занимается изучением проблем современного государства, общества и права, специальным междисциплинарным аспектам их взаимодействия. Сформулированные положения могут быть использованы при изучении и преподавании различных гуманитарных дисциплин в высших и средних специальных учебных заведениях.

Сборник издан при поддержке проекта «Байкальский этнорелигиозный дискуссионный клуб «Время говорить!» как дань памяти куратора проекта магистра религиоведения, протоиерея, древлехранителя Иркутской епархии РПЦ Андрея Васильевича Степанова

Оргкомитет благодарит за финансовую поддержку в издании сборника ООО «Центр деловых решений «Лектор» и Силвеева Илью Михайловича

ISBN 978-5-6051977-0-6

© Авторы, 2024
© Межрегиональная
ассоциация теоретиков
государства и права, 2024

**МАТЕРИАЛЫ ПЯТЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ЧТЕНИЙ
ИМЕНИ ПРОФЕССОРА Н.А. ПЬЯНОВА**

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово..... 7

**I. ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ:
ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

<i>Тирских М.Г.</i> Правовое состояние и трансформация политического режима	8
<i>Деревскова В.М.</i> Судебная реформа 1864 г. в эпоху великих перемен	14
<i>Михеев Д.Ю.</i> Судебные органы Новосибирской области на начальном этапе Великой Отечественной войны	24
<i>Альбов А.П.</i> Правовое регулирование киберпроцессов	30
<i>Шутова В.Н.</i> Законодательная инфляция: понятие, признаки, тенденции	39
<i>Галиев М.С.</i> Роль и значение правовой категории «защита» в системе общечеловеческих ценностей	45
<i>Кулакова Д.В.</i> К вопросу о развитии публично-правового механизма защиты прав и свобод личности	52
<i>Самусевич А.Г.</i> Проблемные вопросы в представлениях о конституционном правоприменении	58
<i>Василевич Г.А.</i> Конституционное правосудие в обновленной системе сдержек и противовесов в Республике Беларусь	64
<i>Анкаев Д.М.</i> Привилегии как регулятор общественных отношений	72
<i>Нефедова Е.В.</i> Квота как инструмент правового регулирования	80
<i>Шабеева О.А.</i> Социальное обслуживание как функция государства: проблемные аспекты и пути совершенствования	88

II. СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ДИСКУРСЕ

<i>Дроздова А.М.</i> Государство и государственность	94
<i>Василевич Д. Г.</i> Техносоциальные и информационные процессы как факторы влияния на социокультурный вектор развития	112
<i>Евсеевков С.А., Комаров С.А.</i> О.Э. Лейст о личности и соотношении нравственности и права	118
<i>Сирохин А.И.</i> Соционормативная организация сословных отношений в Российской империи	123
<i>Искандаров Ш.Ф., Шкуран О.В., Ивентьев С.И.</i> СВО как ответ Российского государства на духовно-нравственное уничтожение личности	132
<i>Спирин М.Ю.</i> Проблемы цифровой формы современного юридического образования	139
<i>Косолапова Т.В.</i> Исследование влияния пандемии на педагогический процесс в воскресных школах Иркутской епархии: результаты и выводы	147
<i>Кузнецова О.Ю.</i> Использование электронных образовательных ресурсов как современной технологии в процессе общения детей старшего дошкольного возраста к духовно-нравственным ценностям	157
<i>Кузьмин И.А.</i> К вопросу об использовании института наказания как средства политической борьбы	164
<i>Иманкулов Т.И.</i> Требование публикации научных статей в Scopus, Web of Science противоречит Конституции и законам Кыргызской Республики	174

III. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ

<i>Ярыгина В.В.</i> К вопросу о соотношении понятий «правовое государство» и «социальное государство»	185
---	-----

<i>Соколов М.Е.</i> Соотношение оснований права: идеи свободы, справедливости, формального равенства, законного принуждения и порядка в естественно-правовой концепции	194
<i>Тангаева Е.А.</i> Правовой реализм: историческое развитие и современные проблемы	202
<i>Дорошева Д.А.</i> Теоэстетика: проблема красоты в христианской традиции	212
<i>Деминкова М.Р.</i> Факторы, влияющие на эффективность законодательства	218
<i>Шамсиев К.Р.</i> К вопросу о всенародном голосовании при внесении поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 году	224
<i>Корольков Д.А., Синькевич Р.О.</i> Роль идеологии и религии в правоохранительных органах и вооруженных силах: де-юре и де-факто	230
<i>Вальтер В.В.</i> Особенности обеспечения национальной безопасности Российской Федерации на современном этапе	239
<i>Береснев Ю.С.</i> Уполномоченный по правам человека в законодательстве регионов Сибирского федерального округа: сходства и различия	243
<i>Макаров Д.А.</i> Особенности формирования профессионального правосознания прокурорских работников в современных условиях	255

IV. ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ВЗГЛЯД МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Юдина Е.А.</i> Правовой обычай: возникновение и особенности действия (на примере африканских стран)	262
<i>Бояркина Е.В.</i> Искусственный интеллект: проблемные вопросы правового регулирования	274
<i>Бушкова А.В.</i> К вопросу о проблемах и перспективах использования технологий искусственного интеллекта в правотворчестве)	281

<i>Олексюк В.В.</i> Направления развития законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации	294
<i>Воронова А.А.</i> Профилактика правонарушений экстремистской направленности среди несовершеннолетних, пропагандирующих субкультуру спортивных клубов (организаций)	300
<i>Бочкарев Д.О.</i> Административная преюдиция как особое технико-юридическое средство предупреждения экологических преступлений в Российской Федерации	306
<i>Могилева А.В., Торгаева Д.С.</i> Медиация как способ самозащиты граждан: особенности правового регулирования и проблемы реализации	318
<i>Красникова А.И.</i> Интерпретация применяемых норм о генетическом достоинстве человека в международной правоприменительной практике	324
<i>Витовская Я.Д.</i> К вопросу о правовом регулировании закрытого завещания	337

Вступительное слово

Уважаемые читатели! Вашему вниманию предлагается сборник статей участников научных мероприятий, проведённых под эгидой Пярых (юбилейных) международных теоретико-правовых чтений имени профессора Н. А. Пьянова в ноябре – декабре 2023 года: Международной научно-практической конференции «Государство и право в эпоху перемен» (17 ноября 2023 г.), Всероссийской студенческой научно-практической конференции «Государство и право в условиях социально-политической нестабильности» (25 ноября 2023 г.), Всероссийского научно-методического круглого стола «Юридическая наука и образование в эпоху перемен» (08 декабря 2023 г.). Широта поднятых в мероприятиях актуальных проблем современности поражает, охватывая самые различные сферы общественной жизни.

Память о большом Человеке, Учителе и выдающемся теоретике государства и права из Восточной Сибири – профессоре Николае Андреевиче Пьянове остаётся сильным объединяющим началом для академической, профессиональной и студенческой общественности, представленной в Чтениях авторами из Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Таджикистан.

Для более удобного использования все материалы сборника распределены по четырём разделам, первые два из которых включают работы «взрослых» исследователей, а другие – результаты научных изысканий студентов вузов.

Оргкомитет Пярых теоретико-правовых чтений выражает искреннюю благодарность Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (МАТГиП) в лице её президента – профессора Сергея Александровича Комарова и ревизору Иркутского регионального отделения МАТГиП, арбитражному управляющему Илье Михайловичу Силивееву, благодаря деятельной организационной и финансовой поддержке которых проект продолжает жить и развиваться.

**С уважением и надеждой на сотрудничество,
оргкомитет Пярых теоретико-правовых чтений
имени Н. А. Пьянова**

I. ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Максим Геннадьевич Тирских**

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_9

ПРАВОВОЕ СОСТОЯНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Аннотация. Рассматривается соотношение трансформации политического режима с правовым состоянием общества. Исследуются отдельные типы правовых состояний, их свойства и особенности. Делается вывод о том, что трансформация политического режима, безусловно, оказывает влияние на правовое состояние общества, а результатом является правовое состояние, в наибольшей степени соотносимое с доминирующим типом политического режима.

Ключевые слова: право, правовое состояние, политический режим, трансформация политического режима, демократизация, авторитаризация.

LEGAL STATUS AND TRANSFORMATION OF THE POLITICAL REGIME

Abstract. The article examines the relationship between the transformation of the political regime and the legal state of society. Certain types of legal states, their properties and features are considered. It is concluded that the transformation of the political regime certainly has an impact on the legal

* **Тирских Максим Геннадьевич**, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский государственный университет, Иркутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук (г. Иркутск, Россия).

Tirskikh Maxim Gennadievich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Irkutsk State University, Irkutsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk, Russia).

state of society, and the result is a legal state that is most correlated with the dominant type of political regime.

Key words: *law, legal status, political regime, transformation of the political regime, democratization, authoritarianization.*

Трансформация политического режима, понимаемая как переход от одной формы политического режима к другой в рамках сложных динамичных процессов демократизации и авторитаризации, без сомнения, приводит к изменениям и в праве соответствующего государства. О причинах этого безусловного преобразования мы ранее уже писали и не видим необходимости повторять эти тезисы.

Между тем само преобразование права в условиях трансформации политического режима вызывает изменение не только отдельных компонентов правовой системы (включающей формальную, функциональную и культурно-идеологическую составляющие), но и всего права в целом, влияя на такое явление, как правовое состояние общества.

Под правовым состоянием общества подразумевается «обусловленная социально-культурными условиями жизнедеятельности общества разновидность социального состояния, представляющая собой способ юридического бытия субъектов, объектов или общественных отношений в определенный момент времени и в определенном пространстве, как правило, закрепленный в установленном законом порядке» [1, с. 132]. То есть правовое состояние – это общее, комплексное структурируемое состояние общества, при котором доминирует особый тип понимания права, его применения в практической деятельности. При этом правовая система государства (в контексте ее отнесения к базовому типу) может и не измениться.

Соотношение правового состояния, правовой системы и правового режима представляет отдельный значимый пласт в теоретическом исследовании. Полагаем, что термин «правовой режим» следует относить к формальной составляющей правовой системы. В частности, под ним можно понимать «особый порядок правового регулирования общественных отношений, основанный на определенном сочетании правовых средств и способов правового регулирования (дозволений, запретов и позитивных обязанно-

стей), направленный на достижение соответствующих правовых целей и планируемого оптимального социально значимого результата» [2, с. 291]. Такое определение, на наш взгляд, в полной мере отражает содержательный аспект правового режима как части функциональной составляющей правовой системы общества, направленной на достижение определенной правовой цели. Оно вполне точно описывает широко известные сейчас отдельные разновидности правового режима (например, правовой режим чрезвычайной ситуации [3], правовой режим зон бедствия [4] и т. д.)

Правовая система при этом представляется как явление, достаточно изученное и традиционно понимаемое как «комплекс социально-юридических компонентов, отражающих сущностные характеристики права, характеризующихся относительной самостоятельностью, стабильностью и качественной определенностью и включающих: нормативно-правовую сферу, характеризующую особенности внешнего и внутреннего строения права; идеологическую сферу, определяющую особенности правотворчества, правоприменения и толкования права в стране; и, наконец, идеологическую сферу, включающую правовую идеологию и правовую культуру общества» [5, с. 64–65].

Очевидно, что трансформация политического режима в любом случае приведет к формированию совокупности новых правовых режимов в отдельных сферах общественной жизни, и хотя они могут иметь прежнее наименование (режим чрезвычайной ситуации, например), они будут коренным образом отличаться друг от друга. В таком случае мы должны констатировать существенную зависимость правовых режимов от трансформации политического режима. Между тем ни один правовой режим не способен в полной мере охватить все необходимые преобразования, происходящие в условиях трансформации политического режима. А это означает, что правовой режим является менее значимым для анализа объектом, чем, например, правовое состояние общества.

Что касается соотнесения правовой системы общества в целом с трансформацией политического режима, то можно констатировать факт того, что правовая система в целом меняется в условиях трансформации политического режима достаточно редко. Хотя истории известны примеры такой трансформации, например, в

условиях построения социалистического общества после социалистических революций (в частности, здесь наблюдается постепенная замета существовавшей правовой системы на правовую систему социалистического права) или в условиях религиозной трансформации политических режимов, где на смену ранее существовавшей правовой системе приходит религиозно-традиционная правовая система.

Однако в большинстве случаев правовая система в условиях транзитивного перехода политического режима сохраняется. В таком случае мы должны констатировать, что правовая система обладает повышенной устойчивостью к изменениям даже в условиях трансформации политического режима, а также сохраняет длительную память существовавшей правовой системы и способность ее восстанавливать в случае дальнейшей трансформации политического режима.

Таким образом, очевидно, что правовое состояние общества существенно отличается и от правового режима, и от правовой системы как с точки зрения своего содержания, так и с позиций реагирования на преобразование политического режима. Полагаем, что в условиях трансформации политических режимов можно говорить о том, что именно правовое состояние общества является самым подверженным трансформации правовым явлением.

Данный феномен возникает в силу того, что правовое состояние общества – это в первую очередь не формальная характеристика, зависящая от конкретных правовых норм, а скорее реагирование общества на изменения, происходящие в правовой системе.

Правовое состояние общества хотя и зависит от формальных изменений в нормативной базе, на самом деле может не иметь четкой градации сопряжения с конкретными нормами. В условиях трансформации политического режима ощущение обществом изменения политического климата приводит к серьезной деконструкции правовой реакции общества на изменения. Например, в рамках преобразований политического режима в процессе демократизации в конце 90-х годов XX века общество, реагируя на происходящие политические изменения, преобразовало и свою правовую реакцию на эти изменения. Показательной является, например, ситуация,

при которой еще действующие нормы уголовного закона о спекуляции фактически перестали восприниматься обществом, а вслед за этим были де-факто декриминализованы государством.

Еще одним аспектом изменения правового состояния общества выступает то, что временная утрата политическими силами возможности реализации всей полноты политической власти, что случается в процессе трансформации политического режима достаточно часто, приводит к практически моментальной реакции общества, выражающейся в резком изменении криминогенной обстановки, росте преступности и т. д.

Общество крайне чутко ощущает изменения в политическом пространстве. Для членов социума нет необходимости даже ожидать формальных изменений конкретных норм. Сигналы государства, демонстрирующие изменение политического режима, приводят практически к моментальному изменению восприятия обществом действующего права и возникновению реакции на происходящие политические преобразования.

Таким образом, можно констатировать, что правовое состояние общества фактически может служить барометром трансформации политического режима. Тонкое восприятие происходящих изменений приводит к тому, что изменение реакции общества на действующее право фактически ставит государство в положение выбора, необходимо ли восстанавливать прежнее правовое состояние общества (зачастую ценой введения особых административных мер, чрезвычайного положения и т. д., как это произошло в Польше в 80-е гг. XX в.) или смириться с изменениями и формировать иной политический режим, более соотносимый с правовым состоянием общества.

Детектирующий характер правового состояния общества, полагаем, можно использовать для целей изменения степени трансформации политического режима. Дело в том, что ни один процесс трансформации политического режима не может быть осуществлен без формирования устойчивой реакции общества, если не поддерживающего вновь созданный режим, то хотя бы не активирующий режим противодействия происходящим политическим преобразованиям.

В таком случае даже происходящая временная стабилизация прежнего политического режима при отсутствии соответствующего правового состояния общества, как правило, будет приводить не к окончательной и устойчивой фиксации ранее существовавшего политического режима, а к постепенному его обрушению.

Это ставит перед наукой задачу определения детектирующих параметров правового состояния, которые позволили бы точно выявлять возможность конкретных преобразований или отсутствие таких возможностей. Полагаем, что эта научная задача имеет безусловную новизну и практическую ценность, а ее реализация позволит продемонстрировать сопряженность политических трансформаций и правовых изменений в обществе.

Источники и литература

1. *Новикова Ю.С.* Правовое состояние и правовой режим: вопросы разграничения понятий / Ю.С. Новикова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2006. – №13 (68). – С. 131–135.

2. *Беляева Г.С.* Правовой режим: понятие и признаки / Г.С. Беляева // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2021. – №1. – С. 281–293.

3. *Кузьмин А.И.* Правовые основы режима чрезвычайной ситуации / А.И. Кузьмин // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. – 2011. – № 3. – С. 17–22

4. *Кожокарь И.П.* Особенности правового режима зон экологического бедствия и зон чрезвычайной ситуации / И.П. Кожокарь // Государство и право. – 2021. – № 9. – С. 99–106.

5. *Большунов М.А.* К вопросу о понятии правовой системы / М.А. Большунов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2011. – № 1. – С. 56–65.

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_15

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 г. В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ ПЕРЕМЕН

Аннотация. В середине XIX в. в России существовал социально-экономический и политико-правовой кризис, преодоление которого виделось в проведении в первую очередь крестьянской реформы и последующих буржуазных реформ. Особое внимание уделено судебной реформе 1864 г., устанавливается взаимосвязь с другими реформами. Реализация в совокупности всех реформ способствовала развитию российского общества и государства.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 г., земская реформа 1864 г., реформа образования 1863–1864 гг., тюремная реформа 1879 г., взаимосвязь буржуазных реформ.

JUDICIAL REFORM OF 1864 IN AN ERA OF GREAT CHANGE

Abstract. In the middle of the 19th century. In Russia, there was a socio-economic and political-legal crisis, the overcoming of which was seen in carrying out, first of all, peasant reform and subsequent bourgeois reforms. Particular attention is paid to the judicial reform of 1864 and the relationship with other reforms is established. The implementation of all reforms together contributed to the development of Russian society and the state.

Key words: judicial reform of 1864, zemstvo reform of 1864, education reform of 1863–1864, prison reform of 1879, relationship between bourgeois reforms.

В России в середине XIX в. наступил кризис крепостнической системы и возник конфликт между помещиками и крепост-

* Деревскова Валентина Михайловна, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Иркутск, Россия).

Derevskova Valentina Mikhailovna, Candidate of Law Science, Associate Professor of Irkutsk Law Institute Affiliated to the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

ными крестьянами, который необходимо было разрешить путем реформ, иначе этот конфликт мог быть решен насильственным путем со стороны крестьянства. Пошли по первому пути и провели крестьянскую реформу в 1861 г. Освобождение крестьянства, которое составляло 34 % от всего населения страны (крепостных людей в России в 1859 г. насчитывалось до 23 млн душ обоего пола, численность всего населения – немногим более 67 млн) [15, с. 20–21, 26–29], составляло главную задачу. Крестьянская реформа являлась первой и важнейшей в условиях кризиса российского общества и государства. Впоследствии были проведены следующие реформы: реформа следствия 1860 г. и полицейская реформа 1862 г., финансовая 1860–1864 гг., реформа образования 1863–1864 гг., земская 1864 г., судебная 1864 г., цензурная реформа 1865 г., городская реформа 1870 г., военная реформа 1862–1874 гг., тюремная реформа 1879 г. Этот период получил название эпохи Великих реформ. Освобождение крестьян не только привело к социально-экономическим изменениям, но и требовало включения населения в другие сферы общества, а самое главное, что страна встала на буржуазный путь развития. Поскольку эти реформы проводились сверху, то и предполагалось постепенное развитие. Так, время достижения конечной цели крестьянской реформы – отделения крестьянского хозяйства от помещичьего и формирования крестьянской земельной собственности – не устанавливалось, а предполагалось, что переход всех крестьян на выкуп произойдет через 20 лет [6, с. 146]. Судебная реформа, начавшаяся в 1864 г., завершилась только в 1900 г.

Судебная реформа 1864 г. была самой буржуазной реформой из всех перечисленных и заключалась в отделении суда от администрации и создании всесословного суда. Судебная реформа тесно была связана со многими указанными реформами и проводилась с их учетом или в их развитие.

После освобождения крестьян встал вопрос о том, чем заменить вотчинную юстицию. Освободив крестьян от власти помещика, когда он в числе прочего разрешал споры между ними и сам судил крестьян в случае совершения ими правонарушений, необходимо было предоставить им право защищать свои права в суде. Для этого был создан крестьянский суд (волостной суд) из крестьян

(выборный) и для крестьян. Дела, превышающие подсудность волостных судов, должны были рассматриваться мировым судом. Все сословные суды были ликвидированы, кроме крестьянского. Оставшиеся от прежней судебной системы военные и религиозные суды можно отнести к специализированным, с учетом все же того, что последние не только судили верующих по определенным категориям дел, но и лиц духовного звания (церковные суды для православных и шариатские суды для мусульман). Волостные суды были созданы по крестьянской реформе 1861 г., а мировой суд как всеобщий суд – по судебной реформе 1864 г. Крестьяне по судебной реформе 1864 г. могли быть присяжными, если они соответствовали предъявляемым требованиям. Большинство присяжных по социальному составу было из крестьян (так, в Орловской губернии они составляли в 1880–1900 гг. 43 %). Основная масса присяжных заседателей из крестьян состояла из волостных судей, старшин и старост. Во Владимирской, Нижегородской и Казанской губерниях в 1883 г. большинство также составляли крестьяне (более 70 %) [7, с. 144].

Земская реформа проводилась в 1864 г. и реализовывалась с утверждением Александром II Положения о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января. Судебные уставы были утверждены 20 ноября 1864 г., и с их принятием связывают начало проведения судебной реформы. Взаимодействие и взаимосвязь земских учреждений и судов осуществлялись следующим образом. Формирование состава мировых судов напрямую был связан с земствами. В Учреждении судебных установлений (далее – УСУ) от 20 ноября 1864 г. [14] в ст. 24, 26, 29, 30, 32, 33, 37 и 38 рассматривается процесс выборов мировых судей земствами, и он проходил в несколько этапов. Первоначально отбирались кандидаты на должности мировых судей и составлялись списки, куда включались те из них, которые соответствовали предъявляемым требованиям. Списки составлялись уездным предводителем дворянства, который возглавлял уездное земское собрание, за три месяца до выборов, затем передавались губернатору. Последний мог делать замечания по каждой кандидатуре, представлял их уездному земскому собранию и обязан был опубликовать списки за два месяца до выборов. Это не означало, что кандидат с замечаниями губернатора не мог

быть избран мировым судьей, надо было принятое решение обосновать и представить в Сенат.

Второй этап – непосредственно выборы уездным земским собранием кандидатов на должности мировых судей. Кандидаты, набравшие большинство голосов, становились мировыми судьями. Если после проведенных выборов оставались вакантные должности, то выборы проводились повторно губернским земским собранием. Если и после этого оставались незамещенные места, то первый департамент Сената уже назначал мировых судей. Необходимо отметить, что выборные мировые судьи были только там, где вводились земства, речь шла о губерниях европейской части Российской империи, за исключением земли Войска Донского, где земств не было, а судьи избирались. В остальных губерниях мировые судьи назначались, как, например, в Сибири. Земства не только избирали мировых судей, но и оплачивали их труд (ст. 44 УСУ). Исключение составляли почетные мировые судьи, которые отказывались от жалованья и осуществляли полномочия мировых судей безвозмездно (ст. 50 УСУ). Также необходимо отметить, что общие списки присяжных заседателей составлялись по каждому уезду отдельно особыми временными комиссиями, состоящими из лиц, которые назначались для этой цели ежегодно уездными земскими собраниями (ст. 89 УСУ), списки очередных присяжных заседателей, и списки запасных составлялись этими же комиссиями с участием одного из мировых судей уездного города под председательством уездного предводителя дворянства (ст. 97, 101 УСУ). Должностные лица земского самоуправления за должностные проступки и преступления привлекались в судебном порядке, участие губернатора в этой процедуре исключалось. Решение о передаче дел в суд в отношении членов губернских и уездных управ принимали губернские земские собрания [3, с. 26].

Судебная реформа 1864 г. более, чем другие, требовала подготовленных профессионалов. Юристы (лица, имеющие аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук) требовались для замещения должностей судей общих судов (окружных судов и судебных палат), судебных следователей, прокуроров и поверенных (ст. 202, 354 УСУ). В 1860 г., когда были учреждены должности судебных

следователей, выдвигалось требование о наличии высшего или среднего образования (ст. 3 Учреждения судебных следователей от 8 июня 1860 г.) [13], но не юридического образования, и только в Учреждении судебных установлений от 20 ноября 1864 г. требование о наличии юридического образования было сформулировано. Накануне проведения судебной реформы в 1863 г. из губернских и областных прокуроров Российской империи высшее образование имели 66,1 %, в том числе высшее юридическое – 38 %, при этом не имели даже среднего образования 13,5 % [12, с. 2625]. В 1861 г. общее количество выпускников-юристов составило 328 человек [4, с. 29]. Безусловно, нехватка квалифицированных кадров ощущалась и в дореформенный период, но тогда не выдвигалось профессиональных требований, связанных с юридическим образованием. Отделение дознания и следствия, суда от администрации, введение всесословных судов и суда присяжных, принципа состязательности, адвокатуры, реорганизации прокуратуры – все эти изменения требовали работы профессиональных юристов, и, например, именно с нехваткой кадров связано непредъявление требования юридического образования к мировым судьям.

В 1863 г. был принят новый Общий устав Императорских российских университетов. На юридическом факультете создавались новые кафедры в соответствии с § 15 Устава: энциклопедии права (в настоящее время теории государства и права), истории важнейших иностранных законодательств древних и новых (истории государства и права зарубежных стран), истории русского права (истории государства и права России), истории славянских законодательств, римского права, государственного права (конституционного права), гражданского права и гражданского судопроизводства и судопроизводства, уголовного права и уголовного судопроизводства, полицейского права (административного права), финансового права, международного права, политической экономии и статистики и церковного законоведения [10].

В 1874 г. расширялось преподавание юридических наук. К началу реформы юристов готовили на юридических факультетах Императорских Московского, Санкт-Петербургского, Харьковского, Казанского университетов, Университета св. Владимира (в Киеве), а также на юридическом отделении Одесского Ришельевского

лица и в специализированных учебных заведениях – Демидовском юридическом лицее (в Ярославле), Лицее князя Безбородко (в Нежине Черниговской губернии), Александровском (бывшем Царскосельском) лицее, Императорском училище правоведения, после реформы появились юридические факультеты Императорских Новороссийского и Томского университетов. Все они готовили юристов для Министерства юстиции для всей империи. Исключением являлись юридический факультет Императорского Дерптского (Юрьевского) университета, где преподавание велось на немецком языке, а также Аудиторское училище (впоследствии Военная юридическая академия) и появившееся позже Военное юридическое училище, готовившие кадры для военной и морской службы [5, с. 166–167].

Еще в ходе подготовки судебной реформы планировалось учреждение специальных должностных лиц, на которые возлагалось бы производство предварительного следствия, и реформа полиции, которую бы освободили от производства следствия по преступлениям и проступкам, с тем чтобы полицейские обеспечивали общественный порядок. Последнее было актуальным в связи с планированием освобождения крестьян, и власть полагала, что могут возникнуть недовольства, что, собственно, и произошло [1, с. 12]. Именным указом от 8 июня 1860 г. были приняты три документа, которые касались этих вопросов: уже упомянутый закон – Учреждение судебных следователей, а также Наказ судебным следователям [9] и Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступления и проступки [8]. Необходимо отметить, что не все вопросы были решены на этом этапе. Так, законодатель не до конца разграничил предварительное следствие и дознание, поскольку в зависимости от обстоятельств обнаружения преступления предусматривалась взаимозаменяемость судебных следователей и полиции, прокурорский надзор был ограничен, а судебный оказался неэффективным. Эти вопросы уже решались в ходе судебной реформы 1864 г. с принятием Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС). В законе предусматривалось участие полиции в производстве предварительного расследования, которое осуществлялось в следующих формах: 1) дознание; 2) совершение отдельных следственных действий в поряд-

ке ст. 258 УУС; 3) выполнение отдельных поручений следователя, в том числе и розыск [11, с. 285]. Производство всех дознаний происходило под руководством прокуроров. Согласно ст. 279 УУС полиция не являлась органом предварительного следствия, была отделена от суда, осуществляемое ею дознание находилось в прямом подчинении прокурора. Предварительное следствие проводилось судебными следователями, в отношении которых прокурор осуществлял надзор (ст. 47, 262–265 УУС), и прокурор поддерживал обвинение в суде. При этом следователь обладал процессуальной самостоятельностью: возбуждал уголовное дело, производил допросы, очные ставки, обыски, выемки, осмотры, освидетельствования, назначал производство экспертиз, определял меру пресечения и момент окончания следствия. В некоторых случаях требовалось разрешение суда при производстве ряда процессуальных действий (ст. 268, 386, 846 УУС). Таким образом, реформирование дознания и следствия началось в 1860 г., впоследствии в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. были регламентированы дознание, предварительное следствие и прокурорский надзор за процессуальной деятельностью полиции и судебными следователями.

Уставом уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. важная роль в исполнении приговоров суда отводилась прокурору. Прокурор осуществлял надзор за точным и безотлагательным исполнением приговоров теми должностными лицами, в компетенцию которых это входило, и они обязаны были исполнять все требования прокурора (ст. 949, 955 УУС). На прокурора возлагалась также обязанность распоряжаться исполнением приговора в виде смертной казни и после его исполнения составлять и подписывать протокол (п. 3 ст. 963, 964 УУС). К компетенции прокурора относилось наложение на заключенных отдельных видов дисциплинарных взысканий и санкционирование применения наиболее тяжелых из них тюремной администрацией (ст. 395–404 УУС). При этом четкого закрепления полномочий прокурора по осуществлению надзора за тюрьмами все же не было.

В 1879 г. в структуре Министерства внутренних дел было создано Главное тюремное управление, которое в 1895 г. было передано в состав Министерства юстиции. Общие контрольные полномочия возлагались на начальника управления, осуществлявшего

наблюдение за всеми тюремными учреждениями страны, без дополнительного разрешения руководителей иных ведомств. На уровне губернии действовал губернский тюремный инспектор, который наблюдал за соблюдением в тюрьмах всех предписаний о порядке содержания арестантов, осуществлял благоустройство в местах заключения, а также курировал все дела в местах лишения свободы. Там, где не было тюремных инспекций, контроль осуществляли прокуроры. Ведомственный контроль реализовывался тюремными инспекциями и охватывал сферу управления и непосредственного исполнения наказаний и тюремной изоляции. Прокурорский надзор был направлен на правовую оценку законности и обоснованности предварительного заключения (задержания), дисциплинарной практики в отношении заключенных, наблюдение за тюремным управлением и местами заключения, а также обеспечение исполнения приговора и разрешение вопросов, возникающих в ходе его исполнения [2, с. 122, 125]. В целом судебная реформа 1864 г., а затем тюремная реформа 1879 г. способствовали развитию контроля над местами лишения свободы.

Таким образом, освобождение крестьян в России в 1861 г. привело к социально-экономическим и политико-правовым изменениям. Безусловно, эти реформы были связаны между собой не только идейно – в силу необходимости движения России по капиталистическому пути в результате реформ, эволюции, а не революции, но и в организационном и правовом отношении.

Совершенно очевидно, что основанием проведения этих реформ была крестьянская, однако необходимость последующих изменений связала судебную реформу с земской, реформой следствия и полиции, университетской и тюремной реформами. Наиболее буржуазная из всех реформ – судебная – пронизывала и многие другие реформы, что непосредственно также приводило к развитию российского общества и государства.

Источники и литература

1. *Ахмедов Ч.Н.* Судебный следователь в правоохранительной системе России: становление, развитие и законодательное оформление его деятельности // Вестник Санкт-

Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 3. – С. 11–18.

2. *Воронин О.В.* Организация тюремного контроля после реформ Александра II // *Право*. – 2010. – № . – С. 122–125.

3. *Горская Н.И., Козлов В.А.* Административная и судебная власть в России второй половины XIX в.: история противостояния // *История государства и права*. – 2009. – № 13. – С. 23–27.

4. *Захаров В.В., Ильина Т.Н.* Система подготовки кадров для органов правосудия в России во второй половине XIX – начале XX вв. М. : РИОР, ИНФРА-М, 2013. – 193 с.

5. *Зипунникова Н.Н.* Юридическое образование и наука в императорской России // *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право*. – 2007. – № 6. – С. 163–173.

6. *Коновалов В.С.* Самодержавие и проведение реформы в 1861 г. в работах Л. Г. Захаровой (Сводный реферат) // *Реформа 1861 г. в истории России (к 150-летию отмены крепостного права)*. – 2011. – № 2011. – С. 135–148.

7. *Курнова Н.А.* Формирование и кадровый состав присяжных заседателей в Орловской губернии в конце XIX в. // *Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. История и политология*. – 2009. – № 2. – С. 142–145.

8. Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступления и проступки // *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 35: 1860. Отд. 1. № 35892*. – СПб. : Гос. тип., 1862. – С. 725–727.

9. Наказ судебным следователям: Именной указ от 8 июня 1860 г. // *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 35: 1860. Отд. 1. № 35891*. – СПб. : Гос. тип., 1862. – С. 715–725.

10. Общий устав Императорских российских университетов: Именной устав от 18 июня 1863 г. // *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 38: 1863. Отд. 1. № 39752*. – СПб. : Гос. тип., 1866. – С. 621–638.

11. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 8. Судебная реформа. – М. : Юрид. лит-ра, 1991. – 495 с.

12. *Серов Д.О.* Прокурорско-следственные кадры Российской империи в 1850–1860-е гг.: образовательный уровень

(из истории и предыстории судебной реформы 1864 г.) // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 11. – С. 2622–2629.

13. Учреждение судебных следователей: Именной указ от 8 июня 1860 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 35: 1860. Отд. 1. № 35890. – СПб. : Гос. тип., 1862. – С. 710–715.

14. Учреждение судебных установлений: Именной указ от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 39: 1864. Отд. 2. № 41475. – СПб. : Гос. тип., 1866. – С. 180–215.

15. *Федоров В.А.* Падение крепостного права в России: Документы и материалы. – Выпуск. 1: Социально-экономические предпосылки и подготовка крестьянской реформы. – М., 1966. – 100 с.

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_24

СУДЕБНЫЕ ОРГАНЫ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Рассмотрены изменения в формах и содержании деятельности судебных органов Новосибирской области на начальном этапе Великой Отечественной войны (лето – зима 1941 г). В основу исследования легли партийно-государственные законодательные акты военного времени, мобилизовавшие советское право, перестроившие правоприменительную деятельность судебных работников в течение нескольких месяцев после начала Великой Отечественной войны. Очевидно, что сейчас, в условиях специальной военной операции, исследование особенностей судопроизводства в чрезвычайных условиях получает новый импульс.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, судебные органы Новосибирской области, народный суд, Сибирь, советское право, судопроизводство, режим военного положения.

NOVOSIBIRSK REGIONAL COURT AT THE INITIAL STAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article examines the changes in the activities of the Novosibirsk Region court at the beginning of the Great Patriotic War. The study is based on the acts of the Communist Party and the Soviet state. It is obvious that nowadays the study of the peculiarities of judicial proceedings in emergency conditions is receiving a new impetus.

Key words: The Great Patriotic War, Novosibirsk regional court, people's court, Siberia, soviet law, judicial proceedings, martial law regime.

* **Михеев Дмитрий Юрьевич**, кандидат исторических наук, Новосибирский военный институт войск национальной гвардии, г. Новосибирск, Россия.

Dmitry Yurievich Mikhееv, Candidate History, Novosibirsk Military Institute of the National Guard Troops, Novosibirsk, Russia.

Великая Отечественная война коренным образом изменила весь уклад жизни советских людей, вошла в каждый дом, в каждую семью. Уже 22 июня 1941 г. советское правительство издало ряд указов, определивших всю систему организации и деятельности партийных и государственных органов. И хотя в правовых основах судебной системы и принципах судопроизводства существенных изменений не произошло [1], а суды всех инстанций продолжили работу, из-за эвакуации меняя лишь места размещения (например, Народный комиссариат юстиции РСФСР – в Оренбург [7]), конечно же, правовая система страны, уклад деятельности судов были переведены на «военные рельсы» для решения чрезвычайных задач по отражению агрессии нацистской Германии.

Перестройка судопроизводства началась с опубликованного в первый же день войны Положения о военных трибуналах [3], расширившего полномочия трибуналов и устранившего предварительное расследование по некоторым видам преступлений.

Особым содержанием деятельность судебных органов наполнил Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [2], запретивший увольнения с предприятий, а за опоздания на работу и отсутствие на рабочем месте установивший уголовную ответственность. Позже, в конце 1941 г., стали появляться и другие акты, предусматривавшие ответственность за попытки самовольно уйти с предприятия. На весь период войны данный вид преступления прочно вошел в судебную практику как народных судов, так и военных трибуналов. Стремительно формирующаяся с началом войны систему уголовно-правовых новелл дополнил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г., предусматривавший наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 8 лет за дезертирство с предприятий военной промышленности [4, с. 29–30].

Отметим, что дезертирство с оборонных предприятий подлежало рассмотрению в военных трибуналах. В Сибири это были военные трибуналы Сибирского военного округа (СибВО), войск НКВД, транспортные трибуналы. И хотя военные трибуналы составляли основу советской судебной системы в годы Великой Оте-

чественной войны, народные суды тем не менее в рамках своей подсудности сохраняли важное значение для государства. Интересное наблюдение, ещё ждущее своего объяснения: наибольшее количество оправдательных приговоров народными судами было вынесено в начальный период войны, в 1941 г. (11,6 %), а наименьшее – в победном сорок пятом (8,9 %). И количество уголовных дел, возвращенных на доследование подготовительными заседаниями верховных, краевых, областных и окружных судов РСФСР, также меньше всего было в 1941 г. (3,8 %), а больше всего – в 1945 г. (8,1 %) [1, с. 334].

Важным источником информации о деятельности судебных органов в годы войны является сибирская печать. Пока сложно сформулировать гипотезу, которая вполне достоверно объяснит тот факт, что за весь военный период главный печатный орган Новосибирской области газета «Советская Сибирь» опубликовала всего 5 заметок о работе сибирских народных судов (в 1941 г. – ни одной, в 1942-м – 1, в 1943-м – 3, в 1944-м – ни одной, и единственная заметка вышла в 1945 г.). Всего 5 материалов в центральной областной газете за 1941–1945 гг. Во всяком случае, это всё, что удалось найти автору. Вероятно, в течение войны народные суды были в тени военных трибуналов. Коротко остановимся на содержании публикаций. В заметке 1942 г. редакция сообщает читателям о руководителях Мариинского райсовета, осужденных за бездушное отношение к эвакуированным в Сибирь [5]. Все материалы 1943 г. – об осуждении Новосибирским областным судом руководителя Евсинской нефтебазы за растрату [6].

Важнейшую роль требовательного и непреклонного организатора повседневной напряженной деятельности первых военных месяцев для сибирских судебных работников выполняли указания, главным образом НКЮ РСФСР. Первым, в сентябре 1941 г., стало информационное письмо НКЮ РСФСР № 1 «О работе судов в условиях военного времени» [8]. Наркомюст потребовал «немедленно перестроить всю работу на военный лад, всё подчинить интересам фронта и задачам организации разгрома врага» [11]. И, может, впервые в судейском сообществе употребил выражение «справедливая священная война» [10]. Письмо также содержало выводы из опыта двух месяцев работы судебных органов после

начала войны. Руководство Наркомата юстиции наряду с незначительными положительными моментами, касающимися, например, быстрой замены народных судей, мобилизованных на фронт, отмечало целый ряд недостатков, которые можно коротко охарактеризовать как «хаос и неразбериха» [9]. В этом смысле показателен Указ Президиума ВС СССР от 12 июля 1941 г., освободивший от отбывания уголовного наказания осужденных по целому ряду составов преступлений (указы от 26 июня 1940 г., 10 августа 1940 г. и др.). Ошибки правоприменения данного указа привели к тому, что в условиях массовой беспорядочной эвакуации стали распространяться слухи о том, что за самовольный уход с предприятий «теперь не судят». Результатом явилась неразбериха в работе всей правоохранительной системы.

Исследовательские цели обязывают нас непременно упомянуть Директиву от 15 июля 1941 г. наркома юстиции СССР Н.М. Рычкова о сокращении штатов не позднее 1 августа. В течение двух недель численность судебных работников всех уровней надо было сократить не менее чем на 20 %, а в местностях на военном положении – не менее 30 %; количество народных судов в городах сократить не менее чем на 25 %, а в городах местностей на военном положении – не менее чем на 30 %. В качестве причины нарком указал значительное сокращение количества дел [12]. Итак, кадровый состав судов за две недели должен был сократиться почти на четверть. И это в условиях, когда часть прежних судебных работников довоенной поры уже мобилизована на фронт. Архивные фонды Новосибирского областного суда, кажется, сохранили высокий градус «выяснения отношений» между управлением юстиции области и Наркоматом юстиции РСФСР. Выяснение отношений, разумеется, ни к чему не привело, и «кадровый удар» едва не парализовал народные суды. Усугубляло ситуацию то, что и до сокращения штатов судьи в Новосибирской области едва справлялись с нагрузкой, превышали процессуальные сроки: по состоянию на 7 июля 1941 г. 908 человек под стражей ожидали рассмотрения дел сверх положенного времени [13].

Хронически больной вопрос того времени – финансирование судебных органов Сибири. Председатель Новосибирского областного суда К.В. Сидоров только в сентябре 1941 г. дважды до-

кладывал наркому юстиции РСФСР К.П. Горшенину о крайне тяжёлом финансовом положении. Хроническое недофинансирование в течение трех кварталов 1941 г. (то есть и в предвоенные месяцы) составило 27 700 рублей, и областной суд «заимствовал деньги в различных организациях» [14].

Таким образом, перестройка деятельности судебных органов Новосибирской области в первые месяцы Великой Отечественной войны проходила в сложных и противоречивых условиях. В основе их деятельности лежали решения партийных и государственных органов. Основными руководящими документами для судебных работников области являлись директивы, указания, информационные письма, посредством которых НКЮ СССР и НКЮ РСФСР в кратчайшие сроки после начала Великой Отечественной войны перестроили весь уклад жизни и деятельности управления НКЮ и суда Новосибирской области. Особое место на начальном этапе войны занимает письмо НКЮ РСФСР № 1 «О работе судов в условиях военного времени» с требованием немедленно перестроить всю работу на военный лад, всё подчинить интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Финансовое обеспечение Новосибирского областного суда в первые месяцы войны находилось на критически низком уровне. Состояние кадров на начальном этапе войны, особенно после мобилизации, объявленной 22 июня 1941 г., и сокращения судебных работников 1 августа 1941 г., едва не привело к параличу судопроизводства. В течение войны народные суды, вероятно, находились в тени военных трибуналов. Проводимая Российской Федерацией специальная военная операция заставляет вновь обратиться к опыту работников Новосибирского областного суда в годы Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. *Кожевников М.В.* История советского суда. 1917–1956 гг. – М., 1957. – 383 с.
2. О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений : Указ Президиума

Верховного Совета СССР // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1940. – № 20.

3. Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1941. – № 29.

4. Трудовое законодательство военного времени. – М. : Профиздат, 1943. – 192 с.

5. Советская Сибирь, 1942, 25 марта.

6. Советская Сибирь, 1943, 4 августа; Советская Сибирь, 1943, 15 августа.

7. ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 9. Д. 5. Л. 96.

8. ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 9. Д. 5. Л. 122.

9. Там же, л. 123.

10. Там же, л. 129.

11. Там же, л. 130.

12. Там же, л. 77.

13. Там же, л. 74.

14. Там же, л. 193.

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_30

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КИБЕРПРОЦЕССОВ

Аннотация. Киббертехнологии начали развиваться в 80-х гг. прошлого века, и с тех пор киберпространство стало одной из важнейших информационных платформ, при помощи которой сегодня осуществляются международные отношения, начиная от политики и экономики и заканчивая военными конфликтами и космической связью. Интернет предполагалось использовать как бесплатную открытую платформу для общения между людьми без какого-либо государственного контроля и нормативного регулирования. В представленной статье решается вопрос регламентирования киберпространства как важнейшего аспекта международного нормативного правового регулирования, однако деятельность политиков и юристов в управлении киберпространством отстает от технологических разработок, в результате чего проблема привлекает внимание всё большего числа юристов, политиков, философов, социологов и др.

Ключевые слова: публичное право, международное право, киберпреступления, управление киберпространством, правотворчество, государственный суверенитет, правовое пространство.

LEGAL REGULATION OF CYBER PROCESSES

Abstract. Cyber technologies began to develop in the 80s of the last century, and since then cyberspace has become one of the most important in-

* **Альбов Алексей Павлович**, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Российского государственного гуманитарного университета, профессор кафедры теории, истории государства и права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия.

Albov Alexey Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Russian State University for the Humanities (RGGU), Professor of the Department of Theory, History of State and Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Russian Ministry of Justice), Moscow, Russia.

formation platforms through which international relations are carried out today, from politics and economics to military conflicts and space communications. The Internet was intended to be used as a free, open platform for communication between people without any government control or regulation. The presented article addresses the issue of regulating cyberspace as the most important aspect of international legal regulation, however, the activities of politicians and lawyers in the management of cyberspace lag behind technological developments, as a result of which the problem attracts the attention of an increasing number of lawyers, politicians, philosophers, sociologists, etc.

Key words: *public law, international law, cybercrimes, cyberspace management, lawmaking, state sovereignty, legal space.*

Анализ основных юридических текстов и академических исследований позволяет утверждать, что хотя вопрос правового регулирования киберпроцессов лишь недавно стал активно обсуждаться как одна из новейших областей теории права и государства, международного права, в рамках проблем суверенитета, территориальной целостности и невмешательства в диалог вступили различные, иногда диаметрально противоположные, теории и концепции: от утверждения, что киберпространство – территория вне права, до тезисов о полном контроле над всей системой современных технологий.

Стали появляться различные концепции, предложения, касающиеся контроля киберпространства и придания ему соответствующего правового статуса. На международном уровне был выдвинут ряд инициатив, целью которых являлось принятие международно признанных норм и принципов, регулирующих киберпространство. В рамках исследования «Неформальное международное правотворчество: путь из тупика Международного гуманитарного права?» [1, с. 2111–2130] проводилось обсуждение того, как и в какой степени международное право может и должно влиять на киберпространство.

Кибердеятельность стала ключевой глобальной проблемой из-за растущего числа и масштабов враждебных киберопераций против ряда стран с начала 2000-х гг. [2, с. 114–120]. Эти акции создали проблемы из-за дестабилизирующего воздействия, которое они оказывают на всю международную систему. Кибератаки в 2010-х гг. привлекли внимание практически всех государств. Ки-

берпространство и его мирное управление стали неотъемлемой частью измерения как международных отношений, так и международного права. Неуклонный рост числа киберопераций в сочетании с необходимостью выявления ответственных лиц (будь то государство или негосударственные субъекты права) вынудили мировое сообщество сосредоточиться на создании международного механизма с максимальным привлечением всех заинтересованных сторон, в том числе и ООН, для поддержания международной стабильности.

Публично-правовое регулирование киберпроцессов – это целая взаимосвязанная система норм права, целью которой является регламентирование отношений как между государствами и международными организациями, так и внутри самих государств, производящих и использующих новейшие технологии, включая искусственный интеллект.

Глобальное управление киберпространством (т. е. техническая архитектура, которая позволяет функционировать глобальному интернету) и глобальное управление в киберпространстве (т. е. то, как государства, промышленность и пользователи могут использовать эти технологии) стали важными научными проблемами, требующими действенного решения, поскольку внимание государств к этой технологии расширяется и кибероперации становятся всё более частыми в международных отношениях.

В этой связи обсуждается вопрос о том, является ли международное право и его принципы, применимые к киберпространству, чем-то новым, однако проблема лишь недавно начала привлекать к себе внимание мировой общественности. Киберпространство открывает для государств новые возможности во всех сферах, поэтому как ученые-теоретики, так и практики в различных областях делают особый упор на оперативность и комплексность ответов на современные вызовы. При этом учитывается правовое измерение не только в отношении правил, регулирующих безопасность государств, но и в отношении стратегической конкуренции. Кроме того, поскольку киберпространство не ограничивается рамками одного государства, его управление и контроль требуют многостороннего международного сотрудничества как государственных, так и негосударственных структур. Однако отсутствие четких принципов

и нормативная двусмысленность в отношении различных проблем препятствуют принятию общеобязательных правил, касающихся использования киберпространства участниками международной системы.

Принимая тот факт, что ответственность государства за безопасность своей сети поддерживается всем сообществом, признанные концепции суверенитета, территориальной целостности и невмешательства должны установить также принципы публичного права для нормативного регулирования киберпространства.

Действительно, киберпространство – это глобальная область внутри информационной среды, уникальный характер которой определяется применением электроники для создания, хранения, обмена и использования информации через сети с использованием информационно-коммуникационных технологий [3, с. 28].

Такой подход позволяет утверждать, что физическое изменение киберпространства – это некая инфраструктура, созданная в результате слияния кооперативных сетей компьютеров, информационных систем и телекоммуникационной инфраструктуры и называемая обычно Всемирной паутиной, которая на данный момент стала важнейшим способом распространения вредоносного программного обеспечения. Кроме того, под понятие «сетевая преступность» подпадают также кража личных данных, мошенничество, шпионаж и незаконный сбор сведений о тех или иных субъектах или объектах.

В результате стремительного развития технологий, информации и сетей связи киберпространство превратилось в «надтерриториальную» среду, созданную для решения различных задач, и в настоящее время стало важнейшим коммуникативным полем. С этой точки зрения киберпространство представляет собой некую альтернативу физическим и природным сферам государства, и вместе с тем оно интегрирует все эти сферы. Следовательно, можно утверждать, что киберпространство присутствует в различных элементах государственной системы, где международное сообщество всё больше вовлекается в эту специфическую среду, объединяющую миллионы сетей без какого-либо контроля и без географических границ.

В этом смысле киберпространство стало вызовом устоявшимся политическим, социальным и экономическим условиям международного сообщества и радикально трансформировало систему управления государствами, предоставления услуг и общественных благ, изменило взаимодействия людей с государством и гражданским обществом. В этих условиях стоит сложнейшая задача – определить правовой порядок в такой сложной сфере, как государственный суверенитет и национальная безопасность. Известно, что межгосударственные отношения регулируются признанными нормами публичного права как фундаментальной опорой глобальной системы. Эти нормы являются обязательными в отношении использования и регулирования государствами информации и выступают в качестве коммуникативных технологий для защиты от всех видов вредоносных операций в международном контексте. Однако со временем закон может утратить свою юридическую силу из-за новых технологических разработок в информационных и коммуникационных сетях, которые, в свою очередь, оказывают влияние и на межгосударственные отношения. Появление киберпространства вызвало необходимость совершенствования правовой системы и внесения корректив для создания безопасной и надежной киберсреды в каждом государстве.

Обращаясь к современному положению о регулировании киберпространства, можно видеть, что оно не существует в правовом вакууме, – скорее среди всех участников международного сообщества имеется определенный консенсус по различным предметам регулирования, установления и внесения изменений в действующие нормы, а также корректировка принципов международного права относительно деятельности государств в киберпространстве.

В частности, предполагается, что государственный суверенитет и международные нормы и принципы распространяются на ведение государством деятельности, связанной с информационно-коммуникативными технологиями, а также на его юрисдикцию на своей территории. В свою очередь, это также предполагает, что государства связывают себя принципами «суверенного равенства», невмешательства во внутренние дела друг друга [4].

Проблема заключается в согласовании соответствующих правовых принципов, которые имеют отношение к различным сферам частной и публичной деятельности: отсутствие в киберпространстве универсальной и хорошо функционирующей системы международного права привело к правовой неопределенности из-за разногласий в толковании, даже относительно буквы и духа закона. Кроме того, разнообразие действующих лиц в киберпространстве также обуславливает необходимость определения юрисдикции международного права в киберпространстве.

Другой проблемой киберуправления является неопределенность в отношении целевой группы, для которой будет иметь силу легитимность принципов международного права и необходимость пресекать противоправное поведение государства. Однако без установления того, кто является субъектом правоотношений в киберпространстве, кто несет ответственность и по каким нормам, становится невозможно эффективное его регулирование. Кроме того, возрастают конкурирующие претензии между государствами, возникают существенные различия в толковании норм и принципов права.

В этих условиях, очевидно, необходимо оценивать конкретное содержание отдельных норм, чтобы определить, являются ли они актуальными для киберпространства, и если да, то как они будут применяться и корректироваться в процессе сотрудничества. Однако часть государств предпочла не обсуждать возникающие проблемы. С другой стороны, некоторые из них самостоятельно пытались обеспечить свою безопасность и правовой суверенитет в отношении киберпроблем. Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.В. Коновалов отметил, что «правовой суверенитет – это исключительно важное, неотъемлемое и обязательное методологическое условие для осуществления самостоятельной правовой политики в интересах общества и государства, национальных интересов на основе принципов права» [5].

Хотя суверенитет означает власть и верховенство государства в его традиционном понимании, он также обеспечивает территориальность государства. Однако уже сегодня территория – это не просто географическая или физическая конструкция, а юридиче-

ская и политическая конструкция организации политической власти, обеспечивающей безопасность и правовой суверенитет. Киберпространство бросило вызов правовой системе государств и поставило перед необходимостью провести переоценку базовых концепций и понятий, включая такие как «суверенитет», «безопасность», «власть», с точки зрения «кибервестфальской эпохи» [6].

На текущий момент многие понятия и концепции, которые до сих пор считались незыблемыми, подлежат пересмотру и изменению. Несмотря на то, что данная трансформация происходит в эпоху цифровых технологий, принцип суверенитета остается высшим приоритетом для всех государств. Если суверенитет символизирует власть, то государство должно осуществлять суверенитет над всеми субъектами, объектами и действиями в своём киберпространстве так же, как оно делает это в своем некиберпространстве. Реализация суверенитета в киберпространстве может интерпретироваться с двух точек зрения – основанной на правах и основанной на обязанностях.

Будучи основополагающим принципом государственности, суверенитет прежде всего предполагает высший авторитет любого государства с точки зрения его территориальной целостности и политической независимости. Инфраструктура, субъекты, формирующие мировое киберпространство, располагаются на суверенных территориях государств и принадлежат правительствам или компаниям в пределах государственных границ. Следовательно, государства имеют власть над инфраструктурой информационно-коммуникационных технологий, расположенной на их национальных территориях, и открыто заявляют о своей приверженности защите своих национальных киберграниц.

Таким образом, киберинфраструктура находится под юрисдикцией государства, а киберпространство формируется на определенных суверенных территориях и закономерно подпадает под защиту конкретного государства. Но поскольку ущерб в киберпространстве вполне возможен и, как мы уже не раз видели, вполне реален, государства не могут позволить себе оставить его бесконтрольным, несмотря на возникающие трудности, связанные с воздействием на фактически безграничном пространстве.

В этом смысле каждое государство имеет право управлять и контролировать всех субъектов киберпространства и содержание программ, что обеспечивает безопасную среду функционирования этого государства. Соответственно, принцип суверенитета применяется к кибердеятельности государств как способность регулировать такие вопросы в пределах территориальных границ и осуществлять над ними полномочия.

В свете разногласий и неопределенности по данным вопросам, а также размытия киберграниц авторы отмечают, что существуют суверенитет над киберпространством и суверенитет в киберпространстве, однако нет никакого самостоятельного киберсуверенитета [7, с. 288]. В этой связи каждому государству предоставлено право определять соответствующие правила и принципы управления киберпространством внутри собственных границ.

Можно утверждать, что киберпространство не может ограничивать суверенитет. Напротив, любое государство может заявить суверенитет, осуществляя свою юрисдикцию над киберинфраструктурой, расположенной на его территории, над своими гражданами, а также над иностранными гражданами, в том числе являющимися законными представителями зарубежных компаний.

Таким образом, дальнейшее развитие киберпространства открывает много новых вопросов как в теории государства и права, так и в международном праве. Эксперты по урегулированию новых вызовов, субъекты бизнеса не раз обсуждали эти проблемы и, в частности, сосредоточивали внимание на вопросе о том, как регулировать киберпространство через международное право.

Отправная точка этих дебатов – государственный суверенитет должен быть положен в основу международного права. Однако из-за относительно нового характера воздействия современных информационных технологий на систему права, государство, экономику и всю социальную структуру обязательного и универсального публичного правопорядка такой механизм до сих пор не создан и находится в стадии обсуждения в различных международных организациях.

Источники и литература

1. Janssens P.C., Wouters J. Informal international law-making: A way around the deadlock of international humanitarian law? // International Review of the Red Cross. – 2022. – Vol. 104. – Iss. 920–921 (How International Humanitarian Law Develops). pp. 2111–2130 / URL: <https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2022-11/informal-international-law-making-a-way-around-the-deadlock-of-ihl-920.pdf> (Дата обращения: 25.12.2023).

2. Ефимова Л.Г. Источники правового регулирования общественных отношений в киберпространстве // Lex russica. – 2020. – Т. 73. – № 3. – С. 114–120.

3. Kuehl D.T. From cyberspace to cyberpower: Defining the problem, in: Cyberpower and National Security /Ed. by Kramer F.D., Starr S.H., Wentz L.K. Washington, DC: National Defense University Press, 2009. – P. 28.

4. Research Handbook on International Law and Cyberspace // Официальный сайт издательства Edward Elgar Publishing [Электронный ресурс] / URL: <https://www.e-elgar.com/shop/gbp/research-handbook-on-international-law-and-cyberspace-9781789904246.html> (Дата обращения: 25.12.2023).

5. Ведомости: «Правовой суверенитет как гарантия национальной безопасности» // Официальный сайт электронного издания «Ведомости.ру» [Электронный ресурс] / URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2022/07/01/pravovoi-suverenitet-kak-garantiya-natsionalnoi-bezопасnosti (Дата обращения: 01.09.2023).

6. Линди С. Разум в тумане войны. Наука и технологии на полях сражения / Пер. с англ.: Н. Кияченко. – М. : Альпина нон-фикшн, 2022. – 390 с.

7. Gourley S.K. Cyber Sovereignty, in: Conflict and Cooperation in Cyberspace: The Challenge to National Security / Ed. by Yannakogeorgos P.A. and Lowther A.B. Boca Raton–London–NY: Taylor & Francis, 2014. – P. 288.

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_39

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ИНФЛЯЦИЯ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, ТЕНДЕНЦИИ

***Аннотация.** Рассматривается одна из тенденций современного законодательства – законодательная инфляция. Актуальность исследования обусловлена тем, что при всей распространенности этого явления в науке и практике отсутствует единый подход к нему. Перечисляются объективные и субъективные причины законодательной инфляции. Исследуются ее количественные и качественные показатели. На основе анализа существующих подходов к понятию законодательной инфляции формулируется авторское определение.*

***Ключевые слова:** законодательство, законодательная инфляция, тенденции, рост количества законов.*

LEGISLATIVE INFLATION: CONCEPT, SIGNS, TRENDS

***Abstract.** The article examines one of the trends in modern legislation – legislative inflation. The relevance of the study is due to the fact that, despite the prevalence of this phenomenon, there is no unified approach to it in science and practice. The objective and subjective causes of legislative inflation are listed. Its quantitative and qualitative indicators are being investigated. Based on the analysis of existing approaches to the concept of legislative inflation, the author's definition is formulated.*

***Key words:** legislation, legislative inflation, trends, growth in the number of laws.*

* **Шутова Валентина Николаевна**, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия.

Shutova Valentina Nikolayevna, Candidate of Law Science, Associate professor, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Irkutsk, Russia.

В научной литературе в последние годы активно обсуждаются проблемы качества законодательства в различных аспектах. Одной из тенденций, характеризующих современное состояние законодательства, причем не только в России, является общее увеличение массива нормативных правовых актов вообще и законов в частности.

Следует подчеркнуть, что в современных условиях увеличение количества нормативных правовых актов имеет как объективные, так и субъективные причины. К объективным причинам относится в первую очередь усложнение общественных отношений, появление новых сфер правового регулирования. Игнорировать новые общественные отношения, предотвращая рост количества законов, означает увеличивать область правовой неопределенности. Кроме того, на темпы законодательного процесса в целом влияют социально-экономические и политические процессы, происходящие в обществе. При этом нельзя обойти вниманием и то обстоятельство, что динамика законодательства, как верно отмечают ученые, «может актуализироваться в зависимости от изменения приоритетов государственного и общественного развития или форс-мажорных событий» [1, с. 84]. Российская правовая действительность в последние годы перманентно находится в условиях действия форс-мажорных обстоятельств. Оперативных мер реагирования последовательно требовали и требуют в настоящее время следующие политические, экономические и социально значимые события: пандемия COVID-19 и необходимость правовой регламентации ограничительных мер; принятие четырех новых субъектов в состав РФ и необходимость их интеграции в правовую систему РФ; проведение специальной военной операции и, соответственно, необходимость правового регулирования вопросов социальной поддержки мобилизованных и добровольцев; нарастающее санкционное давление на Россию и необходимость правового регулирования мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и др. [2, с. 21].

К числу субъективных причин можно отнести общую «политическую мотивацию парламента», выполняющего запрос демократического большинства, и активность отдельных депутатов, показывающих избирателям «эффективность» своей работы путем

реагирования на резонансные события в общественной жизни страны внесением соответствующих законопроектов, призванных решить текущие проблемы «здесь и сейчас». Это явление получило неофициальное название «новостное законодательство».

Подобный «побочный эффект» реакции законодателя на стремительное развитие общественных отношений в различных сферах в последние десятилетия отмечается как в России, так и в зарубежных государствах.

Между тем как в российской, так и в зарубежной науке и практике отсутствует терминологическое единство при характеристике неконтролируемого роста количества законов. Как правило, используются не правовые категории, а некие образные, метафорические выражения. Так, во Франции используются категории «нормативная несдержанность» (*intempérance normative*), «законодательная инфляция» [3], в Германии есть понятие *Gesetzesflut* – «наводнение законов», которое метафорически показывает последствия роста количества законов, сходные с последствиями стихийных бедствий [4, с. 21]. В России же, помимо относительно устойчивого и принятого в юридическом научном сообществе термина «законодательная инфляция», встречаются и иные варианты: «чрезмерное законотворчество» [5, с. 53–57], «гиперактивность законодателя», «юридификация» [6, с. 11, 13], «тиражирование законов» [7, с. 179] и др.

Несложно заметить, что у большинства приведенных выражений отсутствуют признаки юридической терминологии. В этом вопросе следует согласиться с позицией, которую высказал И.П. Кожокар: важно обеспечить «терминологическую чистоту юридической науки» и единообразие в понимании исследуемого явления [8, с. 179]. Представляется, что в науке следует избегать такого разнообразия и остановиться на термине «законодательная инфляция».

Прежде чем формулировать определение законодательной инфляции, необходимо назвать ее признаки и характерные проявления. В этом вопросе среди ученых наблюдается единство взглядов. Так, А.В. Демин отмечает, что это явление включает в себя два аспекта: «устойчивое наращивание нормативных массивов и перманентную новеллизацию действующего законодательства» [9, с.

88]. Таким образом, законодательная инфляция характеризуется не только количественными, но и качественными показателями.

Количественные показатели законодательной инфляции наглядно иллюстрируют статистические данные. Так, по данным официального сайта Государственной Думы, в 2019 г. было принято 530 законов, в 2020-м – 553, в 2021-м – 505. И, наконец, за 2022 г. Государственная Дума приняла 653 закона. Председатель Государственной Думы В.В. Володин, подводя итоги осенней сессии, отметил, что это самое большое количество законов за всю историю работы парламента [10].

Качественные показатели тоже можно выразить в цифрах. Подавляющее большинство законов 2021 г. было направлено на изменение ранее принятых (461 из 505). Так, в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) за год было внесено 42 поправки, в Налоговый кодекс Российской Федерации (далее – НК РФ) – 24, в Земельный кодекс Российской Федерации – 22. По подсчетам экспертов компании «Гарант», средний период стабильности кодексов в 2021 г. составил 77 дней [11]. При этом самыми нестабильными признаны КоАП РФ, НК РФ и Уголовный кодекс Российской Федерации. Если говорить о нестабильности неcodифицированных актов, то здесь своеобразными «чемпионами» можно назвать Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Между тем при общем совпадении взглядов относительно признаков и проявлений законодательной инфляции единый подход к ее пониманию в науке отсутствует. Отдельные попытки определить законодательную инфляцию предпринимались. Так, И.П. Кожокарь дает следующее определение: «Законодательная инфляция – это процесс не соответствующей реальным потребностям правового регулирования интенсификации законотворческой деятельности, обусловленной гиперактивностью законодателя, в том числе его новостным, инструментальным, спорадическим, изолированным и прецедентным нормотворчеством» [8, с. 179]. Это

определение не свободно от всевозможных метафор и содержит в себе термины, которые сами по себе требуют пояснения.

Другое, более краткое определение предложил И.В. Сехин: «...процесс смещения баланса стабильности и динамизма законодательства в сторону изменчивости массива законодательных актов, сопряженный с нарастанием правовой неопределенности» [12, с. 108].

На основании приведенных позиций попытаемся сформулировать авторское определение законодательной инфляции и предложить его в качестве научной дискуссии.

Законодательная инфляция – это повышение законотворческой активности, не обоснованное потребностями правового регулирования, характеризующееся устойчивым увеличением количества нормативных правовых актов и регулярным внесением в них изменений, приводящее к нестабильности законодательства и нарастанию правовой неопределенности.

Источники и литература

1. *Власенко Н.А., Залоило М.В.* Состояние законодательства, уровень законодательной культуры и стандартизация законодательства // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 78–89.
2. *Шутова В.Н.* Законодательная инфляция и другие тенденции современного законодательства: сравнительно-правовой аспект // Пролог: журнал о праве. – 2023. – № 3. – С. 18–26.
3. Rapport public 2006 – Sécurité juridique et complexité du droit – URL: <https://www.vie-publique.fr/rapport/28120-rapport-public-2006-securite-juridique-et-complexite-du-droit>
4. *Сехин И.В.* Законодательная инфляция как актуальная проблема правового регулирования / И.В. Сехин // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 1 (98). – С. 21–26.
5. *Винокуров В.А.* Чрезмерное законотворчество: проблемы и возможные пути решения / В.А. Винокуров // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 10. – С. 53–57.
6. *Зайцева Е.С.* Пределы правового регулирования в правотворческой политике современного Российского государства // Академический юридический журнал. – 2016. – № 2(64). – С. 11–17.

7. *Власенко Н.А.* Кризисные тенденции в законотворчестве современной России / Н.А. Власенко // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 175–182.

8. *Кожокарь И.П.* Законодательная инфляция: теоретико-правовое исследование / И.П. Кожокарь // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – Вып. 56. – С. 158–186.

9. *Демин А.В.* Законодательная инфляция и судебный активизм как способ ее преодоления (на примере налоговых споров) / А.В. Демин // Право и образование. – 2016. – № 2. – С. 88–99.

10. Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. – URL: <http://duma.gov.ru/news/56106>.

11. Число принятых в 2021 году законов оказалось минимальным за последние пять лет. – URL: <https://www.garant.ru/company/about/press/news/1527116/> (дата обращения 11.11.2023).

12. *Сехин И.В.* Законодательная инфляция как кризисная тенденция в праве: на примере книги Вальтера Ляйснера «Кризис закона. Разложение нормативного государства» // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2022. – Т. 26. – № 1. – С. 95–111.

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_44

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ «ЗАЩИТА» В СИСТЕМЕ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. Выявлено, что эпоха перемен затрагивает различные социально-экономические и государственно-правовые институты. Представлен ряд вызовов и угроз национальным интересам государства, в том числе затрагивающих ядро традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов. Уделено внимание теоретико-правовой концепции *pro bono* в части сохранения и укрепления общечеловеческих ценностей. Выявлены планетарная, национальная, вернакулярная роли правовой категории «защита» в системе общечеловеческих ценностей. Сделан вывод о гносеологической, социально-правовой значимости правовой категории «защита» и ее несоизмеримом значении в системе общечеловеческих ценностей.

Ключевые слова: правовая категория, защита, традиционные духовно-нравственные ориентиры, государство, право, моральные принципы, ценность, правовая ценность, общечеловеческие ценности.

THE ROLE AND SIGNIFICANCE OF THE LEGAL CATEGORY «DEFENSE» IN THE SYSTEM OF UNIVERSAL VALUES

Abstract. It is revealed that the era of change affects various socio-economic and state-legal institutions. A number of challenges and threats to the national interests of the state are presented, including those affecting the core of traditional spiritual and moral guidelines and moral principles. Attention is paid to the theoretical and legal concept of *pro bono*, in terms of preserving and strengthening universal values. The planetary, national, vernacular roles of the legal category «defense» in the system of universal values are revealed. The conclusion is made about the epistemological, socio-legal significance of

* Галиев Михаил Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры ДВФ ВАВТ Минэкономразвития России, г. Петропавловск-Камчатский, Россия.

Galiev Mikhail Sergeevich, Candidate of Legal Science, Associate Professor, Russian Foreign Trade Academy Far East Branch, Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia.

the legal category «defense» and its incommensurable significance in the system of universal values.

Key words: *legal category, defense, traditional spiritual and moral guidelines, state, law, moral principles, value, legal value, universal values.*

Современные социальные, экономические, политические тенденции, а равно и явления играют значительную роль в перемене государства и права. Эпоха перемен направлена на модификацию и трансформацию не только социально-экономических, но государственно-правовых институтов. Безусловно, происходящие в эпоху революционных трансформаций изменения модели «человек – общество – государство», а также вызовы и угрозы, затрагивающие межгосударственные, внутригосударственные отношения, оказывают масштабное влияние на общечеловеческие ценности.

Актуальность исследования правовой категории «защита» в системе общечеловеческих ценностей предопределена рядом вызовов и угроз национальным интересам государства.

Во-первых, современными политическими, экономическими условиями глобального цивилизационного и ценностного кризиса, который приводит к потере человеком и обществом духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов.

Во-вторых, цифровым идеализмом как переоценкой качественных и количественных показателей цифровизации и информатизации в повседневной и постоянной жизнеобеспеченности правовой модели «человек – общество – государство».

В-третьих, общеизвестными фактами и условиями, способствующими разрушению однополярного мира, которые оказывают влияние и создают угрозу национальной безопасности государства, и запущенными процессами перехода мира к многополярности, позволяющими трансформировать, усилить, сохранить государство и право и национальный суверенитет.

Типологию системы общечеловеческих ценностей можно представить в виде объективистской и субъективистской систем. Объективистская система общечеловеческих ценностей характеризуется глобальным масштабом и свойственна большинству союзов или объединений государств. Субъективистская система отличается национальным масштабом и характерна для строго определенного государства. Так, примерами объективистской системы могут

служить следующие ценности: достоинство, совесть, равенство, семья, жизнь, совесть, взаимоуважение, солидарность, взаимопонимание, инклюзивность, права человека и основные свободы, справедливость и иные. К ценностям субъективистской системы, на примере российского государства, относятся: достоинство, жизнь, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [1].

Во избежание разрушительного воздействия на историко-правовую, социально-правовую, экономическую и национальную составляющие государственности Российское государство, достигнув высокого национального суверенитета в различных сферах деятельности, столкнулось с внешними угрозами, направленными на утрату общечеловеческих ценностей, в том числе традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов. Поэтому с целью укрепления народного единства, основанного на общероссийской гражданской идентичности, сохранения исконных общечеловеческих принципов и общественно значимых ориентиров социального развития [2] государство формирует социально-правовую концепцию *pro bono* (с лат. «во благо общества, ради общественных интересов»), определяет сферу правового регулирования и создает соответствующий механизм правового регулирования [3, с. 298–299].

Верно утверждает Н.А. Пьянов, что правовое регулирование (позитивно-правовое регулирование) – это осуществляемое с помощью норм позитивного права и других правовых (юридических) средств воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения. Продолжая, Н.А. Пьянов также отмечает, что правовое воздействие – это все направления и формы влияния права на общественную жизнь, сознание и поведение людей [3, с. 292].

Нельзя не согласиться с утверждением С.А. Комарова, что значительную роль в механизме правового воздействия принадлежит правосознанию, правовой культуре, правовым принципам и

правотворческому процессу и собственно механизму правового регулирования [4, с. 488].

Соответственно, российская концепция *pro bono* направлена на различные национальные интересы, в том числе на сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, выступающих «ядром» общечеловеческих ценностей, через призму правовой категории «защита» как высшей ценности в государстве и праве, определяя сферу и механизм правового регулирования защиты духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов.

Переживая период трансформаций, современный мир обращается к различным формам правового воздействия на поведение людей и общественные отношения. В этот сложный период перемен Российское государство воздействует на правовую модель «человек – общество – государство», закрепляя приоритетные направления и нивелированные формы влияния права на жизнеобеспеченность представленной правовой модели.

Таким образом, современные угрозы и риски для правовой модели «человек – общество – государство» предопределяют необходимость государственной политики в сохранении и укреплении общечеловеческих ценностей. Соответственно, сохранить и укрепить «ядро» национальных интересов государства как самостоятельного субъекта права по осуществлению внешней и внутренней политики возможно с помощью правовой категории «защита».

Правовая категория «защита» – это не только мера должного поведения государства, но и правовая ценность, характеризующая его как демократическое и правовое государство. Следует отметить, что демократия приобретает тогда, когда человек принимает на себя ответственность за все события, происходящие в жизни страны, и за все принимаемые решения [5, с. 22–23]. Поэтому, безусловно, стоит признать, что правовая категория «защита» – это правовая и социальная реальность, характеризующаяся исторической, социальной, правовой и экономической действительностью, существующая объективно в правовой модели «человек – общество – государство» независимо от их сознания, воли и эмоций.

Анализируя нормативные правовые акты, закрепляющие правовую категорию «защита» и отражающие общечеловеческие

ценности, можно выделить следующие роли правовой категории «защита» в системе общечеловеческих ценностей.

1. Планетарная, выражающаяся в совокупности единых международно-государственных правовых инструментов, обеспечивающих бытие правовой категории «защита».

Следует отметить, что положения Концепции участия Российской Федерации в объединении БРИКС [6] (далее – Концепция) закрепляют цели такого участия и определяют одной из целей международно-политического сотрудничества развитие по вопросам защиты прав человека и основных свобод в мире. Кроме этого, указанная Концепция придает приоритетное значение сотрудничеству в области расширения информированности народов государства о традициях друг друга. Правовая категория «защита» содержится и в положениях Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 [7].

Более того, принятая 23 августа 2023 г. Йоханнесбургская декларация-II [8] (далее – Декларация) закрепляет в интересах инклюзивной многосторонности защиту демократии, прав человека и основных свобод для всех. Приоритетным считаем то, что правовая категория «защита» в Декларации базируется на неизбирательном, неполитизированном и конструктивном формате, без двойных стандартов. Можно предположить, что данное положение несет индикативный и прогностический характер для создания планетарной стандартизации правовой категории «защита». Декларация поддерживает и защиту культурных ценностей.

2. Национальная, представляет собой стандартизацию концептуального подхода к механизмам, правовым инструментам, обеспечивающим правовую категорию «защита» в конкретном государстве. Национальная роль правовой категории «защита» выражается в системе законодательства, которая устанавливает и закрепляет соответствующие правовые средства и формы правовой категории «защита». Но следует отметить, что современная эпоха перемен, а равно и цифровой идеализм детерминируют правовую категорию «защита» к стандартизации с целью использования такого стандарта для устойчивого развития государственности и правовой среды.

3. Вернакулярная роль правовой категории «защита» выражается в контратипировании национального концептуального подхода с имеющимися социальными и правовыми особенностями региона конкретного государства.

Таким образом, фрагментарный анализ правовой категории «защита» в системе общечеловеческих ценностей позволяет определить ее значение.

Во-первых, ее гносеологическая значимость выражается в современном концептуальном подходе к правовой категории «защита» в условиях мировых изменений, насаждения чуждых правовых идеалов и ценностей, цифровизации и информатизации, укрепления национальной суверенности.

Во-вторых, правовая категория «защита» приобретает поистине несоизмеримое значение в системе общечеловеческих ценностей и в категориальном аппарате юриспруденции, поскольку современные тенденции, перемены в государстве и праве, правоприменительность формируют факты концептуального подхода к осмыслению правовой категории «защита».

В-третьих, ее социально-правовое значение отражается в природе социума и природе права. Природа социума предполагает осмысление правовой категории «защита» в идеологическом (идея защиты воздействует на сознание правовой модели «человек – общество – государство») и онтологическом (бытие правовой категории «защита») существовании. Природа права – это ценностно ориентированный подход, определяющий господствующее положение правовой формы над цифровой формой.

Источники и литература

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства РФ. – 14.11.2022. – № 46. – Ст. 7977.

2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. – 05.07.2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.

3. Теория государства и права: учебное пособие / под ред.

А.В. Юрковского. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016. – 620 с.

4. *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. – СПб. : Издательство Юридического института, 2012. – 608 с.

5. Фейерабенд П. Против метода. Очерки анархистской теории познания / Пол Фейерабенд; пер. с англ. А.Л. Никифорова. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 413 с. – (Philosophy).

6. Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС: утв. Президентом РФ. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d452a8a232b2f6f8a5.pdf>

7. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // www.consultant.ru.

8. Йоханнесбургская декларация-II БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ls471x8ogLBhjRQx05ufVB2uzMFo1kWs.pdf> (дата обращения 14.11.2023).

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_51

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Отстаивается идея о динамичности и изменении публично-правового механизма защиты прав и свобод личности. Автором выделены три тенденции трансформации механизма: ослабление роли международных правозащитных институтов, увеличение роли Российского государства и развитие цифрового формата его обращения.

Ключевые слова: публично-правовой механизм защиты прав и свобод личности, тенденции развития механизма, защита прав и свобод, цифровизация, усиление роли государства.

ON THE ISSUE OF THE DEVELOPMENT OF A PUBLIC-LAW MECHANISM FOR THE PROTECTION OF INDIVIDUAL RIGHTS AND FREEDOMS

Abstract. In the article, the author defends the idea of dynamism and change of the public-legal mechanism for the protection of individual rights and freedoms. The author suggests two trends in the transformation of the mechanism – the weakening of the role of international human rights institutions (together with the strengthening of internal mechanisms) and the development of the digital format of its appeal.

* **Кулакова Диана Владимировна**, адъюнкт 2-го курса факультета подготовки научных (научно-педагогических) кадров Академии управления МВД России, г. Москва, Россия.

Научный руководитель: **Пожарский Дмитрий Владимирович**, доктор юридических наук, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, г. Москва, Россия.

Kulakova Diana Vladimirovna, Post Graduate Officer of Faculty of Training of Scientific (Scientific and Pedagogical) Personnel Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia.

Scientific curator: **Pozharsky Dmitry Vladimirovich**, Doctor of Law Science, the Head of the Department of State and Legal Disciplines Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia.

Key words: public law mechanism for the protection of individual rights and freedoms, trends in the development of the mechanism, protection of rights and freedoms, digitalization, strengthening the role of the state.

Конституцией РФ провозглашается, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2) [1]. Это положение, закрепленное в первоначалах Основного Закона, детерминирует основу всего конституционного строя страны. Для обеспечения охраны, защиты, восстановления нарушенных прав личности государство создает различные правомочные на это институты, трансформирует их согласно современным вызовам, а также организует реализацию своих функций.

В юридической литературе термин «механизм» совершенно не является функциональной новацией, выдающиеся ученые различных областей права нередко прибегали к его использованию, теоретическому и практическому осмыслению. Исследованиями механизма защиты прав и свобод личности, его дефиницией и структурой занимались ведущие столпы наук конституционного права и теории права (например, А.С. Мордовец, Н.В. Бутылин, И.В. Ростовщиков и др.).

В настоящем исследовании мы не будем давать определение понятия и структуры данного механизма, утвердившееся в юридической мысли, но оговоримся, что концепция единой системы публичной власти открывает в новом свете и публично-правовой механизм защиты прав и свобод личности, включая его системную реализацию на всех территориальных уровнях (федеральном, региональном и муниципальном), что служит фундаментом для его плодотворной организации и воплощения. При этом недостаточно проработан вопрос о развитии этого механизма, а точнее о том, что, несмотря на сформированность, по большому счету, данного понятия в трудах ученых, подвержен ли рассматриваемый механизм трансформации, каковы ее причины и, что более важно, каковы основные тенденции его изменения.

Д.В. Пожарский и А.Ю. Арапов отмечают, что конструкция механизма публичной власти со временем изменяется, появляются новые институты ввиду внутренних социальных изменений и глобальных вызовов [2, с. 131]. К.Д. Шаймарданов уточняет, что ме-

ханизмы, институты, процедуры не являются неизменными, они находятся в динамике, совершенствуются, приспособляются к изменяющимся условиям жизни общества [3, с. 15].

Мы полностью солидарны с идеей ученых о том, что любой механизм в государстве динамичен и изменчив. Для эффективной защиты прав и свобод человека необходимо быть готовым к новым вызовам и угрозам, быть адаптивным. Результативное функционирование институтов публично-правового механизма возможно при синхронизации актуальных знаний и навыков для удовлетворения социальных, экономических, духовных и иных потребностей общества, повышения уровня жизни населения, своевременной и качественной защиты прав граждан.

Однако в настоящее время в научной литературе недостаточно полно освещен вопрос о направлениях развития механизма. На наш взгляд, можно выделить следующие тенденции развития публично-правового механизма защиты прав и свобод личности.

1. Ослабление роли международных правовых механизмов защиты прав личности на государство.

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин отмечал, что участие России в международных соглашениях и конвенциях означает добровольное возложение обязательств, перечисленных в международных документах [4]. С 16 марта 2022 г. Россия не является членом Совета Европы и стороной Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Помимо этого, Федеральным законом № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» исключены положения, согласно которым решения Европейского суда по правам человека являлись основанием для отмены вступивших в законную силу судебных решений, а также для возобновления производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств [5].

Принятые в 2020 г. изменения в ст. 79 Конституции Российской Федерации о неисполнении решений межгосударственных органов, в своем истолковании противоречащих Конституции Российской Федерации, еще раз утвердили положение об уменьшении их значимости для предотвращения принятия дискриминационных решений в отношении Российского государства.

В целом в условиях современной международной санкционной политики в отношении Российского государства, политической напряженности на международной арене повышается риск неправомерных решений в отношении российских граждан. Вследствие этого необходимо регулировать возникающие конфликты собственными силами, что порождает следующую тенденцию суверенизации.

2. Увеличение роли Российского государства.

Н.В. Бутылин пишет о том, что именно государство призвано играть решающую роль в организации государственно-правовой охраны прав и свобод граждан [6, с. 134]. Как отмечает П.П. Баранов, любая правовая конструкция, которую бездумно переносят на отечественную почву, неотделима от философской, юридической культуры определенного общества. Она – часть десятилетиями «притиравшегося» механизма, которая эффективно работает только в нем [7, с. 50–51]. Совершенствование национального механизма защиты прав и свобод граждан необходимо в силу культурных, национальных, правовых особенностей, а также обеспечения ответственности публичных институтов перед населением. Российское государство имеет все условия для оказания своевременной квалифицированной помощи и поддержки своим гражданам, поэтому считаем данную тенденцию продуктивной. Если еще сорока годами ранее, с началом периода перестройки, российская государственность направлялась в соответствии с европейскими идеями и концепциями, заимствовались иностранные правовые институты и механизмы, то в последнем десятилетии формируется тенденция к национальному самоопределению, созданию и модификации внутренних правовых механизмов, изменению законодательной базы, в том числе концепции прав человека, для незыблемости суверенной государственности.

Данную тенденцию можно проследить в учреждении специализированных омбудсменов в Российской Федерации. За последние двадцать лет трансформировался институт уполномоченного, что выразилось в учреждении Уполномоченного по правам ребенка, Уполномоченного по защите прав предпринимателей, Уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг. Анализ статистики работы омбудсменов позволяет сделать вывод

об их значимости и эффективности в процессе урегулировании конфликтов граждан и организаций с органами власти, должностными лицами, финансовыми организациями и иными участниками, осуществляется планомерная и своевременная работа по восстановлению нарушенных прав.

3. Цифровизация технологий правозащитного механизма.

Выделяемая нами третья тенденция немного обособлена от предыдущих, однако вполне уместна. Цифровизация не обходит стороной и механизмы государства, технологический прогресс обуславливает новые аспекты защиты прав граждан (например, права граждан в интернет-пространстве), разрабатываются новые составы правонарушений. Практически у всех государственных органов, а также иных правозащитных институтов есть свой интернет-сайт, где можно путем корректного заполнения электронной формы и приложения документов добиться своевременного оказания помощи по защите своих прав. У Уполномоченного по правам человека Российской Федерации и иных специализированных уполномоченных организована интернет-приемная, куда можно подать свое обращение в электронном виде, что значительно экономит денежные и временные ресурсы.

Таким образом, публично-правовой механизм защиты прав и свобод личности динамичен и обретает новые звенья. В качестве некоторых авторских тенденций считаем возможным выделить: ослабление роли международных правовых механизмов защиты прав личности на государство, увеличение роли Российского государства, цифровизацию технологий правозащитного механизма, при этом данные тенденции взаимосвязаны и взаимозависимы.

Источники и литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru; Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под редакцией С. А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2022. – 333 с.

2. *Пожарский Д.В., Аранов А.Ю.* Государственные корпорации в механизме публичной власти Российской Федерации // Вестник КГУ. – Кострома. – 2022. – С. 130–134.

3. *Шаймарданов К.Д.* Конституционно-правовой механизм защиты основных прав человека и гражданина в Российской Федерации и ее субъектах (на примере Республики Татарстан) : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – Казань, 2003. – 215 с.

4. Российская Федерация не обязана исполнять международные договоры при правовых коллизиях: официальный сайт РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20160517/1434956176.html>.

5. The Russian Federation is excluded from the Council of Europe // Официальный сайт Совета Европы. – URL: <https://www.coe.int/en/web/portal/-/the-russian-federation-is-excluded-from-the-council-of-europe> (дата обращения: 22.12.2023).

6. *Бутылин В.Н.* Милиция в государственно-правовом механизме охраны конституционных прав и свобод граждан : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Бутылин Валерий Николаевич. – Москва, 2001. – 459 с.

7. *Баранов П.П.* Философия права: наука и учебная дисциплина // Философия права как учебная и научная дисциплина : материалы Всерос. научн.-практ. конф. – Ростов-на-Дону. – 1999. – 272 с.

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_57

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВОПРИМЕНЕНИИ

Аннотация. Рассматриваются проблемы понимания места и роли конституционного правоприменения в процессе реализации конституционно-правовых норм. Отмечается, что реальность норм Конституции является залогом эффективного конституционного правоприменения. Конституционное правоприменение исследуется с двух позиций, которые выражают сложность понимания исследуемого института. Даются теоретическая характеристика и содержание конституционного правоприменения. Определяется, что правоприменение является важной формой реализации конституционных норм. Анализируются различные точки зрения ученых на понимание и сущность конституционного правоприменения. В заключение обозначаются перспективы развития научных исследований в сфере конституционного правоприменения.

Ключевые слова: Конституция РФ, реализация конституционных норм, правоприменение, конституционное правоприменение, правоприменительная деятельность.

PROBLEMATIC ISSUES IN THE CONCEPTS OF CONSTITUTIONAL LAW ENFORCEMENT

Abstract. The author discusses the problems of understanding, place and role of constitutional law enforcement in the process of implementing constitutional and legal norms. It is noted that the reality of the norms of the constitution is the key to effective constitutional law enforcement. Constitutional law enforcement is studied from two positions, which express the complexity of understanding the institution under study. The theoretical characteristics and content of constitutional law enforcement are given. It is determined that law

* Самусевич Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА России), г. Иркутск, Россия.

Samusevich Alexey Gennadievich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russian Federation.

enforcement is an important form of implementation of constitutional norms. The various points of view of scientists on the understanding and essence of constitutional law enforcement are analyzed. In conclusion, the prospects for the development of scientific research in the field of constitutional law enforcement are determined.

Key words: *The Constitution of the Russian Federation, implementation of constitutional norms, compliance, use, enforcement, law enforcement, constitutional law enforcement, law enforcement activities.*

На основе анализа теоретических и конституционно-правовых представлений о конституционном правоприменении сформировалась авторская позиция по актуальным вопросам в сфере понимания данного правового феномена [2, с. 84–98]. В данной статье представлены итоги промежуточного этапа на пути формулирования полноценной концепции конституционного правоприменения и его правового механизма, конструкцию которого мы приводили ранее [3, с. 88–94].

Действительно, по отношению к российской реальности на современном этапе развития конституционализма острой проблемой выступает определение самого процесса применения конституционных норм. Поправки, внесенные в текст Конституции РФ в 2020 г. [1], требуют к себе пристального внимания со стороны ученых-теоретиков и конституционалистов в контексте эффективности их применения на практике. На сегодняшний день многие нормы либо вообще не применялись, либо имеют проблемы практической реализации.

Основным актуальным вопросом в рассматриваемой сфере является то, что в отношении понятия «конституционное правоприменение» в теории конституционного права, да и в теории права, отсутствует полноценное исследование, которое в полном объеме раскрывало бы сущность, признаки и структуру механизма данной правовой категории. Ученые неоднократно поднимали вопрос об актуальности представленной темы, отмечая, что определение сущности и места правоприменения в механизме реализации конституционных норм – вопрос достаточно сложный и широко обсуждаемый в юридической науке. Чаще всего правоприменение выделяется наряду с другими известными в теории юриспруденции формами реализации права: соблюдением права, его использовани-

ем и исполнением. При этом данный научный подход проецируется и на область конституционно-правовых отношений [4, с. 50]. Результаты наших исследований показали, что за последнее время ситуация в этой сфере мало изменилась. Тем не менее можно привести наиболее значимые публикации, посвященные конституционному правоприменению, таких авторов, как: С.А. Авакьян, К.А. Ишеков, О.Л. Мурашко, Р.С. Никитин, П.П. Сергун и др. Справедливости ради отметим, что в данных научных публикациях фрагментарно были рассмотрены некоторые вопросы понятия и признаков конституционного правоприменения, его сущности и роли в правовой системе, однако сделать однозначно выводы из представленных трудов о рассматриваемой категории, к сожалению, нельзя.

Вместе с тем, как и было сказано ранее, при формулировании собственной концепции конституционного правоприменения будет логичным опираться на труды указанных ученых, что поможет достигнуть поставленной цели.

Итак, основная проблема состоит в следующем: сегодня невозможно утверждать, что конституционное правоприменение имеет в современных исследованиях какие-то четко очерченные рамки, которые возможно развивать и формулировать. С каждой публикацией возникают все новые вопросы, которые требуют своего научного осмысления в механизме формирования полноценной концепции понимания конституционного правоприменения. Например, становится ясно, что конституционное правоприменение необходимо рассматривать с двух взаимосвязанных позиций:

во-первых, это «классическое» применение отдельных статей Конституции РФ, в процесс которого вовлечены различные субъекты соответствующих правоотношений, а сама процедура правоприменения способствует реализации и разрешению конкретной жизненной ситуации;

во-вторых, это применение Основного закона в целом, т. е. в рамках ее изменения и дополнения. В данных отношениях ключевую роль в качестве субъекта играет Конституционный Суд РФ и в какой-то мере Президент РФ. Именно они реализуют полномочия по изменению конкретных норм Конституции, каких в новейшей истории России было немало. Как видится, здесь нельзя не обратиться к наработкам теории права в соотношении с конституцион-

ной-правовой наукой. Все же при исследовании конституционного правоприменения от чего-то необходимо отталкиваться.

Если первый аспект в какой-то мере соответствует общетеоретическим представлениям о правоприменении, то второй не обладает такими специфическими особенностями и является самостоятельным видом конституционного правоприменения.

Стоит подчеркнуть, что «конституционное правоприменение», или «применение конституции», в большинстве случаев воспринимается и рассматривается авторами как применение, реализация и воплощение конституционных норм и принципов в правоприменительную практику в различных юридических сферах, а также с точки зрения соблюдения конституции, например, органами государственной власти и населением. При этом следует помнить, что Конституция РФ имеет непосредственную связь с разнообразными общественными отношениями, устанавливая юридическую основу их существования [1]. При этом им свойственно постоянное изменение и усложнение структуры и содержания, что порождает необходимость обеспечения динамизма и реальности норм Конституции РФ для предотвращения их отрыва от сущности объекта регулирования и обеспечения эффективности их применения [5, с. 11].

На страницах зарубежной литературы также можно встретить интересные точки зрения о том, что вопрос обеспечения соблюдения конституции важен, потому что большинство конституций в мире терпят неудачу. Только около двух дюжин конституций действуют уже шестьдесят или более лет. Средний срок действия демократической конституции составляет всего шестнадцать лет [6, с. 121]. В целом можно отметить и социологический интерес к конституциям. Это не в последнюю очередь связано с тем фактом, что во второй половине XX века конституции и конституционализм стали основным измерением любого современного общества, т. е. особое понимание и реализация конституционализма в настоящее время являются стандартным способом социальной и политической организации [7, с. 230].

Таким образом, конституционное правоприменение необходимо рассматривать как нечто более содержательное, чем деятельность по применению конкретной статьи конституции. И здесь,

как и полагается науке, имеется плюрализм мнений относительно поставленного вопроса. Можно определенно сказать, что данное направление является перспективным и нуждается в более полном исследовательском осмыслении и обосновании. Как видится, конституционное правоприменение можно рассматривать исходя из общей теории правоприменительной деятельности, учитывая при этом некоторые специфические особенности такой деятельности.

Представления о конституционном правоприменении как о форме реализации норм конституции на сегодняшний день выходят за пределы классического понимания и не всегда соответствуют тем принципам, которые закладываются в правоприменительную деятельность с общетеоретических позиций.

Исходя из этого, сегодня вполне можно вести речь о том, что конституционное правоприменение представляет собой двойственный правовой феномен, включающий в себя:

- во-первых, динамическую составляющую (процесс применения права);

- во-вторых, статическую сторону (систему соответствующих конституционно-правовых отношений), обеспечивающую эффективность реализации конституционных норм на практике.

Полагаем, что приведенные структурные компоненты в совокупности составляют сам механизм конституционного правоприменения, о чем мы будем говорить в следующих публикациях. Вместе с тем конституционное правоприменение, несомненно, играет важнейшую роль в сфере реализации положений Основного закона в целом. При этом концепция понимания конституционного правоприменения, по нашему мнению, должна отвечать современным реалиям, а модель его механизма и обоснования роли в российской правовой системе может быть представлена как основная форма реализации правовых норм и воплощение принципа верховенства права. Мы исходим из того, что конституционное правоприменение должно анализироваться с позиции междисциплинарного подхода с учетом наработок и конституционного права, и теории права, где правоприменение исследовано довольно-таки полно. Все это вызывает определенный научный интерес как для теории права, так и для конституционно-правовой науки.

Источники и литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru; Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под редакцией С. А. Комарова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2022. – 333 с. – (Профессиональные комментарии).

2. Самусевич А.Г. Проблемы понимания конституционного правоприменения / А.Г. Самусевич, В.Н. Шутова // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 4(70). – С. 84–98.

3. Самусевич А.Г. Понятие и структура механизма конституционного правоприменения: постановка проблемы / А.Г. Самусевич // Четвёртые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н. А. Пянова: материалы конференций (Иркутск, 1 октября – 30 2022 года). – Иркутск : Межрегиональная общественная организация «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права», 2023. – С. 88–94.

4. Сергун П.П. Правоприменение в современной теории конституционного права / П.П. Сергун, К.А. Ишеков // Правовая культура. – 2014. – № 3 (18). – С. 50–53.

5. Трошкина А.А. Конституционные имплицитные принципы: к вопросу о понятии и значении / А.А. Трошкина // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 9. – С. 7–14.

6. Hadfield G.K., Weingast B.R. Constitutions as coordinating devices. (2012). *Institutions, Property Rights, and Economic Growth: The Legacy of Douglass North*. – Pp. 121-150.

7. Blokker P. *Sociology of constitutional law and politics*. (2020). *Research Handbook on the Sociology of Law*. – Pp. 230-242.

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_63

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В ОБНОВЛЕННОЙ СИСТЕМЕ СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

***Аннотация.** Анализируется в краткой форме развитие судебного конституционного контроля в Республике Беларусь. Обращается внимание на истоки создания органа специализированного конституционного контроля, динамику его полномочий. Подчеркивается, что наиболее существенные изменения и дополнения в Конституции произошли по итогам республиканского референдума 2022 г. в области системы представительной власти, полномочий Конституционного Суда, который становится активным субъектом системы сдержек и противовесов, утверждения конституционной законности в государстве.*

***Ключевые слова:** система сдержек и противовесов, конституционный контроль, правосудие.*

CONSTITUTIONAL JUSTICE IN THE RENEWED SYSTEM OF CHECKS AND BALANCES IN THE REPUBLIC OF BELARUS

***Abstract.** The article briefly analyzes the development of judicial constitutional control in the Republic of Belarus. Attention is paid to the origins of the creation of the body of specialized constitutional control, the dynamics of its powers. It is emphasized that the most significant changes and additions to the Constitution have occurred following the results of the republican referendum of 2022 in the field of the system of representative power, powers of the Constitutional Court, which becomes an active subject of the system of checks and balances, approval of constitutional legality in the state.*

***Key words:** system of checks and balances, constitutional control, justice.*

* **Василевич Григорий Алексеевич**, доктор юридических наук, профессор, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь.

Vasilevich Grigory Alekseevich, Doctor of Law, Professor, Belarusian State University, g. Minsk, Belarus.

Одним из достижений философской и юридической мысли является идея разделения властей, авторами которой были Дж. Локк и Ш. Монтескье, создание эффективной системы сдержек и противовесов между органами, олицетворяющими различные ветви власти, что характерно в нынешнее время для многих государств. Для них присущи свои особенности этой системы, но в основном есть совпадения: функционирует высший коллегиальный представительный орган (обычно парламент; в Беларуси, помимо парламента, мощный конституционный статус приобрело Всебелорусское народное собрание), исполнительная власть реализует акты представительного органа (нередко в этом качестве, наряду с высшим коллегиальным представительным органом, выступает Глава государства в президентской республике) и органы судебной власти. Для Европы характерно функционирование органов судебного конституционного контроля, обычно в лице специально созданного для его осуществления конституционного суда. Модели судебного конституционного контроля известны: европейская, американская и смешанная.

Во многих государствах были длительные периоды становления судебного конституционного контроля, в том числе периоды, связанные с утверждением роли судов в общей системе властной парадигмы. Не исключение в этом плане и американская (США) система конституционного контроля. Часто ее романтизируют, обращаясь к созданному Верховным Судом США прецеденту по делу Мэрбэри против Мэдисона. Действительно, благодаря этому прецеденту Верховный Суд в дальнейшем стал осуществлять судебный надзор за решениями других ветвей власти. Однако, на наш взгляд, Верховному Суду удалось в этом решении «удовлетворить» интересы всех органов власти и расширить свои полномочия. Интересна предыстория данного спора и заявления тогдашнего Президента США по поводу последствий решения, которое его не устроит. Такой экскурс в данной статье сделан лишь для того, чтобы авторы, стремящиеся к безоглядной критике сложившегося статуса органов судебного конституционного контроля в государствах СНГ, не идеализировали западные образцы конституционной «демократии».

Однако как же развивается судебный конституционный контроль, в частности, в Республике Беларусь? Ответ может быть простой: поступательно, конечно, и с некоторыми периодами отступлений.

Изначально, после конституционных изменений в октябре 1989 г., в Беларуси следовало создать Комитет конституционного надзора. Однако он на протяжении пяти лет, то есть до принятия в марте 1994 г. новой Конституции, так и не был создан.

Созданный в апреле 1994 г. Конституционный Суд Республики Беларусь получил широкие полномочия, прежде всего в отношении проверки конституционности нормативных правовых актов (НПА): он вправе был проверять не только НПА высшего уровня (законы, акты Президента, Правительства), но и НПА министерств, местных советов депутатов и исполнительных комитетов до самого низшего уровня – сельского, поселкового и городов районного подчинения.

Затем, после республиканского референдума 1996 г., произошло некоторое ослабление полномочий Конституционного Суда: он был лишен права возбуждать производство по делам по своей инициативе (причиной, на наш взгляд, явилась пристрастность и «однобокость» его действий, когда он старался проявить инициативу лишь в отношении актов Президента, не видя массу отступлений от требований Конституции со стороны Парламента). Со временем посредством дополнения актов текущего законодательства в той или иной степени такое право было восстановлено. Более того, Президент своим декретом от 26 июня 2008 г. № 14 «О некоторых мерах по совершенствованию деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь» предоставил Конституционному Суду право осуществлять предварительный конституционный контроль всех законов, которые представляются ему на подпись (этот контроль стал обязательным), а также ряд иных полномочий. По итогам предварительной проверки представленных законов Президенту на подпись принимались такие акты, как решения. Они не имели обязательной юридической силы, и Президент вправе был не согласиться с позицией Конституционного Суда. С 2008 г. Конституционный Суд проверил около тысячи законов, все они признаны им соответствующими Конституции, хотя по тексту он и высказы-

вал некоторые пожелания законодателю.

В соответствии с указанным декретом по предложению Президента Республики Беларусь Конституционный Суд получил право излагать позицию о конституционности международных договоров – до подписания Президентом Республики Беларусь нормативных правовых актов о выражении согласия Республики Беларусь на обязательность для нее этих международных договоров. Также по поручению Президента Республики Беларусь он мог давать официальное толкование декретов и указов Президента Республики Беларусь, касающихся конституционных прав, свобод и обязанностей граждан. В данном случае такое полномочие можно признать уместным в силу того, что именно Глава государства его предоставил.

В последующем указанные и иные полномочия были воспроизведены в Кодексе о судостроительстве и статусе судей, а также в законе «О конституционном судопроизводстве».

Модернизация конституционного текста в результате республиканского референдума, прошедшего 27 февраля 2022 г., привела к еще более значительному расширению полномочий Конституционного Суда. Его роль существенно возросла не только с точки зрения роли в конституционном обеспечении прав и свобод граждан на основе анализа результатов нормотворческой и правоприменительной деятельности, но и его влияния на функционирование системы сдержек и противовесов. Однако общим, что объединяет всю канву корректив полномочий Конституционного Суда, является его право осуществлять проверку всех нормативных правовых актов сверху донизу.

В триаде властных структур – Президент, Парламент, Правительство – произошло существенное переформатирование полномочий. Изучение новых конституционных норм показывает, что потребуются тщательный их анализ относительно взаимодействия Главы государства, Парламента, Правительства, Всебелорусского народного собрания и его Президиума. В спорных ситуациях к их решению по инициативе уполномоченных субъектов может подключаться Конституционный Суд.

Ранее нами подчеркивалось, что в Конституции была предусмотрена смешанная система судебного конституционного

контроля: право контроля имел не только Конституционный Суд, но и суды общей юрисдикции [1]. Однако Конституционный Суд осуществляет абстрактный контроль, а иные суды – в рамках рассматриваемого конкретного дела.

Предполагалось, что суд при выявлении расхождения между Конституцией и иным нормативным актом сразу выносит решение по делу, руководствуясь при этом Конституцией (см. ст. 112 в прежней редакции). В настоящее время суд общей юрисдикции при возникновении у него сомнений относительно конституционности акта, подлежащего применению в деле, должен изначально обратиться в Конституционный Суд (см. ст. 112 и 116-1 Конституции) [1]. Однако определяет сам суд, есть у него «сомнения» или нет.

Воздействие Конституционного Суда может быть усилено в связи с наделением его правом толкования Конституции. Ранее это осуществлял Парламент. Конечно, более профессионально выверенными на этот счет могут стать акты Конституционного Суда. Но толкование, на наш взгляд, Конституционным Судом может быть осуществлено не только в связи с запросом для этой цели, но и при разрешении конкретного спора о конституционности того или иного нормативного правового акта.

В ст. 116-1 Основного Закона предусмотрена дифференциация субъектов обращения в Конституционный Суд в зависимости от предмета возможного рассмотрения [1]. Если проверка конституционности нормативных правовых актов и дача толкования Конституции могут быть осуществлены по инициативе шести субъектов власти, то лишь по предложению Главы государства Конституционный Суд проверяет конституционность проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию; о соответствии Конституции законов, принятых Парламентом, до их подписания Президентом; о конституционности вопросов, выносимых на республиканский референдум; о соответствии Конституции не вступивших в силу международных договоров Республики Беларусь.

Ранее, хотя это четко и не было указано, но существовала, на наш взгляд, возможность проверки конституционности международных договоров, которые уже вступили в силу. По итогам такой проверки в Конституционном Суде могла быть начата процедура денонсации международного договора. Прямое указание в

нынешней редакции ст. 116-1 Конституции на то, что проверяются на соответствие Конституции именно не вступившие в силу международные договоры Республики Беларусь, несколько ослабляет, но не исключает наш вывод о возможности проверки конституционности нормативных правовых актов, например законов о ратификации, которыми придана юридическая сила международному договору [1].

Таким образом, Конституционный Суд наделен правом упреждать возможные юридические споры. Поддерживаем установление выборочной (по решению Президента) проверки законов до их подписания Главой государства [2, с. 207–208]. Сомнения лишь вызывает короткий (десятидневный) срок для вынесения заключения, тем более что это может касаться многостраничного акта. В Конституции Российской Федерации установлен более продолжительный срок.

Конституционный Суд задействован в решении вопросов, связанных с процедурой импичмента Президента, роспуском палат Парламента, оценкой конституционности проведения выборов Президента, депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики. То есть его роль весьма значима в утверждении принципа прямого действия Конституции [3; 4].

Особо отметим внедрение института конституционной жалобы. Граждане получили право непосредственного обращения в Конституционный Суд, когда исчерпаны все иные средства судебной защиты и речь идет о возможной неконституционности законов, примененных в конкретном деле. В процессе обсуждения этого аспекта в рамках рабочей группы автор данной статьи предлагал предусмотреть весь круг актов, которые могут быть оспорены гражданами в Конституционном Суде, примененных в конкретном деле. Ведь на практике они часто сталкиваются с тем, что их вопрос (спор) разрешается на основе подзаконного акта. Тогда, получается, они лишены права обращения в Конституционный Суд.

На наш взгляд, можно было бы посредством толкования абз. 2 ч. 5 ст. 116-1 Конституции расширить применение данной нормы, имея в виду, что даже акты подзаконного характера основываются на законодательных актах [1]. Поэтому в своих обращениях в Конституционный Суд граждане могли бы указывать, на

основе каких законов издан оспариваемый нормативный правовой акт. Кроме того, все равно потребуется толкование того, относятся ли к понятию «закон» все законодательные акты, включая акты Президента. Скорее всего, в Конституции речь идет об узком понимании «закона» как акта Парламента. На это обращаем внимание, так как в зарубежной практике и в научной литературе часто под «законом» понимают всю совокупность нормативных правовых актов.

Считаем, что право граждан на обращение в Конституционный Суд с жалобой на основании ч. 5 ст. 116-1 должно быть обеспечено и тогда, когда суд вынес решение, ссылаясь на норму Конституции. Конституция – это Основной Закон [1], и гражданин может не согласиться с интерпретацией нормы указанного закона, ожидая, что более авторитетную и, как он полагает, правильную позицию выскажет Конституционный Суд.

С момента создания Конституционного Суда в 1994 г. в законах начали использовать два вида актов Конституционного Суда – заключения и решения. Первые рассматривались как акты, являющиеся обязательными, обжалованию и опротестованию не подлежащими. К решениям было иное отношение, считалось, что они имеют консультативный характер. Постепенно законодательство менялось, и нивелировалось различие. Даже в ч. 6 ст. 116-1 Конституции в настоящее время предусмотрено, что заключения и решения Конституционного Суда являются окончательными, обжалованию и опротестованию не подлежащими [1]. Это важное положение. Вместе с тем можно было бы в указанной статье Конституции использовать единую терминологию, ведя речь только о заключениях. Ведь привлекает внимание то, что когда гражданин обращается в Конституционный Суд на основании ч. 5 ст. 116-1, то Конституционный Суд принимает решение, а если направляется запрос суда общей юрисдикции, то – заключение. Такая дифференциация не совсем уместна, но не имеет принципиального значения в силу ч. 6 ст. 116-1 Конституции [1].

Таким образом, анализ развития белорусского конституционного законодательства показывает, что благодаря инициативе Главы государства, внесшего на референдум проект конституционных изменений, модернизирована система сдержек и противовесов,

произошло существенное расширение полномочий Конституционного Суда Республики Беларусь. Усилена роль конституционного правосудия как фактора, способного существенно влиять на дальнейшее становление Беларуси как правового государства.

Источники и литература

1. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года № 2875-ХП (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.03.2022 г.) // <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution>

2. *Василевич Г.А.* Проблемы оптимизации конституционного контроля в Республике Беларусь // Конституционный контроль: современные тенденции развития и совершенствования. Междунар. конф., посвящ. 20-летию Конституционного Суда Республики Беларусь (Минск, 27–28 июня 2024 г.). – Конституционный Суд Республики Беларусь ; ред. кол. О.Г. Сергеева [и др.]. – Минск : Белорусский Дом печати, 2014. – 256 с.

3. *Венгеров А.Б.* Прямое действие Конституции: правовые, социальные, психологические аспекты / А.Б. Венгеров // *Общественные науки и современность*. – 1995. – № 5. – С. 48–55.

4. *Василевич Г.А.* Конституция как акт прямого действия и проблемы совершенствования законодательства / Г.А. Василевич // *Гуманітарна-эканамічны веснік*. 1998. – № 1. – С. 110–115.

ПРИВИЛЕГИИ КАК РЕГУЛЯТОР ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Социальное неравенство является неотъемлемой чертой человеческого общества на всех этапах его существования. В различных своих проявлениях неравенство пронизывает все сферы общественной жизни. Политическое и социальное устройство, экономика, ценности, искусство и культура народов мира развивали у людей стремление к улучшению своего положения в обществе. Важное место в вопросах восстановления социального равенства играют привилегии, которые представляют собой правовой феномен.

Ключевые слова: привилегии, преимущества, справедливость, баланс, правопорядок, равноправие.

PRIVILEGES AS A REGULATOR OF PUBLIC RELATIONS

Abstract. Social inequality is an integral feature of human society at all stages of its existence. In its various manifestations, inequality permeates all spheres of public life. The political and social structure, economy, values, art and culture of the peoples of the world developed in people the desire to improve their position in society. An important place in the restoration of social equality is played by privileges, which are a legal phenomenon.

Key words: privileges, advantages, justice, balance, law and order, equality.

Человек стремится к улучшению своего положения, получению больших преимуществ по сравнению с остальными членами общества. Данная ситуация служит стимулирующим фактором в

* Анкаев Дамир Маратович, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир, Россия.

Arkaev Damir Maratovich, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia.

жизнедеятельности. Такого же мнения придерживался К. Маркс, который в своих трудах указывал, что «где равенство, там нет выгоды» [4, с. 165]. Таким образом, наличие привилегий служит мотивом развития личности и общества в целом.

Некоторые из этих привилегий регулируются соответствующими правовыми актами, но большинство из них имеют социальное значение, иными словами, понимаются членами общества как основания для получения блага заявителем. Привилегия – это какое-то преимущество, выгода или право, которым обладает какой-то человек или группа людей, которых нет у других людей или групп. Происхождение преимущества, выгоды или права является хорошей отправной точкой. Большинство форм привилегий, таких как юридическая привилегия, привилегия положения или социальная привилегия, начинаются как сделка между людьми.

На протяжении многих веков развивались, приходили на смену друг другу различные идеи о привилегиях, которыми обладает человек. Так же менялись господствующие в обществе идеологии, представления об идеальном устройстве общества, что напрямую влияло на формирование взглядов на привилегии человека и их роль в обществе и государстве.

Известный древнеримский политический деятель и философ Цицерон считал, что роль и развитие народа важнее, нежели роль отдельных лиц, хотя они и закладывают новый курс. Государство, по его словам, является достоянием народа, что также выступает отсылкой к идеальному прошлому Рима и к необходимости сохранить достижения и традиции предков. Законы, рассуждает Цицерон, также являются одним из основополагающих факторов для обеспечения справедливого управления государством. Однако правителем не должны приниматься законы, которые как-то ограничивают права одних и расширяют права других, их действие должно распространяться на всех в равной степени, включая его самого [5].

Привилегии можно встретить всюду, в различных сферах жизни и различных областях знаний. Даже такая точная наука, как математика, предусматривает наличие привилегий. Основные арифметические действия, включающие в себя сложение, вычитание, умножение, деление, подразумевают приоритет одних над

другими в процессе решения примеров. Так, например, в первую очередь мы производим умножение и деление, а лишь потом сложение и вычитание. Можно сделать вывод о том, что установленный порядок решения математических примеров дает преимущества одним арифметическим действиям над другими.

Г.В. Горланов утверждает, что привилегии находили и находят свое отражение в социальных нормах, возникших раньше норм права; юридическое оформление многих привилегий – лишь фиксация реально сложившегося положения [3, с. 88]. Привилегии являются неотъемлемой частью развития человеческого общества, необходимым элементом, направленным на развитие трудовых и социальных отношений.

Если рассматривать привилегию как активный процесс, процесс предоставления привилегий, это явление можно оценивать не как данное, а как постоянно разыгрываемое, как процесс, осуществляемый между людьми, и, таким образом, определять его как непрерывно конструируемый в обществе. Более того, акцент может быть сделан на обнаружении не только результата привилегий, но и механизмов в повседневных событиях, дающих преимущество, включая решения, которые люди принимают относительно распределения различных ресурсов.

В «Левиафане», например, Т. Гоббс изложил свое видение привилегий в рамках физических особенностей человека. По его мнению, природа сделала людей равными в телесных и умственных способностях, хотя всегда найдется один человек, который иногда явно сильнее телом или более развит умом, чем другой, но если рассматривать все вместе, то разница между человеком и человеком не столь значительна для того, чтобы один человек мог претендовать на привилегию, на которую другой не может претендовать [2].

Таким образом, Т. Гоббс предположил, что, несмотря на неизбежность индивидуальных различий в отношении физических и умственных способностей, такие различия сами по себе не должны предоставлять привилегии. Он утверждал, что, если все равны с точки зрения физических возможностей, каждый должен иметь возможность использовать свои ресурсы, чтобы делать выбор относительно своего участия в жизни общества.

На наш взгляд, данное высказывание относится к категории утопичных, так как каждый человек имеет свои физические особенности, которые в различных жизненных ситуациях могут предоставлять ему привилегию, а могут и лишать ее.

Привилегия присуща повседневной жизни и обычному ведению дел, что отражается во многих из сотен решений, принимаемых людьми каждый день и на протяжении многих лет, включая решения о том, кому и что следует поручить. Эти решения, служащие посредниками жизненных шансов, могут и должны рассматриваться в их более широком межличностном, организационном, культурном и социальном контексте.

Некоторые привилегии, такие как счастье, удовольствие или благополучие, рассматриваются как нематериальные (они считаются ценными по своей сути), в то время как другие, деньги или богатство, рассматриваются как материальные, потому что они позволяют использовать нас для получения других благ (т. е. они рассматриваются как инструментально ценные). Указанные виды привилегий связаны между собой и редко существуют отдельно друг от друга. Например, можно рассматривать здоровье само по себе как привилегию, поскольку позволяет получить работу, образование, возможности и другие вещи, которые являются привилегиями. К привилегиям можно отнести знания как таковые потому, что они имеют практическое применение в таких областях, как медицина, инженерия, юриспруденция и т. д. Таким образом, обладатель знаний имеет преимущества в отношении остальных членов общества.

Привилегия – это одновременно причина и следствие социального расслоения. Покупка товаров с дизайнерской этикеткой – это пример манипулирования воспринимаемым престижем для приобретения социальных привилегий. Больше привилегий приходит с более высокими должностями. Положение – это признак профессионального успеха, который является одним из способов, с помощью которых люди конкурируют за социальный статус. Некоторые формы юридических привилегий, а также все формы позиционных и социальных привилегий связаны с социальным классом. Экономические привилегии, демонстрируемые через демонстра-

тивное потребление, являются традиционным признаком социального класса.

В современном мире привилегия связана с различными категориями идентичности и различий в обществе. Эти категории, такие как раса, класс, пол, инвалидность, считаются основными критериями существования различий, а также описывают социальное положение человека в обществе или в социальной структуре. Именно на основе этих различий присваиваются привилегии. Указанные категории вписываются в критическую схему, поскольку они рассматриваются как объективные, неизменные, фиксированные, устойчивые и проверяемые различия, которые существуют вне всякого социального процесса [1, с. 19].

С другой стороны, категории не однородны и не стабильны, а подвижны, изменчивы, отсюда сложность понимания социальных привилегий. Например, классовая привилегия сложна и многоаспектна, поскольку ее можно достичь с помощью образования, дохода и рода занятий. В то же время класс приписывается и по рождению, и в этом случае он воспроизводится биологически и социально. Для тех, кто находится на вершине социально-экономического статуса, социальный класс обеспечивает более широкий доступ к общественным благам, в то время как люди более низких сословий не могут удовлетворить большую часть своих экономических потребностей.

Один из способов понять социальную привилегию – посмотреть на источник этой привилегии. Социальная привилегия приходит через социальное взаимодействие, а не юридическое или должностное, и представляет собой выбор личного поведения, дающего кому-то преимущества, которые доступны не всем. Источники социальных привилегий являются эффективным способом дифференциации между типами социальных привилегий. Эти различные источники являются важными различиями в диалоге привилегий, но все они отражают социальное конструирование и совместное создание привилегий между людьми.

Пользоваться привилегией – значит быть счастливым, иметь счастливую возможность и извлекать пользу из этой удачи и возможности. Эти определения предполагают, что привилегия является положительным результатом случайности. Однако, когда

ученые используют этот термин при описании того, как работает общество, они ссылаются на права, преимущества и защиту, которыми пользуются некоторые за счет и помимо прав, преимуществ и защиты, доступных другим. В этом контексте привилегия – это не продукт удачи, везения или случайности, а продукт структурных преимуществ. Человек автоматически получает привилегии, будучи членом доминирующей группы. Поскольку доминирующие группы занимают позиции власти, их члены получают социальные и институциональные преимущества [1, с. 19].

Социальная привилегия основана на социальных и культурных устоях. Когда человек уступает свое место в автобусе пожилому человеку, потому что такое поведение является для него социальной или культурной нормой, таким образом он дает этому пожилому человеку привилегию. Подобного рода действия дают какое-то преимущество, пользу или право, которых нет у других. Уважительное поведение, даже ритуализированное, создает социальную привилегию для того, кто получает уважение. Точно так же воспринимаемый престиж социального класса основывается на культурных нормах и предположениях о личном статусе и престиже в социальной иерархии. Это социально сконструированная привилегия, основанная на общепринятых социальных нормах внутри культуры. Предоставление и получение привилегий – преимуществ, льгот и прав – это социальная традиция во всех культурах. Ритуалы социальных привилегий, основанных на культурных нормах, варьируются от общества к обществу и от культуры к культуре, но в общем отношении они вездесущи.

Социальная привилегия, основанная на членстве в группе, складывается от принадлежности к определенной группе. Это может быть членство в молодежной организации или татарском обществе, это также может быть членство в гендерном или этническом отношении. Идея большинства контекстуальна: нахождение в группе, состоящей только из членов одного общества, делает ее членов большинством, а всех остальных – номинальным меньшинством. Пребывание русскоговорящего человека в торговом центре в Москве ставит его в большинство и дает социальные привилегии, основанные на знании русского языка.

Носителем привилегии является каждый член общества, но не всегда об этом догадывается. Некоторые виды привилегий включают привилегии по гендерному признаку, расовые привилегии, привилегии, относящиеся к физическим способностям, привилегии, основанные на классе и / или социальном статусе и т. д. Практически все люди пользуются какой-либо привилегией. Привилегии – это важнейшее явление в обществе, потому что привилегированные группы обладают властью и, таким образом, могут создавать рамки законов, ценностей и институтов общества.

Привилегия распространяется на определенных людей, которые получают больше, чем другие люди в том же социальном, политическом или экономическом обществе. Кто-то может быть привилегированным только потому, что он богаче или могущественнее других. Привилегия – это преимущество, которым пользуется человек, занимающий превосходящее положение в обществе. Привилегия может применяться к различным концепциям, таким как мужская привилегия, расовая привилегия, должностная привилегия и т. д.

Например, привилегия в виде стажа работы воздействует на людей, особенно на молодых людей, ищущих работу. Некоторые работодатели вместо того, чтобы нанимать, основываясь на наборе навыков и способностей кандидата, устраивающегося на работу, принимают решения, основанные на опыте его работы.

Таким образом, там, где существует общество, будут и привилегии. Каждое общество, если оно хочет приблизиться к справедливости, должно найти способы ослабить накапливающиеся эффекты привилегий. Проблема концентрированного богатства решается не путем устранения богатства, а путем его распределения и создания нескольких путей к его достижению.

Подводя итоги проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы.

Привилегии являются одновременно объективными и субъективными атрибутами человеческого существования. Каждый обладает стартовыми привилегиями и сам выбирает из имеющихся собственных возможностей дальнейшее их развитие. Под привилегией следует понимать предусмотренные преимущества, позволяющие реализовывать потенциал человека в сфере межличностных

отношений, а также предоставлять некоторые блага, выгоды или права, которые доступны не всем членам общества [1, с. 21].

Привилегия является как причиной, так и следствием социального расслоения. Объективными критериями социального неравенства являются параметры структуры общества, не зависящие от индивидуального или коллективного сознания. Субъективные критерии социального неравенства помогают понять направления и характер видоизменения сложившейся социальной системы. Многомерный иерархический подход, основанный на пирамиде А. Маслоу, в рамках которого систематизируются основные потребности человека, дает возможность составления наиболее точной модели направленности получения привилегий. Привилегия предоставляет гарантию на достойный уровень жизни личности и направлена на удовлетворение потребности в труде, питании, жилище, охране здоровья, образовании и культуре.

Источники и литература

1. *Апкаев Д.М.* Привилегии как элемент регулирования поведения в социуме / Д.М. Апкаев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 6. – С. 18–21.

2. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государственного церковного и графического характера / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.

3. *Горланов Г.В.* Экономические привилегии: источники и формы проявления / Г. В. Горланов. – М. : Экономика, 1990. – 111 с.

4. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс ; Карл Маркс. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. – 508 с.

5. *Овидий Назон.* Скорбные элегии. Письма с Понта / Изд. подг. М.Л. Гаспаровым и С.А. Ошеровым. – М., 1982. – 271 с.

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_79

КВОТА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Автор выдвигает гипотезу, что в числе наиболее продуктивных инструментов правового регулирования сегодня выступает квота, которая позволяет сочетать стимулирующее и ограничительное воздействие права. Используя различный методологический инструментарий, включая приемы лингвистического анализа, а также формально-юридический, системный подходы, автор уточняет дефиницию данного феномена, аргументирует отдельные сущностные признаки.

Ключевые слова: квота, правовое регулирование, правовое преимущество, стимул, ограничение.

QUOTA AS A TOOL OF LEGAL REGULATION

Abstract. In the article, the author hypothesizes that among the most productive tools of legal regulation today is the quota, which allows combining the stimulating and restrictive effects of law. Using various methodological tools, including linguistic analysis techniques, as well as formal-legal, systematic approaches, the author clarifies the definition of this phenomenon, argues for individual essential features.

Key words: quota, legal regulation, legal advantage, incentive, restriction.

Необходимость адаптации правовой материи к сложным общественным отношениям предопределяет потребность в гибком правовом регулировании. Речь идет не только о высокой динамике их развития, но и об объективных обстоятельствах, в которых они складываются. Сложные климатические условия нашего государ-

* Нефедова Евгения Валерьевна, аспирант, Ростовский государственный экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Nefedova Evgeniya Valeryevna, Rostov State University of Economics, postgraduate, Rostov-on-Don, Russia.

ства, детерминирующие внедрение энергозатратных решений в сельском хозяйстве, природопользовании, обширные географические границы обуславливают потребность в выравнивании возможностей субъектов по приобретению и пользованию благами. Одним из инструментов правового регулирования, позволяющим добиться сбалансированного правового воздействия, выступает квота.

Так, необходимость поиска и нахождения гармоничных организационно-правовых механизмов, позволяющих сочетать как потенциал запрещающего, сдерживающего правового предписания, так и мотивационного, поощрительного, выгодного государству и обществу, привела сегодня к тому, что квота активно внедряется в экономическую и политическую жизнь нашего государства.

В общеупотребительном значении термин «квота» интерпретируется весьма односложно: «...строго установленная часть, доля, норма чего-либо» [1, с. 956]. Однако практика применения данного юридического средства позволяет убедиться в более богатом, разностороннем воплощении им функционального потенциала права. Этому свидетельство как юридическая доктрина, поскольку внимание ученых в последние годы активно привлекают механизмы квотирования, так и нормотворческая и правоприменительная практики.

К примеру, многие авторы в своих работах упоминают квоту и ее регулятивный потенциал, но делают это, например, посредством использования категории «льгота» [2, с. 21]. Вместе с тем наличие в юридической доктрине полноценной концепции льготирования позволяет нам несколько не согласиться с таким позиционированием квот. Полагаем, правы те ученые, которые считают, что льгота как средство юридической дифференциации и индивидуализации обеспечивает поддержку слабозащищенных слоев населения, тех граждан, которые не в состоянии самостоятельно реализовать свой правовой статус [3, с. 16]. Квота, в свою очередь, инструмент более вариативного правового регулирования. Она позволяет не только поддержать тех, кто находится в группе риска, но и стимулировать предприимчивость участников общественных отношений, выступить мотиватором достижения ими конкретных целевых показателей.

В свете сказанного на сегодняшний день, по нашему мнению, профессор А.Г. Репьев подошел ближе всех к адекватному восприятию квоты в механизме правового регулирования. Ученый, проведя исследование системы преимуществ в праве [4], назвал квоту одним из элементов данной системы и подвидовой разновидностью привилегии, заключающейся «в нормативно установленном закреплении за определенным субъектом преимуществ в реализации прав на получение каких-либо благ, владение, пользование или распоряжение ими за счет выделения их гарантированной части, доли» [5, с. 39].

Опираясь на обозначенную позицию в качестве основы, предпримем попытку развить точку зрения вышеуказанного автора, продемонстрировав более широкий регулятивный потенциал квоты.

Убеждены, что квота сегодня реализует два основных подхода к правовому воздействию на общественные отношения.

Во-первых, *стимулирование*, поскольку она служит мотивационным инструментом для достижения (или согласования) интересов субъектов. К примеру, квоты часто применяются в рамках правовой политики Российского государства по стабилизации экономического рынка за счет достижения баланса между экспортом и импортом товаров. В 1993 г. для стимулирования российского экспорта Министерству экономики Российской Федерации предлагалось упразднить экспортные квоты по всем товарам [6]. Между тем сегодня в рамках Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года необходимо «стимулировать спрос на продукцию отрасли, в том числе за счет введения квот на закупку изделий электроники российского производства» [7]. Как мы видим, квота может выступать как стимулом для развития отдельных отраслей экономики [8, с. 35], так и антистимулом, т. е. ограничивать ее рост.

Во-вторых, *сдерживание*, так как квота выступает в форме ограничения или недопущения реализации отдельных прав субъектов, развития (поддержания) интересов участников правоотношений. К примеру, подобным проявлением регулятивного потенциала вполне можно назвать квоты на производство молока, при превышении которых животноводы обязаны платить налог «солидарной

ответственности»: «...налог на излишки... должен выплачиваться государствами – членами Европейского союза при превышении национальной квоты. Государство – член Европейского союза распределяет бремя уплаты налога между производителями, виновными в превышении квоты. Таким образом, указанные производители несут ответственность перед государством – членом Европейского союза в виде оплаты своей части налога в силу наличия у них излишков производства» [9].

Установив необходимость законодательного закрепления квот для стимулирования или сдерживания отдельных правоотношений, следует очертить пределы их использования. Для этого попытаемся выделить те задачи, стоящие перед государством, для решения которых без функционала квот на сегодняшний день не обойтись. Таковыми, на наш взгляд, являются:

а) *сохранение и приумножение запасов природных ресурсов*. Так, при помощи квот ограничивается участие в истощении природных ресурсов тех участников, которые не нацелены на технологическое совершенствование, поиск оптимальных моделей потребления. К примеру, речь может идти о выделении квот на вылов водных биологических ресурсов тем субъектам, которые не используют так называемую высокую сортировку, в результате которой малоценные сорта рыбы и морепродуктов (вылов которых не оправдывает затраты) уничтожаются;

б) *обеспечение экологической безопасности*. К примеру, проблемой не только национального, но и скорее глобального масштаба являются выбросы парниковых газов. Одним из средств сокращения нанесения ущерба окружающей среде выступает механизм торговли квотами на данные выбросы. Фактически сегодня можно наблюдать сформировавшийся рынок торговли квотами, в том числе международный, в рамках которого «предметом купли-продажи являются разрешения на загрязнение» [10, с. 198];

в) *стабилизация региональной экономической ситуации*. К примеру, в ходе публичных консультаций по проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов” в части совершенствования порядка распределения квот добычи (вылова) водных биологических ресурсов» установлено, что в рамках меха-

низма квотирования вылова краба и белой рыбы доля добычи, осуществляемой субъектами малого и среднего бизнеса, зарегистрированными на Дальнем Востоке, составляет 68 % [11]. Это, безусловно, положительно сказывается на экономической ситуации в регионе не только ввиду фискальных доходов, но и за счет создания рабочих мест, развития инфраструктуры и пр.;

г) *рост технологического суверенитета государства*. Отдавая предпочтение в получении квоты тем компаниям, которые нацелены на инновационную деятельность, запуск новых судов, производство лимитированной техники и пр., государство мотивирует данный сектор на задействование внутренних ресурсов, повышение независимости от импортируемых компонентов. К примеру, в соответствии со Стратегией развития автомобильной промышленности Российской Федерации до 2035 года экспортная квота коммерческих автомобилей в объеме производства в 2025 г. прогнозируется на уровне 4 %, тогда как в 2035 г. должна составить 25 % [12].

Конкурсный характер получения ряда квот стимулирует конкурентоспособность субъектов общественных отношений (к примеру, предпринимателей). Это предполагает систему отбора участников (в частности, в рамках предоставления квот по аукциону) и выбор в пользу наиболее перспективных субъектов: задействующих новые технологические решения, применяющих инновационные формы использования полученного блага и пр. К примеру, получение квоты на ввоз (вывоз) отдельного вида товаров обуславливает необходимость участия организации в конкурсе по продаже экспортных (импортных) квот. Организационно-правовой механизм участия в конкурсе предполагает необходимость предоставления в межведомственную комиссию по продаже экспортных и импортных квот пакета документов, содержащего в числе прочего коммерческое предложение. В нем участник отражает условия поставки и расчет эффективности (п. 15) [13].

Сказанное выше позволяет резюмировать:

– система государственных квот сегодня направлена на гармонизацию общественных отношений путем адекватного сочетания общерегулятивного и охранительного правового воздействия. Подобный подход реализуется во многом благодаря юриди-

ческой природе квоты, в содержании которой можно установить наличие как ограничения, так и стимулирования. С одной стороны, квоты позволяют сдерживать неблагоприятное развитие общественных отношений, устанавливая конкретную долю получения благ, а с другой – побуждают участников правоотношений к достижению не только социально приемлемого результата, но и превышению его;

– квота – элемент стратегического государственного планирования и достижения приоритетных задач охраны экологии и окружающей среды, поддержки наименее защищенных граждан, стимулирование предпринимательского сообщества. Кроме того, в условиях существующих мировых вызовов и геополитической обстановки квота позволяет не только обеспечить паритет (равенство) интересов гражданского общества и государств, но и добиться прорывных достижений в области науки и техники.

Источники и литература

1. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: ок. 160000 слов. – М.: АСТ: Астрель, 2006. Т. 1: А–Л. – 1165 с.

2. *Лайченкова Н.Н.* Стимулы в налоговом праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007. – 28 с.

3. *Репьев А.Г.* Правовые категории «иммунитет», «привилегия», «льгота»: грани соприкосновения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 2. – С. 12–20.

4. *Репьев А.Г.* Преимущества в российском праве: теория, методология, техника : дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2020. – 529 с.

5. *Репьев А.Г.* «Квота» как правовая категория: дефинитивный и содержательный аспекты // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 3. – С. 34–46.

6. О социально-экономическом положении Российской Федерации и мерах по его стабилизации : постановление Правительства РФ от 13.08.1993 № 791 (в ред. от 31.01.1994) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1993. – № 34. –

Ст. 3267.

7. Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 17.01.2020 № 20-р // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 4. – Ст. 410.

8. *Рельев А.Г.* «Квота» как правовая категория: дефинитивный и содержательный аспекты // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 3. – С. 34–46.

9. Об учреждении общей организации сельскохозяйственного сектора и о специальных положениях относительно некоторых продуктов (Единый регламент общей организации рынка сельскохозяйственной продукции) (вместе с Приложениями I–XXII) : регламент Совета Европейского союза № 1234/2007 (принят в г. Люксембурге 22.10.2007) (с изм. и доп. от 13.05.2013) // Официальный сайт законодательства Европейского союза [Электронный ресурс]. – URL: <http://eur-lex.europa.eu>. По состоянию на: 26.01.2017. (Документ утратил силу).

10. *Галанина И.А.* Система торговли квотами на выброс как инструмент экономического регулирования природопользования // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2021. – № 2 (61). – С. 195–202.

11. О внесении изменений в Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» в части совершенствования порядка распределения квот добычи (вылова) водных биологических ресурсов» : проект Федерального закона (подготовлен Минсельхозом России) (в ред. до внесения в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 27.02.2019) // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс]. – URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=88201>. Дата обращения: 03.11.2023.

12. Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации до 2035 года : распоряжение Правительства РФ от 28.12.2022 № 4261-р // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 1 (ч. III). – Ст. 422.

13. О порядке проведения конкурсов и аукционов по продаже квот при введении количественных ограничений и лицензирования экспорта и импорта товаров (работ, услуг) в

Российской Федерации (вместе с «Положением о порядке проведения конкурсов и аукционов по продаже экспортных и импортных квот при введении Правительством Российской Федерации количественных ограничений») : постановление Правительства РФ от 31.10.1996 № 1299 (в ред. от 14.02.2009) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 46. – Ст. 5249; 2009. – № 9. – Ст. 1101.

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_86

**СОЦИАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ КАК ФУНКЦИЯ
ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И ПУТИ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

Аннотация. Социальная функция государства представляет собой главным образом деятельность государства в сфере социального обслуживания населения. Особое внимание в современной России уделяется вопросам, проблемам и программам молодой семьи. Под особой защитой государства находится институт детства и материнства. При этом до сих пор в законодательстве, регулирующем сферу социального обслуживания, присутствуют пробелы, а в юридической практике возникают проблемы с реализацией некоторых норм права.

Ключевые слова: социальное обслуживание, социальное обеспечение, молодая семья, социальная политика.

**SOCIAL SERVICES AS A FUNCTION OF THE STATE:
PROBLEM ASPECTS AND WAYS FOR IMPROVEMENT**

Abstract. The social function of the state is mainly the activity of the state in the field of social services for the population. In modern Russia, special attention is paid to the issues, problems and programs of young families. The institution of childhood and motherhood is under special protection from the state. At the same time, there are still gaps in the legislation in the field of social services, and in legal practice problems arise with the implementation of some legal norms.

Key words: social services, social security, young family, social policy.

* **Шабаева Ольга Александровна**, доцент кафедры административного и финансового права Юридического института Иркутского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Россия.

Shabaeva Olga Alexandrovna, Associate Professor of Department of Administrative and Financial Law of Law Institute of Irkutsk State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Irkutsk, Russia.

Анализ социально-экономической ситуации в стране позволяет сделать вывод о том, что существует множество проблем семей, имеющих детей, которые нуждаются в помощи и поддержке со стороны государства.

Значение социального обеспечения семей трудно переоценить. В последние годы оно только возрастает. Нередко семьи, имеющие двух и более детей, оказываются за чертой бедности. Все это вызывает необходимость совершенствования системы социального обеспечения, а также законодательства, его регламентирующего.

Одним из направлений поддержания экономической устойчивости семьи, повышения уровня ее доходов является создание условий занятости. При этом проблема совмещения родителями семейных и профессиональных обязанностей для семей, имеющих малолетних детей, тесно связана с обеспечением доступа к услугам детских дошкольных учреждений. По данным департаментов образования, в субъектах Российской Федерации очереди в дошкольные учреждения для детей от 3 до 7 лет к 2017 г. ликвидированы. Однако, как показывает практика, численность детей, находящихся в очереди на получение места в детском саду, все еще значительна. Потребность семей в местах в дошкольных организациях для детей раннего возраста оценивается экспертами как более актуальная и значимая, чем такая потребность для детей старшего возраста. Здесь путями решения проблемы может стать организация негосударственных дошкольных образовательных учреждений, а также развитие вариативных форм ухода и присмотра за детьми.

В современных условиях образовательная система должна обладать стабильностью и одновременно возможностью динамичного развития, что требует соответствующего закрепления в нормативных конструкциях образовательного законодательства.

Система правового регулирования образования сегодня включает в себя значительное число нормативных актов различного уровня и направленности. С 1 марта 2022 г. для оформления детей в детский сад от родителей или опекунов потребуются документ, удостоверяющий личность, свидетельство о рождении ребенка и о его регистрации по месту жительства. Если последней не

имеется, то можно предоставить документ о месте фактического пребывания ребенка.

В отдельных случаях будет необходимо предъявить документы об установлении опеки, о прохождении психолого-медико-педагогической комиссии. Если малышу по состоянию здоровья требуется обучение в группе оздоровительной направленности, это также необходимо будет документально подтвердить.

Что касается совершенствования законодательства, предлагаем оптимизировать порядок предоставления временного присмотра и ухода за детьми в игровых комнатах, которые, как правило, располагаются в общественных местах, в частности на территории торговых центров. Для этого предлагается внести изменения в нормы Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [2]. Статью 1 указанного закона предлагаем дополнить определением временного присмотра за детьми в следующей редакции: «...меры по организации в дневное время не более 12 часов подряд досуга детей в оборудованном для этого помещении (части помещения), обеспечивающие наблюдение за детьми, содействие их развитию (физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному) вне связи с предоставлением таких услуг организациями, осуществляющими образовательную деятельность».

Предлагается несколько изменить порядок передачи ребенка под временный присмотр, а именно: обязать родителей или одного из них предъявлять документ, удостоверяющий личности.

Кроме того, целесообразно предоставлять документы, подтверждающие, что у ребенка отсутствуют: простудные заболевания; инфекционные заболевания. В качестве следующей проблемы семей можно назвать жилищный вопрос, который касается как приобретения жилья, так и улучшения жилищных условий.

Отметим, что особо остро нуждающимися в жилье следует назвать молодые и многодетные семьи. Зачастую жилищные условия семей с детьми не соответствуют элементарным требованиям установленным нормам.

Нередко из жилищных проблем вытекают и прочие семейные трудности: внутрисемейные конфликты; социальное сиротство, безнадзорность; преступные посягательства и пр.

В числе семей, нуждающихся в особом внимании, на первом месте находится молодая семья, и именно она является одной из самых незащищенных групп населения и должна стать одним из главных объектов социальной работы [3, с. 99]. Современная молодая семья не имеет того уровня стабильности и благополучия, который необходим для ее оптимальной жизнедеятельности и реализации в полной мере возложенных на нее функций. Доказательством тому служит высокая доля разводов, малодетность.

Для того чтобы стабилизировать жизнедеятельность молодой семьи, предоставить ей возможность развития, необходимо формирование комплекса мер социальной, экономической и правовой защиты молодых семей. Причем наибольшее внимание следует уделить благополучной молодой семье, поскольку дети в такой семье получают от родителей собственные духовные ценности, формируя, таким образом, соответствующие ценностные ориентации.

Крайне важно принимать меры, пропагандирующие традиционные семейные ценности, закрепленные в тексте Конституции Российской Федерации [1], пропагандировать здоровый образ жизни и осознанное родительство [4, с. 239]. Необходимо повышение статуса семьи, в основе которой лежат прочность брачных отношений, здоровое материнство, ответственное отцовство.

Раскроем направления совершенствования социального обеспечения семей, имеющих детей. Во-первых, следует усилить материальную поддержку семей, имеющих детей. При этом должна быть создана система адресной материальной поддержки семей с детьми. В настоящее время государство предлагает ряд выплат семьям с детьми: ежемесячная выплата семьям с детьми до 3 лет; с детьми от 3 до 16 лет; до 7 лет и др. Однако пособия по материальной поддержке семей с детьми являются минимальными. К тому же оформление подобных пособий зачастую вызывает трудности и имеет свои нюансы.

Во-вторых, совершенствование социального обеспечения детей и семьи должно происходить одновременно с повышением качества государственных услуг в сфере профилактики семейного неблагополучия, социального сиротства, в сфере социальной реабилитации семей, попавших в сложную жизненную ситуацию.

В-третьих, нередкое нарушение условий предоставления услуг по социальному обеспечению позволяет сделать вывод о том, что существует потребность в создании системы общественного родительского контроля за деятельностью органов исполнительной власти, которые отвечают за реализацию социальной политики в сфере поддержания семей с детьми.

В-четвертых, одной из частых причин низкого материального уровня молодых семей с детьми является сложность трудоустройства матерей, имеющих малолетних детей. В связи с этим должна проводиться эффективная работа по трудоустройству членов молодых семей посредством, в частности, стимулирования работодателей в создании и предоставлении рабочих мест членам молодых семей, имеющих детей.

В-пятых, следует указать на противоречивость института материнского капитала [4, с. 239]. Трудности возникают в связи с тем, что круг вопросов, которые могут решаться посредством получения материнского капитала, ограничен. В результате этого осуществляются мошеннические действия, которые приводят зачастую к тому, что средства материнского капитала идут вовсе не на обеспечение потребностей ребенка, а на совершенно иные цели. Следует усилить государственный контроль и надзор в данной сфере. При сделках купли-продажи недвижимости с использованием средств материнского капитала нотариальный договор, в отличие от договора в простой письменной форме, гарантирует ее участникам юридическую чистоту и защиту. Нотариусы обладают наибольшей компетенцией в решении вопросов распределения долей в собственности, купленной с участием материнского капитала. Обратим внимание на то, что, если доли выделены неверно, граждане столкнутся с проблемами во всех случаях, когда будут использовать купленное имущество: при продаже, разделе, при вступлении в наследство.

Российская Федерация большое значение придает социальной политике, которая направлена на охрану менее защищенных слоев населения. Современное общество не лишено множества социальных проблем, особое место среди которых занимают проблемы воспитания, образования и содержания детей.

Источники и литература

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с. (Серия: Профессиональный комментарий).

2. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (дата обращения: 01.02.2024).

3. Дивеева Н.И. Право социального обеспечения : учебник и практикум. / Н.И. Дивеева, Е.Н. Доброхотова, А.А. Захаров. – М. : Юрайт, 2017. – 384 с.

4. Бузыкина Е.В. Пути совершенствования программы материнского капитала / Е.В. Бузыкина // Актуальные проблемы трудового права и права социального обеспечения : сборник материалов V межвузовской студенческой научно-практической конференции. – М., 2019. – С. 239–241.

II. СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ДИСКУРСЕ

*Александра Михайловна Дроздова**

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_92

ГОСУДАРСТВО И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Аннотация. Статья посвящена исследованию сущности и понимания феномена государственности, о котором стали говорить и писать в последнее время ученые. С какой целью возникает необходимость осмысления и понимания сущности государственности, становится ясно, если воспринимать государственность как качественный признак состояния государственно организованного общества, характеризующий определенный уровень развития общественных отношений на определенном этапе развития, в том числе духовно-культурное единство народа и его восприятие государства как такового. Автор обращает внимание на необходимость исследования данного феномена начиная с возникновения Российского государства, с учетом того, что для него характерны общие закономерности возникновения. Следует обращать внимание и на известные особенности, такие как роль христианства в становлении российской государственности, поскольку храму в России отводились важные функции в сфере культуры и просвещения. Обосновывается важность и необходимость планирования формирования правовой государственности, поскольку процесс достаточно длительный, а при создании определенных правовых и общественных институтов общества могут возникать нарушения реализации механизмов обеспечения прав и свобод личности, снижение правовой культуры и правосознания личности, может потребоваться определенная корректировка деятельности ряда институтов. Автор подчеркивает необходимость и важность обеспече-

* Дроздова Александра Михайловна, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института, Северо-Кавказский федеральный университет, доктор юридических наук, профессор, г. Ставрополь, Россия.

Drozdova Alexandra Mikhailovna, Professor of Department of Legal Culture and Protection of Human Rights Law Institute North Caucasus Federal University, Doctor of Law, Professor, Stavropol, Russia.

ния стабильности политической обстановки, единства и понимания политики государства внутри российского общества, создания механизмов взаимной ответственности общества, государства и личности; формирования гарантий повышения уровня правовой культуры населения и эффективной деятельности правоохранителей и правозащитников в стране.

Ключевые слова: государство, государственность, взаимоотношения общества и государства, власть, гражданское общество, человек, мировоззрение и правосознание.

STATE AND STATEHOOD

Abstract. *The article is devoted to the study of the essence and understanding of the phenomenon of statehood, which scientists began to talk and write about recently. For what purpose there is a need to comprehend and understand the essence of statehood becomes clear if we perceive statehood as a qualitative state of a state-organized society that characterizes a certain level of development of social relations at a certain stage of development, including the spiritual and cultural unity of the people and its perception of the state as such. The author draws attention to the need to study this phenomenon starting from the emergence of the Russian state, taking into account the fact that it is characterized by general patterns of occurrence, it is necessary to pay attention to well-known features, such as the important role of Christianity in the formation of Russian statehood, since the temple in Russia was assigned important functions in the field of culture and education. The importance and necessity of planning the formation of legal statehood is substantiated, since the process is quite long, and when creating certain legal and public institutions of society, violations of the implementation of mechanisms for ensuring the rights and freedoms of the individual, a decrease in the legal culture and legal consciousness of the individual may occur, a certain adjustment may be required. The author draws attention to the necessity and importance of ensuring the stability of the political situation, the unity and understanding of state policy within Russian society, the creation of mechanisms for mutual responsibility of society, the state and the individual; formation of guarantees to improve the level of legal culture of the population and the effective work of law enforcement officers and human rights defenders in the country.*

Key words: *the state, statehood, the relationship between society and the state, power, civil society, man.*

Если обратить внимание на своеобразие и динамику развития любого государства, и России в том числе, то нельзя не сказать

о таком явлении, как *государственность*, по причине того, что мы часто исследуем историческое развитие государственно-правовой организации общества.

Обращаясь к социально-правовым воззрениям И. Канта, то понимаем, что государство выполняет объединительную роль в отношении множества людей, находящихся под властью «правового закона». По И. Канту, «нравственный долг, чувство уважения к естественному праву побуждают людей оставить это состояние и перейти к гражданскому обществу. Переход к последнему не носит характер случайности. Акт, посредством которого изолированные индивиды образуют народ и государство, есть договор» [1, с. 354].

И. Кант различает государство и гражданское общество, исследует причины возникновения гражданского общества и государства и приходит к выводу, что человек вынужденно уходит от своего естественного состояния добровольно, с тем чтобы, объединившись с другими, себе подобными, находиться под внешней властью, вступить в гражданские отношения, регулируемые правом. При этом И. Кант указывает, что «государство должно строиться на основе взаимной ответственности личности и государства, а государство и гражданин – равные субъекты права» [1, с. 353].

В связи с этим интересен ответ на поставленный И. Кантом вопрос о проблеме воспитания человеческого рода, разрешить которую вынуждает сама природа, – это «достижение всеобщего правового гражданского общества» [2], имеется в виду все человеческое сообщество.

Не вызывает сомнения тот факт, что на данном этапе наиболее важным и политическим, и правовым институтом общества является государство; особый интерес у исследователей вызывает процесс взаимодействия государства с каждым человеком, с личностью.

По мнению А.Ю. Мордовцева, «государство выступает как официальный представитель всего общества, поэтому отношения между ним и человеком носят политико-правовой характер. Любой человек в пределах территории государства подпадает под его юрисдикцию, то есть становится адресатом исходящих от государства обязательных предписаний» [3, с. 32–33]. В данном случае можно говорить о гражданстве или подданстве, о механизме защи-

ты государством своих граждан и о взаимной ответственности государства и личности.

М.А. Бакунин в статье «Государственность» отождествлял понятия сущности государства и государственности; Л.А. Тихомиров, рассуждая о «монархической государственности» [4], делает вывод о том, что понятие государственности – сложное понятие и дискуссии вокруг него продолжаются. Некоторые исследователи считают, что государственность частично связана только с государством, обладая самостоятельностью.

Общепризнанными являются некоторые из подходов к «пониманию государственности, а именно: функциональный (степень готовности государства к реализации своих функций), психологический (степень признания государства народом) и этатический (государственность фактически совпадает с государством или охватывает общественные явления, связанные с ним)» [5, с. 97–99]. Определенный интерес представляют изыскания в данной сфере таких известных ученых, как И.Л. Бачило [6], Н.С. Бондарь [7], Л.А. Морозова [8] и др. Интересна позиция А.С. Шабурова, который указывает на то, что «государственность – это качественное состояние государственно организованного общества, но не идентичное государству» [9, с. 10]. Делаем вывод о том, что государство – это среда, где мы существуем и развиваемся, тогда как государственность – это больше уровень развития общественных отношений на определенном этапе развития, это духовно-культурное единство народа и его восприятие государства как такового. И тогда государственность может и предшествовать государству, и быть завершающим этапом развития и функционирования государства, что указывает на его единение с государством и народом.

Общепринято наделять государственность признаками, связанными не только с государственными правовыми институтами, но и неполитическими: экономическими, социальными, культурными, духовными, религиозными, информационными и т. д. Обеспечивают развитие государства также национальные и духовные ценности и ориентиры населения страны, которые позволяют оценить и проанализировать те или иные события. Тогда как на основе государственности возможно оценить определенные черты, характерные определенному этапу развития государства и общества, ко-

которые в свою очередь оказывают воздействие на все сферы общества.

Среди основных черт государственности в научной среде называют верховную власть, гражданственность, законность, идеологию. Обычно в тени остается (и о нем меньше говорят) государственный интерес, который воспроизводит само государство для себя, для создания механизмов функционирования государственных структур. Нельзя не сказать и о системе «*символического насилия*», которое заключается в том, что права на управление общностью передаются “представителю” и концентрируются в его руках» [10].

Подробный анализ термина «государственность» позволяет сделать вывод, что рассматриваемая категория намного шире, чем государство и власть, которые являются ее составляющими наряду с социальными, экономическими, культурными и традиционными институтами, объединяющими нации и этносы.

В результате изучения литературных источников делаем вывод о том, что *российская государственность* как понятие не есть *Российское государство*, поскольку государственно-правовые процессы проходят в течение всего периода жизни общества. Позволим предположить, что данный подход следует применять при исследовании государства и права как методологический.

Например, В.Е. Чиркин, считая государство самостоятельным и «особым политическим институтом», указывает на то, что для разделения управленческого труда государство создает различные другие институты, которые называет «*институтами государственности*» [11, с. 123], и дает современное определение института государственности через его признаки. Таким образом, понимаем, что феномен государственности, по взглядам В.Е. Чиркина, – это «относительно обособленная организационно-функциональная структура, выполняющая частичную функцию в целостной системе государственного регулирования общественных отношений» [11, с. 124] и что возможна градация государственности по разным основаниям.

Определенный вклад в теорию российской государственности вносят научные изыскания В.А. Черепанова [12], который провёл системные исследования *проблем российской государственности*

сти, под которыми в рамках его монографии «понимаются те или иные противоречия, неизбежно возникающие в процессе становления Российского государства» [12, с. 6]. В названной монографии В.А. Черепанов достаточно подробно рассматривает и обосновывает развитие таких двух подсистем, как народовластие и федеративное устройство. В.А. Черепанов на «основе системно-структурного подхода к исследованию проблемы предлагает сконструированную системную модель Российского государства и предлагает системное переосмысление накопленных знаний в этой области» [12, с. 333].

Возвратившись к российской государственности, следует начинать исследование данного феномена с процессов возникновения Российского государства с учетом того, что многие закономерности возникновения государства вообще, известные и исследованные в теории государства и права, можно усмотреть и в процессе становления и развития Российского государства при наличии определенных особенностей. Нельзя не отметить важную и значимую роль христианства в становлении российской государственности, поскольку храм всегда выполнял ряд очень важных функций, например просвещенческую.

По мнению А.Б. Венгерова, «в XVII веке монархическое государство – Россия – становится важной реальностью государственно-правового мироустройства человечества» [13, с. 185].

Делаем объективный вывод о том, что, исследуя государственность любого государства, необходимо рассматривать не только политическое, экономическое, социальное развитие, но и духовное, культурологическое, географическое и национально-психологическое с учетом традиционных национальных ценностей. Не следует также забывать многонациональный состав Российского государства, позволивший обрести национальное правосознание и создать механизмы мирного сосуществования различных этносов на огромной территории России, поскольку национальный вопрос – вечный вопрос российской государственности.

Подводя итог рассуждениям, можем отметить, что термин *государственность* мы применяем при характеристике конкретного исторического этапа развития конкретного общества с учетом его элементов и институтов как государства, так и общества, рас-

смаывая их во взаимодействии и взаимовлиянии. Уточняем тот факт, что *государственность* по своей сути комплексно отражает качественные характеристики человеческого общества; основывается на национально-духовных и социальных ценностях и характеризует общество в конкретной исторической эпохе его развития. Термин «государственность» в научной среде стали применять при исследовании устройства государства и для того, чтобы уточнить понимание государства и государственности как явлений, что достаточно новое явление в современной российской науке. Уже понятно, что государственность как явление намного шире понятия государства, притом, что понятие «государство» является составляющей, и достаточно значимой, понятия «государственность».

По мнению многих мыслящих ученых-государствоведов, по национально-государственному устройству Россия как государство не имеет аналогов в мире, что не оспаривается практически никем. Российская Федерация объединяет проживающих на своей территории 170 этносов, структурно Федерация имеет различные по статусу субъекты: республики, края, области, округа, города федерального значения и т. д.

Запад формировал свою правовую государственность более 200 лет, воспринимая правовую государственность как политическую власть в симбиозе с развитым гражданским обществом, демократизмом. Россия стала формировать свою правовую государственность к концу XIX в., и мы начинаем говорить о формировании правового государства на основе создания экономической, политической, правовой систем, тогда как реформирование названных систем зависит в свою очередь от наличия в стране принципов правового государства. В подтверждение этих рассуждений приведем следующее заключение: «Кроме того, становление правовой государственности предполагает генезис особых правовых отношений между гражданином и государством, между органами государственной власти, а также обновленное взаимодействие между обществом, правом и политикой» [14, с. 197].

Сегодня становится понятным и то, что процесс формирования правовой государственности практически займет достаточно много времени, что некоторые институты государства и гражданского общества позволяют себе различные формы нарушения кон-

цепции прав человека и гражданина, снижается уровень правового сознания и правовой культуры общества в целом, что указывает на необходимость конкретного и неукоснительного применения определенных мер в названном направлении. Развивая и повышая эффективность экономической составляющей страны, внедряя механизмы повышения уровня материальной обеспеченности граждан, важно обеспечивать стабильность политической обстановки, единства и понимания политики государства внутри российского общества, формировать условия для повышения уровня правовой культуры населения и эффективной деятельности правоохранителей и правозащитников в стране. Нужны реальные механизмы гарантий во всех сферах развития и функционирования общества с учетом современных реалий, рисков и угроз.

Поскольку важным звеном между государством и личностью видится развитое *правовое гражданское общество*, то его формированию и развитию следует уделить максимум внимания, формируя правовую культуру на фоне общей культуры и нравственности личности. Объективно государство и общество – различные общественные явления и теоретически, и в реальной жизни, поскольку государство – только часть общества, но достаточно самостоятельная, с особой ролью. В науке существуют различные взгляды на проблему взаимоотношений государства и общества, а также на вопросы их расхождения и отчуждения.

Разграничить названные понятия пытались в свое время такие теоретики, как Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.Ж. Руссо и др., которые обосновывали свои выводы и с точки зрения появления человеческого общества и государства как специального органа этого общества.

Государство зачастую трактуют в узком и широком смысле слова и политологи, и социологи, и юристы, придавая ему политическую окраску наряду с политическими партиями, общественными организациями, профсоюзами.

Длительное время ученые обсуждают проблему взаимоотношения общества, и гражданского в том числе, и государства, принимая в расчет то, что философские взгляды и идеи со временем изменяются, изменяется понимание *гражданского общества*, а

порой практически крайне затруднительно определить сферу деятельности гражданского общества, или общества, или государства.

В.Е. Чиркин отмечает, что «сам термин “гражданское общество” в том толковании, которое ему придается, не очень удачен. Понятие “гражданин” (в отличие от понятия “человек”), от которого произведен, по крайней мере этимологически, термин “гражданское общество”, имеет в своей основе элемент государственности. Термин “гражданин” указывает на связь лица с государством, а не его отделение от государства» [15, с. 113].

Гражданское общество принято воспринимать как достаточно дистанцированную от государства структуру, состоящую из добровольно организованных элементов, создаваемых преимущественно на основе интересов социальных групп, не управляемых непосредственно государственными структурами.

Современные отечественные авторы склонны считать, что «гражданское общество существовало всегда, происходит лишь смена поколений и ценностных ориентиров» [16, с. 6].

«Обычно считается, что *гражданское общество* – это все то, что находится за пределами государства и государственного вмешательства, многообразные, не опосредованные государством и правом отношения свободных и равноправных людей, живущих в условиях *рынка и демократического правового государства*» [17, с. 221]. И вот вам элемент права налицо: поскольку рыночные отношения не могут существовать без права, как могут существовать демократические отношения *правового государства* без права? И теперь зададимся вопросом: что мы понимаем под правом? Совокупность всех норм, принципов, ценностей и правил в обществе или только волеустановленные юридические нормы?

У В.П. Пугачева читаем, что «*гражданское общество* имеет сложную структуру, включает хозяйственные, экономические, семейно-родственные, этнические, религиозные и правовые отношения, мораль, а также не опосредованные государством политические отношения между индивидами как первичными субъектами власти, партиями, группами интересов и т. д. В гражданском обществе в отличие от государственных структур преобладают не вертикальные (подчиненности), а горизонтальные связи – отношения конкуренции и солидарности между *юридически свободными и*

равноправными партнерами» [17], что позволяет нам использовать понятие *правового гражданского общества*.

Если обратиться к пониманию политики и политических процессов, то при определенных условиях любая политическая проблема становится общественной, тогда как общественная становится политической и затрагивает интересы всего общества. Необходимы общеобязательные решения, при этом политика занимает место инструмента осознанного саморегулирования процессов общества. В качестве примера взаимоотношений государства, права, политики и общества можно назвать обеспечение безопасности граждан в стране, поддержание общественного порядка, оказание различного рода государственной помощи населению в случае стихийных бедствий или вооруженных конфликтов и т. д. Сегодня мы используем новый термин – «очеловечивание» политики, что позволяет использовать государственную деятельность в интересах личности, общества и даже всего человечества, а значит, в гражданское общество проникает право, которое осуществляет правовое регулирование соответствующих сфер его функционирования.

Сегодня ученые начинают понимать значение обеспечения экологической безопасности и экологических (экзистенциальных) прав личности, которые являются основой для дальнейшего развития человечества, чтобы государство вместе с общественностью разработало механизмы для предотвращения ядерной, экологической, эпидемиологической катастрофы, налаживания экологического равновесия человеческой жизни. Хотя угрозы со стороны инфокоммуникационных систем, искусственного интеллекта, возможно, самого опасного, общество пока не замечает и с радостным настроением шагает в повсеместную цифровизацию во всех сферах жизни общества.

Таким образом, говорить об отмирании государства, формировании правового гражданского общества еще рано, поскольку государство, реформируясь и изменяясь, осуществляет изменения в общественной жизни граждан, обеспечивает определенный порядок, стабильность и гарантии для реализации прав и свобод человека.

Чтобы доказать тезис о взаимодействии государства, права, общества, и гражданского в том числе, следует обратить внимание на конституционные основы гражданского общества, поскольку объективно существует механизм, сочетающий саморегулирование общества и государственное регулирование на уровне специфических конституционных норм не посредством императивов, а с помощью установления принципов с учетом того, что гражданское общество не философская абстракция, а реально существующее общество, которому необходимо государственное управление.

Ради справедливости следует отметить, что Конституция РФ также содержит нужное количество юридических норм, которые способны полно и основательно регулировать и регулируют все сферы гражданского общества в России. Среди таких норм необходимо назвать нормы, закрепляющие многообразие форм собственности; нормы, гарантирующие реализацию и защиту прав и свобод личности, легитимность государственной власти, обязанность государства защищать права и свободы человека и гражданина, запрет вмешательства государства в частную жизнь личности и др. Есть проблемы? Конечно, есть, но о них следует говорить отдельно.

Так, к примеру, О.В. Орлова отмечает, что «перед современным российским обществом стоят задачи, во-первых, включить внутренние ресурсы в политическую практику (функциональная составляющая), во-вторых, постоянно поддерживать активность общественных институтов (организационная составляющая), т. е. имеется в виду “совокупность организационных и нормативных форм существования и деятельности гражданского общества”, а именно: объединения (общности) “людей на основе общих интересов и целей” (семья, общественные объединения, средства массовой информации и т. д.), ценности, на которые опирается гражданское общество (гуманизм, верховенство права, демократия, плюрализм, светскость, свобода, равноправие, солидарность и т. д.)» [18, с. 51].

В постоянно изменяющемся гражданском обществе часто появляются различные общественные формирования, создаваемые с определенной целью, например, такие как волонтерские движения для оказания социальной помощи и защиты инвалидам, пожи-

лым гражданам и другим категориям нуждающихся. Названное движение получило развитие в период пандемии Covid-19, когда многие граждане не имели возможности выходить из дома вообще. Такие же группы волонтеров работают на соревнованиях и олимпиадах. Сегодня общественные волонтерские группы работают ради фронта, ради Победы нашей страны и народа.

Нельзя не упомянуть точку зрения современных ученых на проблему права и общества. Так, например, А.Ю. Мордовцев предлагает «под правовым обществом понимать такое общество, в котором реализован принцип верховенства права, т. е. все субъекты подчиняются праву не по принуждению, а по убеждению, существующая же в обществе правовая реальность позволяет им беспрепятственно выражать свое мнение, принимать собственные решения, чувствовать себя самостоятельными и не зависящими от воли государства» [3, с. 29].

Авторы называют условия формирования нового правового общества посредством создания определенных условий, а именно: развитие устойчивых основ гражданского общества и правового государства в сочетании с развитием государственного и личного правосознания и правовой культуры граждан. Напрашивается вывод о том, что только в гражданском обществе право служит личности. А значит, *правовое гражданское общество* может стать идеальной моделью развивающегося человеческого общества.

Любая личность, находясь в гражданском обществе, развивается и функционирует в социальной среде, и в том числе в правовой ее составляющей. Чтобы комфортно себя чувствовать и реализовать себя в гражданском обществе, нужны гарантии, в том числе правовые, еще конкретнее – конституционно-правовые гарантии по регулированию гражданского общества. Вот вам и правовое гражданское общество, хотя нормы для регулирования общественных отношений гражданского общества применимы не только правовые в современном понимании. Важно определиться, что мы понимаем под совокупностью этих норм: все социальные правила, принципы, обычаи и нормы или только волеустановленные, т. е. принятые и признаваемые государством юридические нормы.

В подтверждение сказанному позволим напомнить кантовский подход: «...гражданское состояние есть состояние, рассматриваемое только как состояние правовое» [19, с. 247].

Невозможно не указать на важное и значимое место в политике государства вопросов и проблем образования, поскольку в системе образования происходит формирование правового сознания, правовой культуры и в целом личности человека-гражданина. Хочется надеяться, что чиновники от образования определятся со своим вмешательством в деятельность системы образования в России и попытаются изжить все чуждое и вредное из навязанного нашей стране и народу в плане культуры и образования.

С учетом многонационального населения России нельзя не уделять внимания формированию национального, в смысле всенародного, мировоззрения, основанного на внутринациональных традициях и ценностях, что неплохо проявляется в настоящий период времени в деятельности военнослужащих, защищающих интересы народов России. Хорошо бы не забывать о внутренних проблемах общества, возникающих при оценке проводимой государственной политики по ряду различных вопросов. Можно даже вспомнить и применить методы, указанные некогда Н. Макиавелли, по мнению которого, «государю надлежит быть в дружбе с народом, заручившись его поддержкой...» [20, с. 81].

Политическим чиновникам и управленцам всех сфер необходимо постоянно вспоминать принцип взаимной ответственности личности и государства, формирующий мировоззрение каждого гражданина, и гражданина-чиновника тоже. Хочется верить в то, что Россия сможет организовать свою современную государственность, сможет и дальше формировать основные этапы правовой государственности, что в нашей стране не смогут забыть своего предназначения в мире и мы сможем развиваться и процветать, выстраивая дружественные отношения с другими государствами на планете Земля.

В завершение сказанному заметим, что Российское государство, по мнению Н.А. Бердяева, всегда осуществляло как внутреннюю, так и внешнюю политику на основе известного принципа – «это принцип соборности, выражающийся в собирательстве народов и земель, что называется, на равных условиях, с основным

государствообразующим русским народом, соучастие и заинтересованность в судьбах других народов» [21, с. 12, 195].

По мнению авторов учебно-методического комплекса по основам российской государственности, «главная цель Российского государства сегодня – объединение населения в процессе решения стратегических задач развития России. В достижении этой цели особенно значимой становится выработка совместных решений в процессе социального диалога государственной власти, политической элиты, научного сообщества. Для этого необходимы: последовательная культурно-ценностная позиция российской политической элиты, как в верхних эшелонах власти, так и в регионах; системное представление об образе страны и ее будущем; организация процессов государственного управления таким образом, чтобы, опираясь на рациональное и идеальное начала политики, активизировать и стимулировать деятельность населения, направленную на развитие страны» [22, с. 40].

В связи с этим остается определить культурно-ценностную позицию российской, и не только политической, элиты; если нужна доработка, то ее не следует откладывать; сформировать четкое представление о России сегодня и в будущем, и не только у элиты, а у всего населения, поскольку некоторые социальные группы пребывают в радужно-развлекательном настроении, некоторые выехали на неопределенный срок за пределы России, некоторые продолжают вывоз заработанных в стране средств за ее пределы, оказывая этим самой своей стране, своему народу, своей Родине медвежью услугу. Самым важным становится создание механизма активизации и стимулирования повседневной деятельности каждого трудоспособного представителя населения, направленного на развитие страны и постоянную помощь в случае необходимости государству. Кто может оказать неоценимую помощь в этой трудной и многоплановой работе? Практически каждый на своем месте: учитель, врач, ученый, инженер, художник, артист, журналист, военнослужащий, студент и ученик. Важно, чтобы управленцами был создан механизм привлечения и активизации населения страны, чтобы каждый из нас чувствовал свою причастность и ответственность за судьбу России, чтобы каждый мог найти для себя применение в соответствующей сфере развития страны, чтобы каждый

это понимал и, делая для себя, делал для государства, роль которого в настоящий период достаточно важна, очевидна и крайне востребована населением.

Поскольку государственность может и предшествовать государству, и быть завершающим этапом развития и функционирования государства, то делаем вывод о том, что данный факт указывает на единение государства и народа.

Сегодня следует понять каждому, что каждый сможет реализовать себя в совместном, а не в индивидуальном творчестве, и если у нашего народа единая цель, то и пути, и средства достижения этой цели могут и должны быть едины. Необходима солидарность интересов. Позволим себе согласиться с И.А. Ильиным, по мнению которого, «первое, что делает человека гражданином, есть *принятие государственной цели*. Принять государственную цель – значит испытать ее как *свою собственную*; значит не только “примириться” с нею или “согласиться” на нее, но признать ее своей собственной целью и не противопоставлять ее больше своим интересам» [23, с. 337]. Если мы принимаем всем обществом данный принцип, если понимаем стоящие перед нами задачи, то остается как можно быстрее сплотиться и создать защитные механизмы как для личности, так и для Российского государства, преодолевая все трудности и риски на этом достаточно длительном и сложном пути.

Рассуждая о государстве и государственности, невозможно не говорить о мировоззрении как системе взглядов, ценностей, ориентиров, представлений человека о самом себе, о своем месте в обществе себе подобных, об окружающем мире и отношении других людей к этой действительности, к их убеждениям, жизненным принципам, позициям и поступкам. Важно ответить на вопросы, поставленные самому себе: кто я? зачем я? как я отношусь к себе? что представляет собой моя страна? что я могу сделать для других людей и государства?

Рождаясь в определенном мировом сообществе, личность пытается воспринимать этот окружающий мир, пытается определить свою позицию, с тем чтобы обрести осмысленный и целенаправленный характер, организовать свою деятельность, а для этого необходимо мировоззрение. Хорошо было бы всем нам изучить

моральную философию И. Канта, реализовать некоторые названные им принципы и сделать нашу жизнь во всех ее сферах лучше.

Интересна позиция С.А. Комарова, который указывает на «проблему формирования российского *государственно-организованного общества на правовых началах*» [24, с. 237] и предлагает дальнейшее исследование вопросов взаимодействия гражданского общества и правового государства.

«Современное российское общество заинтересовано в стабилизации политической жизни, в укреплении законности, в нормальной человеческой жизни всех индивидов. При этом нет сомнений, что только государство, поставленное на службу человеку и следующее неуклонно этому курсу, может быть легитимным и пользоваться поддержкой широких масс» [25, с. 4]. Остается решить практическую задачу по формированию правосознания и правовой культуры высокого уровня этих личностей, которым на службу будет поставлено государство, не забывая о личностях правящего класса, чиновниках, банкирах, артистах и спортсменах.

Источники и литература

1. *Кант И.* Метафизика нравов в двух частях. 1797. Ч. 1 и 2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/philosna/document/HASH01a29f320c8bd3c726d05ab8?ed=1>.

2. Введение. Взгляды Канта на правовое гражданское общество // Учение И. Канта о гражданском обществе, общественном договоре и правовом государстве. – URL: https://vuzlit.com/1339551/vzglyady_kanta_pravovoe_grazhdanskoe_оbschestvo.

3. *Мордовцев А.Ю., Апольский Е.А., Мамычев А.Ю.* Философия права : учеб. пособие. – М. : Юрлитинформ, 2023. – 144 с.

4. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.В. Резников. – М. : РОССПЭН, 2010. – 752 с.

5. *Белканов Е.А.* К вопросу о понятии «государственность» // Российский юридический журнал. Урал. гос. юрид. ун-т. – 2013. – № 3. – С. 97–99.

6. *Бачило И.Л.* Факторы, влияющие на государственность / И. Л. Бачило // Государство и право. – 1993. – № 7. – С.124–129.
7. *Бондарь Н.С.* Конституционная модернизация российской государственности: в свете практики конституционного правосудия. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 5. – М. : Юнити-Дана, 2014. – 198 с.
8. *Морозова Л.А.* Проблемы современной российской государственности. – М. : Юрид. лит., 1999. – 254 с.
9. *Шабуров А.С.* Российское государство и российская государственность: проблемы соотношения и историческое развитие // Российский юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 9–11.
10. Символическое насилие – термин, введенный Пьером Бурдьё, выдающимся французским социологом 20 века, и появляющийся в его работах еще в 1970-х годах. Символическое насилие описывает тип нефизического насилия, проявляющийся в разнице во власти между социальными группами. Режим доступа: // https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.996df378-64db55225e7adeb2-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Symbolic_violence
11. *Чиркин В.Е.* Государствоведение : учебник. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юристь, 2000. – 384 с.
12. *Черепанов В.А.* Проблемы российской государственности. Опыт системного исследования : монография / В.А. Черепанов. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2018. – 336 с.
13. Теория государства и права. Ч. 1: Теория государства / под общ. ред. д. ю. н. проф. А.Б. Венгерова. – М. : Юристь, 1995. – 256 с.
14. *Абдулаев М.И., Комаров С.А.* Проблемы теории государства и права : учебник. – СПб. : Питер, 2003. – 576 с.
15. *Чиркин В.Е.* Государственное управление. Элементарный курс. – М. : Юрист, 2003. – 320 с.
16. *Фирулева Л.Д., Бучкин А.В.* Гражданское общество (проблемы типологии) // Социально-политическое развитие России: проблемы, поиски, решения. – Ижевск, 1996. – С. 6.
17. *Пугачев В.П., Соловьев В.И.* Введение в политологию. – М., 1995. С. 196; М. : АСПЕКТ ПРЕСС, 2000. С 221. – 378 с.
18. *Орлова О.В.* Государственно-правовое регулирование институтов гражданского общества // Право и государство: теория

и практика. – 2017. – № 9. – 153 с. С 30–31; Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы. – М., 2015. – 51 с.

19. *Кант И.* Сочинения. В 6 т. Т. 4. Ч. 2. – М., 1965. С. 247.

20. *Макиавелли Н.* Государь. Власть. Государство. Общество // Из трудов мыслителей, философов, политиков. – М. : Евразийский центр стратегических исследований, 2004. – 240 с.

21. *Бердяев Н.А.* О назначении человека – (Изд-во 1931 г. – 320 с.) // Мир философии. Ч. 2. – М., 1991; Чеджемов С.Р. Государственная политика России и правовая культура на Кавказе и в регионах Черного и Каспийского морей: история и современность // Правовая политика и модернизация государственности. Материалы Международной научно-практической конференции 13–14 декабря 2012 г. в СКФУ. Пятигорск : РИА-КМВ, 2012. – 460 с.

22. Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В.М. Марасанова, В.Э. Багдасарян, Ю.Ю. Иерусалимский, Л.Г. Титова, С.А. Кудрина. — М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. — 212 с.: илл. – ISBN 978-5-85006-520-1

23. *Ильин И.А.* О государственном правосознании /Родина и мы. Статьи. Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – Смоленск : Посох, 1995. – 512 с.

24. *Комаров С.А.* Общая теория государства и права : учебник. – 8-е изд., испр. и доп. – СПб. : Издательство Юридического института, 2012. – 608 с.

25. *Дроздова А.М.* Легитимация и ответственность власти во взаимоотношениях государства и личности (социально-философские и правовые аспекты) : монография / А.М. Дроздова, С.А. Комаров. – 2-е изд. – СПб. : Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2011. – 227 с.

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_110

ТЕХНОСОЦИАЛЬНЫЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье подчеркивается, что значимым современным фактором, влияющим на формирование культуры, является технологический детерминизм. Автор солидаризируется с рядом высказанных в литературе оценок относительно угроз, сопровождающих процесс цифровизации, а также дополняет эти оценки с учетом необходимости учета антропологического вектора развития законодательства и практики. Подчеркивается, что использование умных устройств может привести к дискриминации людей. Особое внимание уделяется правовым проблемам, связанным с использованием достижений в информационно-коммуникативной сфере для компенсации имеющихся у человека физических недостатков (потеря слуха, зрения, сложности с передвижением и др.).

Ключевые слова: цифровая реальность, приватность в условиях цифровизации, угрозы в сфере цифровизации, дискриминация.

TECHNO-SOCIAL AND INFORMATION PROCESSES AS FACTORS OF INFLUENCE ON THE SOCIO-CULTURAL VECTOR OF DEVELOPMENT

Abstract. The article emphasizes that a significant contemporary factor influencing the formation of culture is technological determinism. The author solidarizes with a number of assessments expressed in the literature regarding the threats accompanying the process of digitalization, and supplements these assessments taking into account the need to take into account the anthropological vector of the development of legislation and practice. It is em-

* Василевич Дмитрий Григорьевич, Международный университет «МИТСО», кандидат юридических наук, доцент, г. Минск, Республика Беларусь.

Vasilevich Dmitry Grigorievich, International University "MITSO", Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Minsk, Republic of Belarus.

phasized that the use of smart devices may lead to discrimination against people. Particular attention is paid to the legal problems associated with the use of achievements in the information and communication sphere to compensate for a person's physical disabilities (loss of hearing, vision, mobility difficulties, etc.).

Keywords: *digital reality, privacy in digitalization, threats in digitalization, discrimination.*

Цифровые технологии предполагают адаптацию и подстройку к новой инфраструктуре, основной составляющей которой является цифровизация, существенно меняющая образ жизни человека и содержание его повседневной деятельности [10]. Необходимы осмысление социокультурного вектора развития, а также своевременная философская и правовая рефлексия на новый спектр общественных отношений, так как происходит динамичное изменение социальных связей, характер коммуникации. Это обуславливает значимость исследований многообразия сознания, меняющихся форм повседневности [7].

Происходящие в последние десятилетия техносоциальные и информационные процессы изменяют модели и формы коммуникации, предполагают новые подходы в сфере правового регулирования в общественной среде, обремененной цифровыми технологиями. Идет процесс форматирования нового социотехнического дизайна цифровой реальности [8]. Благодаря технологической революции идет совершенствование интерфейсов как проводников между человеком и техническим устройством, в том числе посредством развития коммуникаций между человеком и техническим устройством, расширения физиологических показателей человека.

Еще недавно явным прорывом в данной области была разработка технологии экзоскелетов, помогающих человеку, у которого не работают функции, например, рук или который обездвижен, компенсировать эти физические недостатки. Люди учатся ходить, экзоскелеты делают сильнее человека и помогают ему при выполнении работ переносить тяжести и др.

Новым и явно актуальным является применение цифровых технологий для расширения когнитивных способностей человека, использование чипирования.

Считается, что использование функции интерфейса стало возможным благодаря разработкам цифровых технологий, посвященным виртуальной реальности и дополненной реальности.

Затронутые и иные проблемы, как справедливо отмечается А.Г. Хмелевской, обуславливают необходимость проведения философских, культурологических и психологических исследований, в которых следует изучать степень возможного воздействия цифровых технологий на телесную и когнитивную сущность человека, сохранение его идентичности, насколько виртуальность может быть продолжением реальности, каковы пределы действия человека в рамках гибридного бытия, как это влияет на процессы социализации, какие инструменты цифровой среды допустимо использовать [9, с. 98].

Таким образом, технологический детерминизм является в современных условиях важнейшим фактором, формирующим культуру, расширяющим возможности человека. Согласимся с мнением А.Г. Хмелевской, что появляющиеся технологические процессы предполагают систематизацию правовой и этической регламентации, ее совершенствование с целью позитивного использования потенциала технологий [9, с. 100]. При этом важны также футурологические исследования антропологической направленности с целью определения реальных и виртуальных границ человеческого сознания и мышления, телесности человека [1, с. 92].

Справедливо обращается внимание на особую значимость использования микрочипов для людей с ограниченными возможностями: записывать текст, преодолевать препятствия, осуществлять их поиск [6]. По сообщениям СМИ на основе информации специалистов, например Илона Маска, это становится реальностью. Риски, которые влекут информационные технологии [4], включая формирование новой культуры, приводят к появлению по меньшей мере двух основных моделей телесности, а именно: а) ориентации на высокие технологии, б) сознательного их избегания [1, с. 95].

То есть, как утверждают Л.Д. Александрова и Е.Л. Трушникова, технологические приспособления от протезов и до иных приспособлений, способствующих видеообразованию, модификации человеческих органов, создают новые условия для жизнедеятель-

ности человека, определяют новое его состояние, способствующее ему успешнее справляться с нагрузками, чем это позволял естественный орган. Исследователи обоснованно задаются вопросом о последствиях в связи с этим относительно возможных изменений по причине увеличения продолжительности жизни, как это повлияет на спорт, искусство, что будет происходить с человеком, если его память и тело будут управляться внешними устройствами, то есть находиться в зависимости от них. Эти авторы акцентируют внимание на таком вопросе, как подлинность человека, его персональная идентичность по итогам проведения пластических косметических операций, осуществляемых путем хирургического вмешательства и биотехнологий [1, с. 93].

В условиях новой формируемой реальности актуализируется проблема информационной безопасности, включая данные о человеке, защиту граждан от киберпреступлений и терроризма, совершенных посредством использования цифровых технологий.

В цифровой реальности вопросы обеспечения приватности (конфиденциальная переписка, общение через средства интернет-коммуникации) приобретают новое содержание [5, с. 132]. Особенно это касается тех ситуаций, когда человек в целях компенсации своих недостатков использует информационные технологии посредством импульсов, которые идут от мозга. По сути такие технологии, которые используются на данном этапе для помощи людям с ограниченными возможностями их тела, в перспективе могут получить развитие с целью «считывания» мыслей у человека независимо от его состояния, коммуницирует он непосредственно с умными устройствами, дал он на это согласие или нет. Могут быть попытки внешнего влияния на мысли человека. На этом фоне уже могут выглядеть архаичными используемые в рекламе ухищрения посредством создания образов или словесного ряда. То есть в перспективе возникает проблема когнитивного суверенитета личности.

Согласимся с мнением о том, что посягательство на приватность, нарушение конфиденциальности, от кого бы это ни исходило, умаляет базовые права человека в сфере его личного пространства. Важно своевременно реагировать на постоянно возникающие угрозы для личности в киберфизической реальности [2, с. 44].

Таким образом, необходимо видеть вызовы цифровизации, особенно для антропологического вектора. Среди них называют вполне обоснованную когнитивную проблему. Однако дело не столько в трудностях освоения «доступа в новую киберфизическую реальность» [3, с. 23–24], сколько в утрате способности к креативному мышлению в связи с упованием на искусственный интеллект, который в итоге окажется более развитым, чем интеллект естественный. Также актуально решение аксиологической проблемы.

К вызовам цифровизации обоснованно относят информационную и коммуникативную проблемы [3, с. 25]. Действительно, нет необходимости доказывать наличие информационной перегрузки. Участники отношений должны обладать цифровой грамотностью. К одним из средств решения коммуникативной проблемы и предотвращения отрицательного ее воздействия относят «цифровую гигиену» [3, с. 25]. На наш взгляд, в ряде случаев должны приниматься более строгие меры в виде «цифровой санитарии».

В связи с проникновением практически во все сферы общественной жизни информационных технологий актуальна проблема обеспечения свободы воли и ментальной приватности. Важно обеспечить дальнейшую юридизацию новых отношений с учетом оптимального баланса частных и публичных интересов.

Источники и литература

1. *Александрова Л.Д., Трушникова Е.Л.* Философское прогнозирование будущего и трансформация телесности в контексте цифровой культуры / Л.Д. Александрова, Е.Л. Трушникова // Социум и власть. – 2018. – № 6 (74). – С. 91–97.
2. *Асеева И.А.* Проблема приватности в цифровую эпоху / И.А. Асеева // Научно-исследовательские исследования. – 2020. – С. 36–50.
3. *Асеева И.А.* Антропологические дилеммы цифровой реальности: сущность и перспективы разрешения / И.А. Асеева // Информационное общество. – 2023. – № 2. – С. 22–30.
4. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Риски в информационной цивилизации: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 3. – С. 20–36.

5. *Назаров С.А.* Концепция интернет-приватности // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы современного права. Пути теоретического и практического решения проблем» (Уфа, 01.03.2018 г.). – Уфа : Аэтерна, 2018. – С. 130–133.

6. Подкожный чип: преимущества и угрозы массовой установки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5e05ea1f9a7947eb8f3f7ac3>. – Дата обращения: 10.09.2023.

7. *Розенберг Н.В.* Феноменология как методологическая основа исследования повседневности / Н.В. Розенберг // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Философия. – 2007. – № 1. – С. 46–51.

8. Социотехнический ландшафт цифровой реальности: философско-методологический концепт, онтологические матрицы, экспертно-эмпирическая верификация : коллективная монография / Аршинов В.И., Артеменко М.В., Асеева И.А., Буданов В.Г., Гримов О.А., Каменский Е.Г., Корневский Н.А., Маякова А.В., Чеклецов В.В. / отв. ред. В.Г. Буданов, И.А. Асеева. – Курск : ЗАО «Университетская книга», 2019. – 212 с.

9. *Хмелевская А.Г.* Цифровые коммуникативные технологии и трансформация представлений о телесности человека / А.Г. Хмелевская // Научно-исследовательские исследования. – 2023. – № 1. – С. 97–110.

10. *Чернов И.В.* Здоровье человека в условиях цифровой трансформации современного общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 5.7.8 / И.В. Чернов. – ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет». – Белгород, 2022. – 21 с.

Станислав Андреевич Евсеенков*
Сергей Александрович Комаров**

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_116

О.Э. Лейст о личности и соотношении нравственности и права

Аннотация. В статье рассматриваются идеи О.Э. Лейста о соотношения нравственности и права, их влияния на нравственно-правовое состояние личности, отражающихся в принципе справедливости и законности.

Ключевые слова: право, нравственность, личность, философия права, справедливость, ценность права, ценность нравственности.

O.E. Leist on personality and the relationship between morality and law

Annotation. The article examines the ideas of O.E. Leist about the relationship between morality and law, their influence on the moral and legal state of the individual, reflected in the principle of justice and legality.

Key words: law, morality, personality, philosophy of law, justice, value of law, value of morality.

* **Евсеенков Станислав Андреевич** – аспирант кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург).

Evseenkov Stanislav Andreevich – postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education “Law Institute” (St. Petersburg).

** **Комаров Сергей Александрович**, президент МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»; научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург); профессор кафедры теории государства и права Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, профессор.

Komarov Sergey Aleksandrovich, President of the Interregional Association of Theoreticians of State and Law; scientific director of the Private Educational Institution of Higher Education “Law Institute” (St. Petersburg); Professor of the Department of Theory of State and Law of the Ufa University of Science and Technology, Doctor of Law, Professor.

Для О.Э. Лейста, как теоретика государства и права и философа права, одной из наиболее важных проблем был анализ состояния личности в обществе, соотношения нравственности и права. Идея осознания нравственности как ключевого подхода к пониманию личности в свете идеалистических устремлений, утверждение этического идеализма в философии права открыло простор новому освещению важнейших вопросов теории и практики юриспруденции, исходя из того, что еще П.И. Новгородцев, формулируя понятие права, исходил из идеи его неразрывной связи с нравственностью.

Вопрос о соотношении права и нравственности О.Э. Лейст определяет как один из наиболее сложных и противоречивых в философии права. Сложность этой проблемы начинается с того, что личность как носительница нравственных норм функционирует в обществе, среди членов которого эти нравственные нормы сильно различаются, вследствие чего неизбежны взаимные недоразумения и столкновения. Но человек по своей природе, говорит О.Э. Лейст, «существо общежительное», для которого общение с другими в той или иной форме является насущной потребностью.

В общем призвании права и нравственности заключается их единство. И действительно, в ранние эпохи развития человечества, которые О.Э. Лейст называет «эпохами первоначального единства», право и нравственность были до такой степени слитны, что невозможно разделить их специальные области.

«Моральные нормы не тождественны правовым ни по содержанию, ни по логико-теоретической (гипотеза, диспозиция, санкция), ни по деонтологической структуре. Главная разница между ними - в критериях оценки действий, поведения людей и их отношений. Праву свойственны оценки: «правомерно», «неправомерно», «имеет юридическое значение», «юридического значения не имеет», «порождает определенные права», «возлагает определенные обязанности», «допускается или находится под особой охраной государственных органов», «пресекается и наказывается с помощью мер государственного принуждения» и т.п. Иные критерии оценок свойственны моральным нормам. Как отмечено, оценка, выраженная в общей форме, и является нормой; в морали, где нет ни законодателя, ни специального правосудия, это особенно

заметно». Самое трудное в этике (наука о морали) - найти основной, общий критерий оценок, определяющий содержание моральных принципов и норм как основы нравственного поведения. Таким критерием нередко называют «справедливость» или «добро и зло» [1, с. 126].

Простота жизненной обстановки легко подчинялась общим требованиям, по преимуществу религиозным, которые заключали в себе основу всех общественных предписаний.

Последующее развитие культуры нарушает первоначальное единство и приводит к обособлению различных сторон общественной жизни. Это относится и к праву, и к нравственности: от первоначальной слитности они переходят постепенно к взаимному обособлению, в результате которого получают характер отдельных, хотя и тесно соприкасающихся областей. Но убежден в том, что «ни право без нравственности, ни нравственность без права не могут рассчитывать на прочное существование и развитие», что подтверждает их неразрывную внутреннюю связь. Подчинение одному и тому же закону общего развития приводит к тому, что прогресс в одной области рано или поздно отражается в другой.

Но между правом и нравственностью, несомненно, имеются различия, которые проявляются при достижении ими определенной степени обособленности, когда они приобретают самостоятельное значение.

О.Э. Лейст разделяет утверждение, что право есть минимум требований, предъявляемых обществом к лицу. Юридические предписания, по его мнению, более ограниченные, чем нормы нравственные, при этом право «никогда не может всецело проникнуться началами справедливости и любви». Соглашаясь с определением права как минимума требований, он утверждает, что нельзя называть право «этическим минимумом», поскольку в некоторых случаях право может вступать в противоречие с нравственными нормами, ведь к его области могут относиться не только действия, безразличные с нравственной точки зрения, но даже и запрещаемые нравственностью.

В этом заключается одно из главных различий права и нравственности. Не будучи всецело нравственным, право дает известный простор личным интересам и стремлениям, даже эгоисти-

ческим и своекорыстным. Нравственность, напротив, представляет собой воплощение альтруистических начал, в связи с чем ее требования имеют более всеобъемлющий и безусловный характер.

Ценность права для личности видится в том, что право способствует созданию и существованию условий для нормальной жизни любого члена общества, условий для всестороннего развития личности. Право прежде всего охраняет, защищает такие личностные ценности, как жизнь, честь, свобода, достоинство человека, его собственность, жилище и т.д. на основе принципа законности. Право обеспечивает его правовую безопасность и социальную защищенность личности. «Право – безопаснейший шлем», – утверждали еще древнеримские юристы.

Ценность права для личности состоит в том, что оно закрепляет различные права и свободы личности (социально-экономические, политические, личные и т. п.), которые выступают как средство удовлетворения тех или иных потребностей и интересов личности (потребность в труде – право на труд, потребность в образовании – право на образование и т. д.), устанавливает систему их гарантий [2, с. 4].

Ценность права для личности видится и в том, что право охраняет личность и от самого государства, обладающего огромной силой, ставит преграды неоправданному вмешательству государства в личную жизнь гражданина (неприкосновенность личности, жилища, тайна личной жизни и т. д.). Право ограждает личность от произвола государства, как указано выше, даже в случаях совершения личностью правонарушений путем установления различного рода процессуальных гарантий, порядка уголовного преследования и т. д. Отсюда следует вывод, что нельзя полностью отрицать права человека, они были, есть и будут, пока будет жить на Земле человек!

Густав Радбрух справедливо считал, что полное отрицание прав человека было бы абсолютно несправедливым с точки зрения любой ценностной группы. «Конфликт между справедливостью и правовой определенностью вполне может быть разрешен таким образом: позитивное право, закрепленное законодательством и властным принуждением, имеет приоритет даже тогда, когда его содержание несправедливо и не приносит пользы людям, если

только конфликт между законом и справедливостью не достигает такой невыносимой степени, что закон, как «ущербное право», лишается юридической силы и подчиняется справедливости» [3].

Однако, считает Г. Радбрух, невозможно провести четкую грань между законным беззаконием и законами, которые действуют, несмотря на их недостатки. Однако одну грань различия можно провести с предельной ясностью: там, где нет даже попытки добиться справедливости, где равенство, основа справедливости, намеренно нарушается при принятии позитивного закона, тогда закон является не просто «ущербным правом», в нем полностью отсутствует сама природа права. Правда, теперь мы уже не знаем, какие именно права свойственны человеку как таковому, а остаемся только с общим определением, согласно которому права человека пусть и не являются абсолютными в той или иной формулировке, данной им в позитивном праве, но все же необходимы для того, чтобы обеспечить исполнение нравственного долга. Ибо право, включая позитивное право, не может быть определено иначе, чем как система и институт, само значение которых заключается в служении справедливости [3]. А справедливость считается основной и общей для морали и права категорией, считал О.Э. Лейст.

Источники и литература

1. *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права (под редакцией В.А. Томсинова). – М.: Зерцало, 2008. – 339 с.
2. *Мальцев В.А.* Право как нормативно-деятельностная система // Журнал российского права. – 2002. – № 4. – С. 94-103.
3. *Радбрух Г.* Законное беззаконие и сверхзаконное право // Перевод по: Radbruch G. Gesetzliches Unrecht und übergesetzliches Recht // Süddeutsche Juristen-Zeitung. 1946. Jd. 1. Nr. 5. (105-108).

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_121

СОЦИОНОРМАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОСЛОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. В основу данной статьи лег теоретико-правовой и историко-правовой материал, позволивший рассмотреть явления социальных норм, системы социального регулирования общественных отношений, корпоративных норм, соотношения корпоративного и правового регулирования, корпоративного права, локального правового регулирования, регулирования сословных отношений в дореволюционной России.

Ключевые слова: нормативное регулирование, корпорация, правовой статус, локальное правовое регулирование, сословное право.

SOCIONORMATIVE ORGANIZATION OF CLASS RELATIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE

Abstract. This article is based on theoretical-legal and historical-legal material, which allowed us to consider the phenomena of social norms, systems of social regulation of social relations, corporate norms, the relationship between corporate and legal regulation, corporate law, local legal regulation, regulation of class relations in pre-revolutionary Russia.

Key words: regulatory regulation, corporation, legal status, local legal regulation, estate law.

Исторический процесс, состоящий из неоднократного повторения сходных ситуаций при удовлетворении аналогичных потребностей, предопределяет естественное формирование поведенческих

* Сирохин Антон Игоревич, адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академия управления МВД России, г. Москва, Россия.

Sirokhin Anton Igorevich, Faculty Adjunct Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia.

паттернов. Первейшими из подобных шаблонов выступали обычаи и табу, место и роль которых в системе социального регулирования с позиций, доминирующих в дописьменном и догосударственном обществе, в ходе истории смещались на второстепенные роли, так как в современном миропорядке с точки зрения развития государственно организованного общества наиболее главенствующими считаются правовые и нравственные нормы.

Признавая разветвленную систему социальных регуляторов, многие ученые обособляют социальные нормы как исключительное явление, а также признаки, свидетельствующие о его историческом развитии. С.А. Комаров под системой нормативного регулирования понимает совокупность социальных норм, регулирующих поведение людей в обществе, отношения их между собой в рамках объединений, коллективов, а также социально-технических норм, регламентирующих их взаимоотношения с природой [6, с. 271].

Так, А.А. Егоров подчеркивает, что «все социальные нормы имеют принудительный характер, выражают общественный интерес и создаются для упорядочивания общественных отношений» [4, с. 17]. Однако принудительный характер социальных норм не следует рассматривать как нечто непереносимое, приоритетное или обыденное. Напротив, в логической структуре любой нормы заключается возможность реализации принуждения, потенциальная юридическая сила.

Регулятивные возможности, будучи включенными в систему нормативного регулирования общественных отношений, безусловно, менялись в конкретно-исторических реалиях. В качестве примера: небезызвестно явление религиозного диктата в обществе, когда прочие социальные нормы, в том числе нормы права, фактически подчинялись той или иной религии и разработанным на ее базе конфессиональным установлениям.

Собственный «поведенческий кодекс» свойствен и другим социальным группам, устоявшиеся нормы и стандарты поведения которых обязательны к исполнению всеми их членами.

Анализирующие данную тематику исследователи обособляют феномен корпоративного нормативного регулирования, функционирующего совместно с правовым и включающегося в общую систему социального регулирования общественных отношений. Динамика

юридического научного знания о корпоративном нормативном регулировании обнаруживает свои истоки в эпоху дореволюционной России. Полагаем, здесь можно руководствоваться научным приемом рассмотрения того или иного явления в «узком» и «широком» значениях.

1. «Узкий» подход к корпоративному нормативному регулированию относится к частноправовой науке и выводится из чисто юридического разумения категории «корпорация». Корпорация, в толковании доктора права Н.С. Суворова, возглавляется органами управления, действующими от имени ее членов, каждый из которых обладает юридически обеспеченной возможностью проявить свои корпоративные права [10, с. 156, 168]. Данный подход предполагает, что участники или члены корпорации имеют законодательно закрепленный правовой статус.

Нередко корпоративное право мыслится подразделом (подотраслью) права гражданского, нормы которого ставят целью регламентацию общественных отношений по организационному устройению и деятельности юридических лиц как субъектов гражданского права.

Немалое количество ученых считает гражданское право способным регулировать деятельность предпринимательского сегмента экономики, и поэтому, по их представлениям, предпринимательское право не следует именовать отдельной отраслью. Так, И.В. Ершова, упомянув о дискуссионности вопроса о самостоятельной роли предпринимательского права как отрасли, настаивает на выделении предпринимательского права в отдельную отрасль, где оно является сочетанием правовых норм – регуляторов предпринимательских отношений, отношений по государственному регулированию предпринимательской деятельности, а также внутрихозяйственных отношений [5, с. 2–9].

Позиция современных исследователей в основном располагается в аналогичной плоскости: утверждается, что предпринимательское право выделяется в качестве автономной отрасли (но данный процесс не видится исчерпанным, завешенным) и что корпоративное право должно находиться в орбите предмета регулирования предпринимательского права.

Неоднозначность позиций и мнений о корпоративном праве как элементе структуры предпринимательского права формирует представление о комплексном, частично частноправовом, а частично публично-правовом характере корпоративно-правового регулирования. Ряд ученых постулирует, что корпоративное право, являясь системой норм, вбирает в себя нормы как предпринимательского права, так и гражданского, трудового, административного, финансового, налогового. Вместе с тем некоторые представители научного сообщества относят корпоративное правовое регулирование только к деятельности коммерческого сектора, поэтому и именуют корпорацию коммерческой организацией (чей статус подтвержден юридической регистрацией), укорененной первым делом «на объединенных капиталах (добровольных взносах) для осуществления определенной социально полезной деятельности, в которой собственность отделена от управления» [2, с. 154].

2. Что же касается «широкого» подхода к корпоративному нормативному регулированию, то он тяготеет к юридическим наукам теоретико-правового спектра и проистекает из социологического и социально-правового понимания категории «корпорация».

Тем не менее большое число авторов дефинирует корпорацию как особым образом функционирующую социальную организацию, объединение субъектов, сопряженных общими интересами, чья деятельность, основанная на членстве в корпорации, имеет направленность на общее целедостижение.

Как можем заметить, «широкий» подход более масштабен и не позволяет ограничивать корпоративно-правовые отношения частноправовой сферой, предпринимательством. Соответственно, и природа юридических лиц (как коммерческих, так и некоммерческих) в «широком» ракурсе позволяет более развернуто понимать термин «корпорация».

В названном диапазоне понятие юридического лица, по словам Г.Ф. Шершеневича, «играет как бы роль „скобок“, в которых заключаются однородные интересы известной группы лиц для более упрощенного определения отношений этой коллективной личности к другим. Эти соединения могут быть публичного характера, как, например, дворянское общество, или же частного характера, как, например, акционерное товарищество» [11, с. 92]. Стоит сказать,

что российскими дореволюционными правоведами юридические лица подразделялись на корпорации (соединения лиц) и на учреждения (институты). Собственно корпорации делились на частные и публичные.

Тем не менее для достаточного понимания феномена корпоративного нормативного регулирования общественных отношений следует углубиться в поле научных изысканий советского периода, так как именно в нем обозначилось довольно явственное отграничение системы корпоративного нормирования от всех иных социальных регуляторов.

Теоретическому дифференцированию правового регулирования от корпоративного способствовал тот факт, что социалистическая система хозяйствования не признавала корпорацию способом организации производства и распределения. Поскольку частная собственность доктринально отрицалась, то и существование корпораций в качестве юридических лиц в «буржуазном» понимании само по себе исключалось.

Несмотря на наличие в советском гражданском праве понятия «юридическое лицо», все же механизм обмена и перехода прав собственности от одного предприятия к другому отличался определенным своеобразием, так как де-факто собственником их являлось государство.

В.И. Нижечек выделял четыре основных вида социальных норм советского общества: правовые нормы, нравственные нормы, обычаи и «нормы общественных организаций»; помимо этого, формулировал мнение о поэтапной разработке такого элемента социального нормирования, как «правила социалистического общежития» [8, с. 85–98]. Также он оперировал понятием «корпоративное нормативное регулирование», которое, по его словам, реализуется путем имплементации норм общественных объединений [8, с. 368].

Непреложной компонентой советской теории государства и права являлась тема роли и места права в структуре соционормативного регулирования, в которую входят и корпоративные нормы.

Одним из ориентиров прогресса советской концепции корпоративного нормативного регулирования считается теория локального правового регулирования, применявшаяся главным образом к трудовому и колхозному праву.

Локальное правовое регулирование – это, как утверждает Л.И. Антонова, «целенаправленная деятельность по правовому опосредствованию общественных отношений, складывающихся в рамках конкретной организации, осуществляемая на основе закона и в дополнение к нему самоуправляющимися организациями и служащая формой и самоорганизации, и самоуправления» [1, с. 156].

Как известно, в советских реалиях регулирование любой сферы отправлялось из партийно-государственных органов. В связи с этим М.Л. Давыдова выделила следующие базовые подходы к природе локальных актов: правореализационный и нормативный. Первый подход определяет возможность установления правовых норм императивной прерогативой правящего режима. Согласно второму подходу, локальное нормативное регулирование также отталкивается от государственного регламентирования, однако государство все же позволяет субъектам в ограниченной степени саморегламентироваться [3, с. 4–24].

Изыскательный «задел» ученых-юристов советского времени в сфере теории социальных норм и регулирования общественных отношений, а также корпоративного и локального нормативного регулирования заложил базу для укрепления современной теории права и государства и частично – отраслевого юридического знания. Невзирая на это, анализ нескольких десятков учебников, учебных пособий и лекционных курсов дает основания заявить о том, что современной учебной литературой презентуется лишенный простора подход к пониманию корпоративных норм, в то время как разность локальных и корпоративных норм мыслится в первую очередь в широкоохватности субъектов и отношений между ними. Сам же термин «локальный» предписывает четко очерченные пределы действия, сконцентрированность в одном локусе.

Возвращаясь к прописанному в заглавии статьи вопросу о сословных отношениях, напомним о приведенном Г.Ф. Шершеневичем примере публичной корпорации – дворянском обществе и проблематике корпоративного регулирования в Российской империи.

Т.Н. Радько, В.В. Лазарев, Л.А. Морозова, определяя корпоративные нормы как «правила, установленные уполномоченными орга-

нами негосударственных организаций, добровольно признаваемые их членами, закрепленные в соответствующих документах (уставах, положениях), определяющие задачи и цели этих организаций, права и обязанности их членов» [9, с. 115], представляют и исторический пример дореволюционного периода – «цеховые уставы, которые устанавливали правила работы и поведения определенных слоев городского населения (мастеров, специалистов какого-либо дела)» [9, с. 114].

Полагаем, сословие можно именовать корпорацией в теоретико-правовом и историко-правовом аспектах, в значении максимально широком, приближающемся к социологической категории «страта», так как членение общества по сословному принципу есть историческая форма социальной стратификации, функционировавшая одновременно с иными, реализуемыми по другим критериям формами. Следовательно, сословие стоит считать проявлением, одной из форм страты, отражающей вертикальность (иерархичность) социальной структуры.

Само собой, зарегулированность внутрисословных отношений имела социальное, групповое, т. е. корпоративное, обличие. Попутно с этим сословный уклад выступал базисом политического строя, а потому и регламентировавшие жизненные функции сословий нормативные правовые акты и вытекающие из них индивидуальные политико-правовые статусы подданных («состояния») являли собой один из главных «рычагов» государственно-правового управления имперским обществом.

Общеизвестно, что политико-юридические взаимоотношения между социальными группами (сословиями) и царизмом носили наследственный характер и проявлялись в закреплённости особого правового статуса каждого сословия.

В качестве сословных признаков Б.Н. Миронов выводит следующие: 1) сословные права были четко зафиксированы в имперском законодательстве; 2) сословные права являлись наследственными и непреложными; 3) наличествовали сословные организации (дворянские собрания, городские думы, купеческие, мещанские, ремесленные, крестьянские общества и пр.) и независимый от царской администрации суд; 4) сословия имели право на самоуправление; 5) сословия имели особое правосознание и релевантный ему менталитет;

б) представители сословий обладали внешними признаками сословной принадлежности [7, с. 140]. На почве названных сословных признаков вышепоименованный ученый дал характеристику четырем сословиям, непосредственно номинированным таковыми тогдашним законодательством: дворянству, духовенству, городским и сельским обывателям.

Сословно-монархический строй исчезнувшего в 1917 г. с политической карты мира государства сложился как итог исторического пути, сделавшего его одним из определяющих явлений социальной, политической и правовой жизни империи. Существование в прошлом данного строя с действовавшими в нем правовыми нормами позволяет вести разговор о «сословном праве» – составной части государственного права.

Рассмотренная теория корпоративного нормативного регулирования, корпоративных норм как составной части системы социальных норм, взаимодействия и взаимозависимости корпоративного и правового регулирования, по убеждению автора статьи, способна вызвать методологическую заинтересованность лиц, исследующих историко-правовые и теоретико-правовые аспекты феномена сословий и их правового статуса.

Источники и литература

1. Антонова Л.И. Законность и легитимность в сфере локального правового регулирования // Правовой режим законности: вопросы теории и истории : мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. / Под ред. Д. И. Луковской. – СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2001. – С. 56–162.

2. Гущин В.В. Корпоративное право : учеб. для юрид. вузов / В.В. Гущин, Ю.О. Порошкина, Е.Б. Сердюк. – М. : Эксмо, 2006. – 640 с.

3. Давыдова М.Л. Локальные нормативно-правовые акты: терминологические дискуссии // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 13. – № 4. – С. 4–24.

4. Егоров А.А. Соотношение нравственности и права в трудах Г. Ф. Шершеневича (1863–1912) // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 2 (66). – С. 15–23.

5. Ершова И.В. Предпринимательское право: равнодушный взгляд // Предпринимательское право. Прил. к журн. – Вып. 2. – М. : Юрист, 2012. – С. 2–9.

6. Комаров, С. А. Общая теория государства и права : учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.

7. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. Т. 1. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – 583 с.

8. Нижечек В.И. Советское право в системе нормативного регулирования социалистических общественных отношений. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. – 456 с.

9. Радько Т.Н. Теория государства и права : учеб. для бакалавров / Т.Н. Радько, В.В. Лазарев, Л.А. Морозова. – М. : Проспект, 2018. – 568 с.

10. Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. – Ярославль : Типо-лит. Г. Фальк, 1892. – 316 с.

11. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). – М. : Спарк, 1995. – 556 с.

*Шарафджон Фахриддинович Искандаров**
*Оксана Владимировна Шкуран***
*Сергей Иванович Ивентьев****

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_130

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ КАК ОТВЕТ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА НА ДУХОВНО-
ПРАВСТВЕННОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ
УНИЧТОЖЕНИЕ ЛИЧНОСТИ**

Тень, знай свое место!
Е.Л. Шварц

Аннотация. Рассматриваются основные цели и причины проведения Российской Федерацией специальной военной операции.

Ключевые слова: Бог, личность, человек, душа, дух человека, ценности, конфликт, духовно-нравственный конфликт, уважение, СВО.

* **Искандаров Шарафджон Фахриддинович**, кандидат юридических наук, доцент кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикский национальный университет, г. Душанбе, Республика Таджикистан.

Sharafjon F. Iskandarov, Associate Professor of the Department of Human Rights and Comparative Law of the Faculty Law Tajik National University, Dushanbe, Republic of Tajikistan.

** **Шкуран Оксана Владимировна**, кандидат филологических наук, доцент, директор Института профессионального развития Луганского госпедуниверситета, г. Луганск, Россия.

Oksana Vladimirovna Shkuran, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Director of the Institute for Professional Development Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia.

*** **Ивентьев Сергей Иванович**, юрисконсульт, теолог, специалист в сфере национальных и религиозных отношений ООО «ДЭЛИЛ», г. Казань, Россия.

Sergey Ivanovich Iventev, Legal Adviser, Theologian, Specialist in the Field of National and Religious Relations «DELIL» LLC Member of the Russian Philosophical Society, Kazan, Russia.

SPECIAL MILITARY OPERATION AS THE RUSSIAN STATE'S RESPONSE TO THE SPIRITUAL, MORAL AND PHYSICAL DESTRUCTION OF A PERSON

Abstract. The article discusses the main goals and reasons for the Russian Federation conducting a special military operation.

Key words: God, personality, man, values, human soul, human spirit, conflict, spiritual and moral conflict, respect, self.

Противостояние, возникшее по инициативе США между недружественным коллективным Западом, США и его сателлитов с Российской Федерацией в связи с проведением ею специальной военной операции (СВО) на Украине по освобождению Донбасса и других оккупированных территорий в ряде новых регионов Российской Федерации, демилитаризации и денацификации Украины, оголило в современном мире существующие проблемы духовно-нравственного конфликта и уважения, а также «своих и чужих».

Оппозиционная категория «свой – чужой» [8, с. 60] уже существует много тысячелетий и является только поводом для определенной группы людей («элиты», «избранных» и пр.) духовно, нравственно и физически уничтожать так называемых «чужих».

«В основном так называемые “элиты”, “звезды” и разные “мажоры” не являются ни духовными, ни моральными авторитетами (идеалами) для народа. Поэтому у народа отсутствует доверие к этой категории лиц» [6, с. 30–38].

Из истории известно, что коллективный Запад и США постоянно проводят политику колониализма и уничтожения «чужих» (неудобных) людей, их культуры и ценностей, уничтожения личности так таковой, используют идеологию превосходства одних над другими, которую взял на вооружение фашизм, с чем и столкнулись в наше время народы Донбасса, России и других регионов мира. Уничтожение культуры и ценностей любого народа (этноса) приводит к размыванию и исчезновению этносов (наций).

Под личностью понимается человек, его духовная сущность, состоящая из души и духа и обладающая индивидуальными духовными, нравственными, психологическими, социальными, интеллектуальными, физическими и другими характеристиками и

свойствами, компетенциями и духовно-нравственным потенциалом [5, с. 191–198].

Под духом человека подразумевается эманация (лат. *emanatio* – истечение, распространение) Бога, а под душой человека – Божественная и духовно-нравственная ценность, совершенно самостоятельное духовное Разумное Энергетическое Существо (Суть), способное жить без тела человека, бессмертное Творение Бога [2, с. 21–29]. При этом многими исследователями светской науки под последними мыслится сознание и подсознание человека [3, с. 401–407].

Российскими дипломатами на международных площадках были подняты на всеобщее обсуждение вопросы уважения к человеку, неистовой русофобии (нем. – *russophobie*, фр. – *russophobie*, от рус и др.-греч. – φόβος – страх) на фоне разделения людей на «своих и чужих» и существующего духовно-нравственного конфликта в связи с проведением Россией СВО на Украине и введением против Российской Федерации экономических, политических, репутационных, информационных, логистических и других санкций [10, с. 8–17].

Реализация конфликта и духовно-нравственного уничтожения людей осуществляется с помощью информационных технологий, Интернета и СМИ. В виртуальном пространстве этот конфликт представлен так называемой информационной войной.

Заинтересованными лицами в корыстных целях всегда используется невидимый вооруженным глазом конфликт «дух – душа – тело».

Предметом изучения науки не выступает человеческий конфликт «дух – душа – тело», который может быть разрешен при балансировании духовных и материальных потребностей человека, когда у него на первом месте выступают Божественные и духовно-нравственные ценности.

В иерархии общечеловеческих ценностей выделяют: 1) Божественные ценности (Бог, Любовь, Божественные энергия и информация, Сотворчество); 2) духовно-нравственные ценности (Вера в Бога, религия, мораль и творчество); 3) витальные (биологические) ценности; 4) социальные ценности [7, с. 300–305].

Проблему нравственного (морального) и духовно-нравственного конфликта в жизни человека и общества поднимали и поднимают русские и российские философы, ученые, писатели и поэты (Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, М.А. Булгаков, М.Ю. Лермонтов, А.И. Солженицын и др.).

Концепт «духовно-нравственный конфликт» используется только в научных работах при анализе художественных произведений и других произведений искусства [11, с. 161–165; 4, с. 134–137].

В целом можно сказать, что существующий духовно-нравственный конфликт и проблема уважения стали не только проблемой науки, философии, писателей и поэтов, но политики и дипломатии, т. е. государства.

Конфликт интересов с позиции теории права представляет собой юридический конфликт, который, как отмечают правоведы, является одним из видов социального конфликта [1, с. 16–36].

Как отмечает А.В. Федоров, «основу указанного конфликта составляет наличие возможного противоречия между, с одной стороны, личными и, с другой стороны, общественными (публичными) интересами» [9, с. 39].

В свою очередь конфликт интересов касается не только вопросов нравственности, национальной безопасности государства и патриотизма, но и преданности идеям и целям какой-либо корпорации (партия, религия, организация и др.).

Следует отметить, что конфликт интересов представляет собой не только юридический конфликт, но и духовно-нравственный конфликт, который возникает между духовно-нравственными и национальными ценностями, душой, совестью человека и его личными интересами, т. е. аксиологический (от др.-греч. ἀξία – ценность + λόγος – слово, учение) конфликт.

С уверенностью можно сказать, что основу духовно-нравственного конфликта составляет неуважение к другим людям и их ценностям [6, с. 30–38], что мы видим при продвижении так называемой американской демократии, с которой регулярно сталкиваются люди.

Зачатки неуважения человеком других людей появились тогда, когда некоторые люди стали считать себя исключительными и

выше других, чуть не богоизбранными людьми, с которыми, по их мнению, напрямую может или должен общаться Бог-Творец, стали искусственно производить человеческое «расслоение» и создавать так называемые социальные касты (социальные группы: жрецы, фараоны, рабовладельцы, воины, рабы и др.). [7, с. 30–38].

Под духовно-нравственным конфликтом следует понимать ситуацию, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) человека, должностного лица (представителя корпорации или государства) влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных (трудовых) обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью работника и духовно-нравственными ценностями, душой, совестью человека и этическими нормами и правилами организации, способное привести к причинению вреда деловой репутации организации, страны и другим неблагоприятным последствиям и опорочить их доброе имя.

К неблагоприятным последствиям в виде нематериального вреда деловой репутации страны, корпорации можно отнести распространение порочащих сведений о них, что приводит к утрате доверия к ним. Следствием такой утраты может быть, например, разрыв деловых связей, потеря конкурентоспособности и прочее.

Слабый духовно-нравственный уровень человека или вообще его отсутствие порождают различные человеческие пороки (властолюбие, корысть, гордыня, месть, зависть, злоба и др.), которые могут приводить к предательству, убийству людей, войне, терроризму, государственной измене, цветным революциям, шпионажу, доведению организации до банкротства, рейдерским захватам бизнеса и прочим негативным последствиям. На этом фоне ярко проявляется существующий конфликт личных интересов над коллективными интересами.

Духовно-нравственного конфликт – это аксиологическая проблема между различными ценностями, идеологиями, смыслами и правами человека.

Однозначно, что СВО была направлена на защиту личности и ее ценностей от нацистской и экстремисткой идеологии, физического и духовно-нравственного уничтожения людей.

Не исключено, что коллективный Запад и США против Российской Федерации используют материальные ценности, которые фашистская Германия вывезла в 1939–1945 гг. из оккупированных территорий СССР и других стран.

В заключение воспользуемся точными словами советского прозаика Е.Л. Шварца (09.10.1896 – 15.01.1958 гг.) о Тени (см. эпиграф статьи), а именно: коллективный Запад, США и его сателлиты, знайте свое место!

Источники и литература:

1. *Акопян О.А., Бальхаева С.Б.* Юридический конфликт : монография. – М. : ИНФРА-М : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. – 312 с.

2. *Асадуллина Г.Р., Ивентьев С.И.* Национальная духовная культура и душа человека // Башкирская духовная жизнь в поликультурном пространстве: прошлое, настоящее и будущее : сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Уфа, 21.05.2020 г.) / отв. ред. Г.С. Кунафин. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2020. – С. 21–29.

3. *Асадуллина Г.Р., Ивентьев С.И., Шкуран О.В.* Духовно-нравственный смысл деятельности как фактор консолидации молодежи и общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VII Международной научно-практической конференции. Иркутск, 15.02.2021 / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О.А. Полюшкевич. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. – С. 401–407.

4. *Беспалова И.С.* Система конфликтов в сюжете романа И.С. Шмелева «Няня из Москвы» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – № 6 (50). – С. 134–137.

5. *Данакари Л.Р., Ермоченко К.П., Ивентьев С.И.* Духовно-нравственный и правовой аспекты свободы личности в цифровую эпоху // Цифровые технологии и право : сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции (г. Казань, 23

сентября 2022 г.) / под ред. И.Р. Бегишева, Е.А. Громовой, М. В. Залоило, И.А. Филиповой, А.А. Шутовой. В 6 т. Т. 4. – Казань : Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. – С. 191–198.

6. *Искандаров Ш.Ф., Данакари Л.Р., Ермоченко К.П., Ивентьев С.И.* Духовно-нравственная консолидация общества и проблема уважения человека // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы : материалы IX Международной научно-практической конференции. Иркутск, 20.02.2023 / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О.А. Полюшкевич. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2023. – С.30–38.

7. *Ивентьев С.И.* Современные духовно-правовые ценности // Законность и правопорядок в современном обществе: сборник материалов III Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск : Издательство НГТУ, 2011. – С. 300-305.

8. *Плюснин Ю.М.* Свои и чужие в русском провинциальном городе // Мир России. 2013. – Т. 22. – № 3. – С. 60–93.

9. *Федоров А.В.* Конфликт интересов как юридический конфликт // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 3. – С. 38–41.

10. *Шарков Ф.И.* Эскалация коллективным Западом конфликта с Россией: информационные истоки и динамика развития // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2022. – Том 7. – № 1. – С. 8-17.

11. *Щербакова Н.С.* Способы разрешения духовно-нравственного конфликта в современной молодежной драме // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 29 (320). Филология. Искусствоведение. – Вып. 83. – С. 161–165.

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_137

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОЙ ФОРМЫ СОВРЕМЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблематике цифровой формы современного отечественного юридического образования. Определяются основные тенденции развития юридического образования; уточняется роль и конкретные пути влияния цифровизации на развитие современных подходов к изучению права как ведущей нормативной системы; приводятся примеры реализации цифровой формы юридического образования (использование электронных справочных правовых систем, поисковой системы – генеративной нейросети); обращается внимание на существование устойчивых проблем в сфере реализации цифровой формы учебно-методической деятельности в сфере юриспруденции. Делается вывод о важности грамотного и постепенного развития самой цифровой формы юридического образования, а также учета основных способов и приемов ее использования на практике

Ключевые слова: юридическое образование, цифровизация, цифровая форма правового регулирования, генеративная нейросеть, цифровой документооборот.

DIGITAL CHALLENGES OF THE MODERN LEGAL EDUCATION

Abstract. The article is devoted to the problems of the digital form of modern domestic legal education. The main trends in the development of legal education are determined; the role and specific ways of influence of digitalization on the development of modern approaches to the study of law as a leading

* **Спири́н Михаи́л Юрье́вич**, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права Юридического института Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королёва, кандидат юридических наук, доцент, г. Самара, Россия.

Spirin Mikhail Yurievich, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law and International Law Law Institute of Named After S.P. Korolyov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Samara National Research University, Samara, Russia.

normative system are clarified; examples of the implementation of the digital form of legal education are given (the use of electronic legal reference systems, a search engine – a generative neural network), attention to the existence of persistent problems in the implementation of the digital form of educational and methodological activities in the field of jurisprudence is drawn. The conclusion about the importance of competent and gradual development of the digital form of legal education itself, as well as taking into account the main ways and techniques of its use in practice is made.

Key words: *legal education, digitalization, digital form of legal regulation, generative neural network, digital document management.*

Развитие юридического образования в аспекте как его системности, так и содержательно происходит перманентно, вне зависимости от субъективного восприятия соответствующих процессов.

Современное юридическое образование (т. е. образование в реалиях XXI в.), очевидно, отличается от соответствующего образования XX в. Попытки представить дело иначе обречены на провал, они, по сути, демонстрируют лишь склонность отдельных представителей академического юридического сообщества к идеализации строго определенного временного периода развития юридического образования, как правило, связанного с этапом их становления и роста как профессиональных юристов в XX в. [5, с. 46]. В этом аспекте необходимо согласиться с образной мыслью А.П. Коробовой: «Игнорировать объективные потребности общественного развития, то, что уже давно стало фактом современной действительности, это значит уподобляться страусу, который при малейшей опасности прячет голову в песок, притворяться, будто ничего не происходит, в то время когда все уже произошло» [2, с. 12–13].

Действительно, «все уже произошло», и главенствующими тенденциями развития современного юридического образования выступают его глобализация (интернационализация), гуманитаризация и цифровизация. Обратим особое внимание на последнюю тенденцию.

Цифровизация в юридическом образовании проявляется главным образом в создании устойчивых новых внешних форм или цифровых оболочек соответствующих видов учебно-методической

деятельности по подготовке нового поколения представителей юридической профессии. В целом такую систему цифровых оболочек можно условно обозначить термином «цифровая форма», которая и используется для «осовременивания» юридического образования в XXI в.

В чем выражается такая цифровая форма?

В первую очередь необходимо иметь в виду, что в большинстве случаев она остается лишь внешней формой, которая повышает степень удобства и оперативности при изучении содержащейся внутри этой формы правовой информации. В качестве наиболее известного примера следует указать на постоянное повышение значения в учебно-методической деятельности электронных справочных правовых систем, которые включают в себя конкретные нормативные правовые акты и другие формальные источники права, а также постатейные материалы к ним, т. е. нормативное содержание права, которое и подлежит систематическому учебному освоению.

В то же время сама цифровая форма правового регулирования постоянно усложняется и требует развития новых навыков и умений по ее использованию для накопления и анализа увеличивающегося в геометрической прогрессии количества современной нормативной информации.

Стоит согласиться с рядом авторов, которые обращают особое внимание на понятие «цифровая грамотность» и принципиально отличают его от уже устаревающей конструкции «компьютерная грамотность», которая была весьма распространена еще на рубеже XX–XXI вв. Как отмечает И.М. Максимова, «компьютерная грамотность подразумевает наличие навыков работы на компьютере, управления файлами, знание основных понятий информатики. Цифровая грамотность определяется набором знаний и умений, которые необходимы для безопасного и эффективного использования цифровых технологий и ресурсов Интернета» [3, с. 246]. Таким образом, развитие цифровой формы правового регулирования нуждается в цифровых формах (форматах) изучения такой оболочки правового регулирования, что, в свою очередь, как раз и связано с развитием цифровой грамотности участников образовательного процесса в юридических вузах.

Можно отметить часто встречающуюся по этому вопросу «половинчатую» позицию специалистов, которые исходят из некоего «временного» характера целого ряда объективных процессов, развивающихся в современном обществе. Так, О.В. Моисеева и В.Г. Тарасенко, подводя итоги своего исследования, указывают: «Цифровое образование эффективно только в сочетании с традиционным и скорее рассматривается как дополнение классического, но не его замена... Скорее всего, в ближайшее время мы будем заниматься поиском компромисса между традициями и нововведениями и искать золотую середину между классическим юридическим образованием и использованием электронных цифровых технологий» [4, с. 36]. Можно понять такую позицию с точки зрения человеческого разума, который, как давно уже установили психологи, склонен к ностальгии, стремится искать и даже находить в совершенно изменившихся обстоятельствах элементы прошлой, привычной обстановки. В то же время очевидно, что речь идет о полумерах. Поиск пресловутой «золотой середины» и понимание цифровых технологий лишь как факультатива, причудливого дополнения к классическому юридическому образованию просто замедляет процесс понимания необходимости использования цифрового инструментария правового регулирования.

В этом отношении следует обратить пристальное внимание на развитие систем искусственного интеллекта, которые уже перестали быть простыми «резервуарами» накопленной юридической информации и имеют в настоящее время все большую склонность к аналитике, обобщению и специализации. В качестве примера можно привести поисковую систему (генеративную нейросеть) YandexGPT версии 2.0, которая может выдать в ответ на информационный запрос не просто какую-то разрозненную нормативную или догматическую информацию (как это было раньше), но произвести первичный анализ содержащейся в базах данных этой системы соответствующей информации и сделать определенные выводы о степени ее релевантности сделанному запросу. Поскольку данная поисковая система может выдавать соответствующие результаты как в виде текста на экране монитора, так и в виде голосовой информации достаточно высокого качества, следует иметь в виду возможные адекватные способы использования как полученной

таким образом правовой информации, так и ситуаций, когда она принципиально необходима. Следует обратить особое внимание на 1) высокую скорость получения такой информации и на 2) способность к самообучению самой поисковой системы (генеративной нейросети).

Исходя из данного обстоятельства, использование в современном учебном процессе такой традиционной формы итоговой аттестации студентов-юристов, как экзамен, по сути, теряет всякий смысл, поскольку обычно от студента требуется предоставить экзаменатору максимальное количество логически связанной информации по каждому вопросу экзаменационного билета и в то же время, готовясь к этому в течение достаточно продолжительного времени в аудитории, студент вполне может использовать для достижения соответствующей цели подобную поисковую систему, которая передаст ему определенную информацию в кратчайшее время и сделает это в максимально логичной форме. Затем традиционному экзаменатору останется просто принять экзамен у самой этой поисковой системы (генеративной нейросети) посредством студента, который будет вербально выражать соответствующую информацию. Такая ситуация чем-то похожа на шахматный матч, где одним из участников фактически является компьютер (например, Deep Blue), но формально за доской сидит человек, который по команде этого компьютера быстро переставляет на доске фигуры. Как известно, с 2004 г. шахматные матчи между человеком и компьютером уже не проводятся по причине их бессмысленности, поскольку машина обязательно обыграет любого человека. Следовательно, описанная ситуация с традиционным экзаменом становится профанацией.

Вряд ли к этому нужно стремиться, принимая таким образом экзамен у студента юридического факультета в XXI в.

Важной проблемой использования цифровой формы юридического образования выступает также частое требование о необходимости ее дублирования традиционными бумажными формами.

В этом аспекте уже притчей во языцех стали квалификационные курсовые и выпускные работы, которые на 90 % превратились в бюрократически необходимые, но совершенно формальные (и вследствие этого – бездушные) «научнообразные» тексты, в кото-

рых практически полностью отсутствует самостоятельный научный поиск студента, но при этом заметно странное желание многих представителей академического сообщества за чем-то увидеть в этих текстах некие «мини-диссертации», которые в силу инерции образовательной системы должен написать каждый студент-юрист вне зависимости от того, склонен он к исследовательской деятельности в сфере права или нет.

Очевидно, что цифровая форма итоговой отчетности что на экзамене, что в случае с написанием той или иной квалификационной работы должна способствовать повышению смысла соответствующей процедуры, увеличению степени ее индивидуализации и настроенности на использование новых навыков работы будущего юриста в цифровой среде в условиях XXI в. [5, с. 44–45; 1, с. 77–78].

Нельзя не сказать в этом контексте о бумажных формах отчетности, которые по-прежнему являются обязательными и в ряде случаев выглядят не просто старомодно, но и не имеют реального смысла их использования. Это касается бумажных зачетных и экзаменационных ведомостей, индивидуальных и коллективных планов работы, разнообразных списков ознакомления со всевозможной информацией, необходимой для занятия научно-педагогической деятельностью и т. п.

Цифровой документооборот в практической юридической сфере активно заменяет (замещает) бумажный; попытки представить дело таким образом, что сам этот процесс есть некое временное и поверхностное явление, а делать нужно все «по старинке», «привычно» с надеждой на то, что «новомодные веяния» скоро «улягутся», являются близорукими и в ряде случаев просто вредными для развития современного документооборота, с одной стороны, и для качественной подготовки специалистов-юристов, которые будут в новых реалиях им заниматься, с другой.

Автор имел возможность задать вопрос одному из докладчиков (специалисту по трудовому праву) на пленарном заседании Всероссийской научно-практической конференции в Томском государственном университете в январе 2023 г. именно по поводу проблемы дублирования двух типов документооборота – электронного и бумажного, на что получил ожидаемый ответ, что это дуб-

лирование – «вопрос времени» и с такого рода дублированием необходимо какое-то (при этом, судя по всему, довольно длительное) время просто «смириться и потерпеть».

Как представляется, при желании «смириться и терпеть» можно очень долго, в то же время другие национальные правовые системы (например, правовая система КНР) может в этом вопросе уйти настолько далеко, что затем «догнать» ее отечественным специалистам не представится возможным. То же касается сферы юридического образования, использующей адекватные современные средства и методики освоения соответствующей правовой системы. В подобных случаях необходимо принимать своевременные властные решения по внедрению (в том числе принудительному) цифровых форм организации учебно-методической деятельности в сфере юридического образования.

Очевидно, что процесс цифровизации правового регулирования и сопровождающая его цифровизация юридического образования выступают закономерным следствием четвертой промышленной революции в современном обществе, т. е. являются совершенно закономерными процессами [1, с. 74–75].

В качестве вывода следует указать, что развитие и совершенствование цифровой формы современного юридического образования является стратегически важной деятельностью как для подготовки нового конкурентоспособного поколения российских юристов XXI в., так и для выхода отечественной юридической науки и учебно-методической деятельности на качественно новый уровень.

Источники и литература

1. *Громова Н.С., Пацук Е.О.* Цифровизация юридического образования: социально-правовые проблемы и перспективы // Бюллетень инновационных технологий. – 2022. – Т. 6. – № 4 (24). – С. 74–78.

2. *Коробова А.П.* К вопросу о подготовке профессиональных юридических кадров в условиях цифровой трансформации образования // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2022. – Т. 1. Юридические науки. – № 2 (101). – С. 5–13.

3. *Максимова И.М.* Цифровизация юридического образования: теоретический аспект // Актуальные проблемы государства и права. – 2021. – Т. 5. – № 18. – С. 244–252.

4. *Моисеева О.В., Тарасенко В.Г.* Цифровизация юридического образования: вопросы теории, методологии и практики // Современные вопросы государства, права, юридического образования : сборник научных трудов по материалам XVI Международной научно-практической конференции / отв. ред. А.В. Лапаева. – Тамбов : Издат. дом «Державинский», 2021. – С. 31–37.

5. *Седов Д.Н.* Цифровизация образования в России: риски и проблемы // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2021. – Вып. 2. – С. 42–47.

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_144

**ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ПАНДЕМИИ
НА ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ВОСКРЕСНЫХ
ШКОЛАХ ИРКУТСКОЙ ЕПАРХИИ:
РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ**

Аннотация. Анализируются результаты исследования влияния пандемии на педагогический процесс в воскресных школах Иркутской епархии. Исследование проводилось методом опроса педагогов воскресных школ. В опросник были включены вопросы, касающиеся как общих изменений в организационной и познавательной деятельности воспитанников, так и более узкие вопросы, касающиеся конкретных изменений. По результатам опроса проведен анализ и сделаны общие выводы относительно разработки новых методов и форм педагогической деятельности в воскресных школах.

Ключевые слова: воскресная школа, педагогический процесс, пандемия, исследование, опросник, педагоги, воспитанники.

STUDY OF THE IMPACT OF THE PANDEMIC ON THE PEDAGOGICAL PROCESS IN SUNDAY SCHOOLS OF THE IRKUTSK DIOCESE: RESULTS AND CONCLUSIONS

Abstract. The article analyzes the results of a study of the impact of the pandemic on the pedagogical process in Sunday schools of the Irkutsk diocese. The study was conducted by surveying Sunday school teachers. The questionnaire included questions concerning both general changes in the organizational and cognitive activities of pupils, and more specific questions concerning specific changes. Based on the survey results, an analysis was carried out and

* **Косолапова Татьяна Витальевна**, доцент кафедры философии, теологии и религиоведения Иркутский государственный университет, кандидат педагогических наук, г. Иркутск, Россия.

Kosolapova Tatyana Vitalievna, Associate Professor of the Department of Philosophy, Theology and Religious Studies of Irkutsk State University, Candidate of Pedagogical Sciences, Irkutsk, Russia.

general conclusions were drawn regarding the development of new methods and forms of teaching activities in Sunday schools.

Key words: *Sunday school, pedagogical process, pandemic, research, questionnaire, teachers, students.*

Тема исследования родилась в связи с последними общемировыми событиями и процессами, когда на фоне медленного и постепенного выхода из состояния пандемии произошло обострение политической обстановки во всем мире, что в конечном итоге привело к началу специальной военной операции (далее – СВО). И если первое время в большинстве своем общество питало иллюзии, что все это ненадолго и скоро закончится, то осенняя мобилизация 2022 г., которая коснулась очень многих семей, в том числе семей учащихся воскресных школ, не оставила равнодушным уже никого.

Естественным образом такие глобальные изменения не могут не отразиться на мироощущении и духовном состоянии людей.

Анализируя реакцию общества на начало пандемии и те процессы, которые возникли во всех сферах жизнедеятельности в связи с карантинными мерами, введение которых было вызвано обострением эпидемиологической обстановки, вспоминаем расхожую тогда фразу, которую произносили очень многие и с экранов телевизора, и в социальных сетях, и просто в личном общении: «Мир никогда не будет прежним!». Мир действительно изменился, но что именно изменилось, в чем это проявилось? Мир стал лучше или хуже?

Адекватную оценку всех этих процессов и изменений еще предстоит осуществить научному миру, но и в обозримом промежутке времени необходимо провести небольшой анализ произошедших изменений. Несмотря на то, что последствия пандемии все еще дают о себе знать, да и СВО еще не перешла в завершающую фазу, тем не менее после почти трехлетнего проживания в необычных условиях появилась необходимость оценить результаты изменений.

В связи с профессиональной деятельностью была предпринята попытка провести такое исследование на примере церковно-приходских воскресных школ. Это исследование очень актуально в свете происходящих грандиозных общемировых событий, так как позволит оценить изменения и на их основе сделать предваритель-

ные выводы, провести пересмотр деятельности воскресных школ и попытаться адаптировать эту деятельность к современным реалиям жизни.

На момент проведения этого исследования (декабрь 2022 г.) научных работ на подобную тему не удалось найти, поэтому пока нет возможности провести сравнительный анализ динамики произошедших изменений по отдельным регионам или типам школ. Исследование проводилось на базе церковно-приходских воскресных школ Иркутской епархии.

Для начала необходимо уточнить, что воскресная школа – это учреждение для внешкольного воспитания, отличительные особенности которого по сравнению с общеобразовательными школами и учреждениями дополнительного образования заключаются в следующем:

- педагогическая деятельность школы организуется на базе православного церковного прихода;
- основные занятия проходят в выходные дни;
- в педагогическом процессе школы отсутствует система отметок;
- в школе обязательно проводятся занятия по знакомству с вероучением Православной церкви и его изучению;
- кроме того, могут проводиться разнообразные занятия, способствующие духовно-нравственному и творческому развитию воспитанников;
- воспитанники участвуют в церковных богослужениях;
- изучение вероучения и различные мероприятия школы проходят совместно с родителями и детьми.

Следовательно, при оценке изменений в дисциплинарной и организационных сферах необходимо учитывать эту специфику, которая проявляется в том, что воспитанники посещают воскресную школу добровольно, здесь отсутствует «обязаловка» и отчетность в виде конкретных цифр, а вся деятельность направлена в первую очередь не на образование, а на духовно-нравственное воспитание.

Для исследования влияния пандемии на учебно-воспитательный процесс в воскресных школах в качестве респон-

дентов были выбраны педагоги воскресных школ Иркутской епархии.

Предварительно был составлен опросник из 17 вопросов, в который включены вопросы как об общих изменениях в организационной и учебно-познавательной деятельности воспитанников, так и более узкие вопросы, касающиеся конкретных изменений, таких как:

- изменения в количестве пропусков занятий;
- в способах общения и взаимодействия воспитанников;
- в использовании новых технологий и форматов педагогической деятельности;
- изменение области интересов воспитанников и характера учебной деятельности;
- оценка внешних проявлений психологического состояния и т. д.

В исследовании приняло участие 36 педагогов из 19 воскресных школ приходов храмов г. Иркутска и Иркутского района. В нем участвовали педагоги, занимающиеся с разными возрастными категориями воспитанников (от 3 до 12 лет), а также занимающиеся разными видами деятельности с детьми: изучением православного вероучения, церковнославянского языка, проведением различных творческих и развивающих занятий.

В целом распределение по группам следующее:

- 25 % участвующих в опросе педагогов занимаются с детьми-дошкольниками;
- 75 % педагогов занимаются со школьниками до 12 лет;
- 37 % педагогов проводят различные творческие занятия (рукоделие, изобразительная, музыкальная и театрализованная деятельность и др.);
- 63 % ведут вероучительные предметы (Закон Божий, храмоведение, основы веры, библейская история, литургика, агиография, церковнославянский язык, основы христианской нравственности).

Кроме того, в опросе участвовали педагоги с разным уровнем опытности, причем их количество разделилось на равные доли:

- доля молодых педагогов со стажем работы в воскресной школе менее 5 лет составила 30 %;

– доля опытных педагогов со стажем работы более 10 лет – 36 %;

– доля педагогов со стажем работы 5–10 лет – 31 %.

Также опытность педагогов оценивалась по профилю их основной сферы деятельности. Исследование показало, что в воскресных школах работает только 36 % профессиональных педагогов, а для остальных 64 % педагогов педагогическая деятельность в воскресной школе является основной.

Анализ результатов исследования показал, что по отношению к изменениям в деятельности воскресных школ далеко не все педагоги разделяют тезис о том, что «мир никогда не будет прежним». Так, на вопрос об общих изменениях в обучении и воспитании учащихся воскресной школы в связи с проживанием в условиях пандемии мы получили разные ответы.

Некоторые педагоги написали, что, кроме введения масочного режима, особых изменений не наблюдали (19 %).

Часть педагогов отметила, что занятия во время пандемии не велись вообще (22 %). Вот ответ одного из педагогов: «Уроки не проводились, поколение учащихся лишилось занятий по Закону Божьему, ЦСЯ (церковнославянскому языку. – *Т.В.*) и вообще общения в церковной среде».

Несколько педагогов перешли на дистанционное общение с детьми: «Отправляла описание урока, давала небольшое домашнее занятие для деток совместно с родителями».

Другие педагоги отметили такие изменения:

– «за пандемию у дошкольников произошло ухудшение речевых и коммуникативных навыков»;

– «за пандемию и дети, и родители отвыкли ходить в воскресную школу»;

– «ограничения в общении способствовали моральному дискомфорту, смятению»;

– «замедлилось изучение материала»;

– «стали больше пропускать занятия без уважительных причин».

Кроме того, некоторые ответы характеризовали активность учащихся:

– «родители стали более пассивны, без особого энтузиазма участвуют в мероприятиях школы, требуется по несколько раз напоминать»;

– «стало меньше участников разных конкурсов»;

– «у многих учащихся появилась некоторая духовная лень».

Но есть и кардинально противоположные мнения, такие как:

– «учащиеся проявляют большую радость от восстановленного совместного общения»;

– «появилось равнодушие, стряхнули сонность».

На самом деле наличие таких противоположных мнений характеризуют общее современное состояние общества – поляризация мнений и разная реакция на события даже внутри одной семьи, одного прихода, одного коллектива.

Для кого-то эти события стали поводом оправдания своей религиозной теплохладности и общей инфантильности, негативного отношения к происходящим событиям, а для кого-то стимулом к пересмотру своего отношения к жизни, к вере, к Родине, к повышению значимости этих вечных ценностей.

На вопросы по поводу влияния пандемии на конкретные изменения тоже были разные ответы. Так, на вопрос об изменении области интересов учащихся 88 % педагогов ответили, что интересы не изменились, а 12 % педагогов отмечают смещение интересов в область интернет-ресурсов, учащиеся стали больше привязаны к гаджетам, более активно для общения пользуются социальными сетями и различными мессенджерами.

На вопрос о количестве пропусков занятий учащимися 58 % педагогов отмечают, что дети стали пропускать больше занятий, причем не только по болезни, но и без уважительных причин; 36 % педагогов сообщили, что пандемия никак не повлияла на количество прогулов, и только 3 % отметили, что пропусков стало меньше.

Уточняющий вопрос про изменение характера учебной деятельности в сторону активности или пассивности конкретно у детей дал следующие результаты:

- 65 % педагогов считают, что характер учебной деятельности учащихся никак не изменился;
- 25 % педагогов отметили пассивность учащихся;
- 10 % педагогов заметили повышение активности детей на занятиях.

Интересное наблюдение было выявлено благодаря ответам на вопрос об изменениях в общении учащихся друг с другом:

- 67 % педагогов написали, что способ общения учащихся друг с другом не изменился;
- 19 % наблюдают повышение общительности детей;
- 9 % считают, что учащиеся стали менее общительными.

Еще один вопрос затронул проблему взаимодействия с родителями учащихся воскресных школ. Так, чуть больше половины педагогов (51 %) написали, что способ взаимодействия с родителями не изменился.

Мнения другой половины разделились:

- 35 % педагогов сообщили о том, что общение педагогов с родителями за время пандемии перешло в рамки групповых чатов в различных мессенджерах;
- 13 % педагогов отметили, что родители стали избегать личного взаимодействия и реже участвуют в совместных с детьми мероприятиях.

Тема перехода всей образовательной системы в область цифровизации коснулась и воскресных школ, что получило подтверждение в ответах педагогов:

- 43 % отметили, что в учебном процессе стали чаще использовать цифровые коммуникационные технологии, такие как подкасты, сетевые игры, различные интерактивности;
- 57 % написали, что не пользуются такими технологиями, а предпочитают заниматься с детьми по классической системе. Такой высокий процент объясняется тем, что многие педагоги, которые приняли участие в опросе, ведут занятия или у дошкольников (25 %), для которых эти технологии еще рано использовать, или проводят различные творческие занятия (37 %), которые относятся к прикладной деятельности, и, соответственно, на этих занятиях нет необходимости в использовании цифровых коммуникаций.

Поэтому если из статистики исключить эту часть педагогов по педагогически обоснованной невозможности использования современных технологий, то доля пользователей цифровыми коммуникационными технологиями существенно возрастет.

Это говорит о масштабном обновлении и расширении способов взаимодействия с учащимися.

Строго говоря, этот факт невозможно оценить как положительный или отрицательный, так как мы все сейчас живем во времена всеобщей цифровизации. Благодаря цифровизации увеличивается доступность и количество информации, соответственно, возможность получения большего количества знаний, но в то же время эта доступность несет потенциальную опасность ввиду ограниченности возможностей дифференцирования информации и оценки ее качества.

При этом нельзя забывать о том, что воскресная школа – это не только и не столько про знания, так как в соответствии с Положением о деятельности воскресных школ цель и задачи воскресной школы, заключающиеся в воспитании духовно-нравственной личности через приобщение к литургической жизни Церкви, касаются в первую очередь смысложизненных ориентаций, т. е. того, куда и зачем можно применить полученные в воскресной школе знания и как благодаря этим знаниям исправить свою жизнь. Поэтому на фоне зафиксированных в процессе исследования изменений актуализируется именно такая направленность педагогической деятельности воскресной школы.

Еще несколько вопросов опросника касались изменений интересов воспитанников воскресной школы в связи с проживанием в условиях специальной военной операции и изменения их психологического состояния.

Что касается изменения интересов воспитанников, то здесь картина такова:

– 25 % педагогов сообщили, что дети стали интересоваться военной тематикой;

– 44 % педагогов констатировали, что воспитанников волнует тема, как можно поддержать наших военнослужащих и помочь им (пишут письма, открытки, рисуют рисунки для военнослужащих в зоне СВО);

– 30 % педагогов таких изменений не наблюдают.

По поводу внешних проявлений психологического состояния детей почти половина педагогов (47 %) не заметила особых изменений, а у другой половины педагогов мнения разделились:

– 33 % заметили, что воспитанники стали более внимательны к членам семьи и друг к другу;

– 20 % педагогов сообщают о том, что дети стали более тревожными, наблюдается некоторое нервное напряжение при упоминании военной темы (чаще всего это дети, у которых родные или знакомые участвуют в спецоперации).

Такое разнообразие ответов объясняется тем, что, как уже говорилось, педагоги работают с разными возрастными категориями воспитанников и ведут разные занятия, поэтому в каких-то группах тема СВО вообще никак не фигурирует, в других этот вопрос может подниматься в связи с изучаемыми темами или при личных контактах.

Какие выводы мы можем сделать из проведенного исследования:

– расхожая на начало пандемии фраза «Мир никогда не будет прежним!» на примере воскресной школы подтвердилась только частично;

– изменения действительно произошли, причем не только в учебно-воспитательном процессе, но и на личном и психосоциальном уровнях среди учащихся и педагогов;

– эти изменения коснулись в основном педагогов старших групп и учащихся воскресной школы от 8 лет и старше, а среди дошкольников в основном все осталось как прежде;

– изменения психосоциального состояния учащихся выражены в тенденции к пассивности и ограничению взаимодействия;

– изменения в учебно-воспитательном процессе касаются смены методов педагогической деятельности и проблем увеличения пропусков занятий;

– в целом изменения, произошедшие даже среди старших групп воскресной школы, не несут ярко выраженных перемен в учебно-воспитательном процессе воскресной школы, в основном это вопрос инициативы и личных предпочтений педагогов при выборе методик обучения и воспитания.

Все это позволяет констатировать, что работа воскресных школ среди дошкольников может сохраняться в прежнем (допандемийном) формате и режиме, а среди школьников необходимо пересмотреть прежние методы и формы работы и привести их в соответствие с общими тенденциями.

Следовательно, в ближайшем будущем воскресной школе еще предстоит пройти переформатирование, и задел на эти изменения был уже сделан в период пандемии.

Поэтому считаем, что тема разработки новой методологии преподавания вероучительных предметов с учетом современных образовательных тенденций, сокращения стремления к взаимной коммуникации и проявлений утилитарности в интересах воспитанников требует внимательного рассмотрения.

Исходя из личного опыта, могу предположить, что более эффективным будет отход от традиционной методологии обучения путем передачи информации (так как практически любая информация сейчас очень доступна) к коммуникационным методам, ориентирующим воспитанников воскресных школ на поиск смыслов и жизненных ориентиров, к апелляции к своей душе и к стимулированию познавательного интереса в вероучительной и историко-культурной области православной религии.

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_154

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
РЕСУРСОВ КАК СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНОЛОГИИ
В ПРОЦЕССЕ ПРИОБЩЕНИЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО
ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
К ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫМ ЦЕННОСТЯМ**

Аннотация. Представлен опыт работы музыкального руководителя по приобщению дошкольников к истокам народной культуры: раскрываются цель, задачи и актуальность авторской разработки – электронных демонстрационных материалов. Показан опыт использования новой образовательной технологии с целью повышения познавательного интереса современных дошкольников, поддержания внимания детей и упрощения процесса усвоения материала. Представлена новизна методической разработки, дана инструкция по использованию материалов.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, дошкольник, культура, традиции, общество, методическая разработка, электронный образовательный ресурс.

**THE USE OF ELECTRONIC EDUCATIONAL RESOURCES
AS A MODERN TECHNOLOGY IN THE PROCESS
OF INTRODUCING OLDER PRESCHOOL CHILDREN
TO SPIRITUAL AND MORAL VALUES**

Abstract. The article contains the experience of a music director in introducing preschoolers to the origins of folk culture: reveals the relevance of the author's development - electronic demonstration materials, purpose and objectives. The author shows the use of new educational technology in order to increase the cognitive interest of modern preschoolers, maintain children's attention and simplify the process of learning the material. The novelty of

* Кузнецова Оксана Юрьевна, музыкальный руководитель муниципального бюджетного дошкольного образовательного учреждения г. Иркутска детский сад № 182, г. Иркутск, Россия.

Kuznetsova Oxana Yuryevna, Music Director of Municipal Budget Preschool Educational Institution of the City of Irkutsk Kindergarten No. 182, Irkutsk, Russia.

methodological development is presented, instructions on the use of materials are given.

Key words: *spiritual and moral education, preschool child, culture, traditions, society, methodological development, electronic educational resource.*

Детство – ключевой этап в развитии человека, когда зарождаются основы личностных и гражданских качеств, а также формируются взгляды на людей, общество и культуру. В быстро меняющемся мире традиции остаются тем, что придает стабильность и узнаваемость жизни. Особенно значимо с раннего возраста воспитывать у детей духовно-нравственные ценности, учить их быть хранителями культурного наследия, соблюдая принципы взаимодействия различных культур. Развитие культурного наследия начинается с местных традиций, играющих важную роль в формировании молодого поколения. Народная культура становится первым шагом ребенка к пониманию богатства национальной культуры и принятию общечеловеческих ценностей.

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» ключевым принципом в образовательной политике и законодательстве является сохранение и развитие этнокультурных особенностей народов России в рамках многонационального государства [1, с. 6]. Национальная доктрина образования в РФ подчеркивает важность обеспечения исторической преемственности поколений, сохранения и распространения национальной культуры, поддержки этнической уникальности народов России и гуманистических традиций, включая сохранение языков и культур малых народов Российской Федерации [2, с. 2].

Приказом Министерства образования и науки РФ от 17 октября 2013 г. № 1155 был утвержден федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования, подчеркивающий важность приобщения детей к социокультурным нормам, семейным и общественным традициям, а также учет этнокультурной специфики их развития [3, с. 3].

Стратегия развития воспитания в РФ до 2025 года ставит в приоритет формирование у детей высокого уровня духовно-нравственного развития и чувства причастности к историко-

культурной общности российского народа [4, с. 3]. Это направление в государственной политике обусловлено пониманием того, что именно в детстве закладываются основы будущей личности, ценностные установки, определяющие идентичность ребенка, его взаимоотношения с миром, обществом, семьей и самим собой.

Таким образом, раннее детство признано критически важным периодом для формирования личности и культурной идентичности. Государственная политика и образовательные стандарты в России акцентируют внимание на необходимости развития духовно-нравственных качеств, уважения к традициям и культурному наследию, подчеркивая важность этнокультурной разнообразности в формировании гармоничной личности.

Обучение, направленное на развитие культурной, национальной и этнической самобытности детей в условиях социального и культурного разнообразия, является ключевой целью современного образования. Воспитание детей с укрепленными культурными ценностями, способностью ценить искусство способствует их творческому и аналитическому развитию. Они учатся оценивать не только свое наследие, но и культуру других, что способствует их личностному росту.

Важность воспитания осведомленного и преданного гражданина, который знает и любит свою страну, становится особенно очевидной сегодня. Это требует глубокого понимания духовного наследия и народной культуры, так как приобщение к традициям играет значительную роль в развитии личностных качеств ребенка. Однако в современном обществе наблюдается снижение интереса к народному искусству, телевидение и интернет заменяют традиционные формы культуры, в то время как фольклор может влиять на мировоззрение, мораль и эстетические предпочтения ребенка.

В этом контексте растет значение работы педагогов в детских образовательных учреждениях по возрождению народных культурных традиций для духовно-нравственного воспитания детей. Работа с темами, связанными с русским народным творчеством, праздниками, обрядами и промыслами, требует от современного педагога расширения применения наглядных методов обучения, что способствует развитию эмоционально-оценочного отношения детей к получаемым знаниям.

Электронные образовательные ресурсы (ЭОР) играют существенную роль в этом процессе. Они включают в себя широкий спектр обучающих средств, основанных на компьютерных технологиях, и предназначены для повышения качества и эффективности образовательного процесса. ЭОР предоставляют информацию в более доступном и наглядном формате, обогащая представления детей об изучаемых объектах и явлениях. Эти ресурсы преодолевают ограничения традиционных обучающих материалов, предлагая широкий спектр текстовой, визуальной и звуковой информации, удобно собранной на одном цифровом устройстве.

ЭОР включают не только электронные учебники, но и звукозаписи, видеофрагменты, обучающие игры, тесты и викторины, доступные на компьютере или планшете [5]. Такой подход не только облегчает процесс обучения, но и делает его более привлекательным для современных детей, позволяя им получать более полное и многостороннее представление о культуре и традициях.

Таким образом, интеграция ЭОР в образовательный процесс играет ключевую роль в сохранении и развитии национальной и народной культуры среди подрастающего поколения. Она способствует не только культурному обогащению детей, но и их личностному развитию, поддерживая их интерес к наследию и традициям своего народа в современном цифровом мире.

В процессе работы над темой приобщения детей к истокам народной культуры с учетом особенностей современной жизни дошкольников и изменения запросов самих детей нами смонтированы увлекательные мини-видеофильмы с целью ознакомления детей с элементами народной культуры в различных образовательных областях. Видеоролики позволяют дошкольникам убедиться в истинности полученных сведений, что ведет к осознанности и прочности знаний. Предлагаемые современные наглядные средства ознакомления детей с народной культурой: посещение виртуальных музеев, видеовыступления народных мастеров-умельцев, видеосюжеты из жизни русского народа, документальные фильмы, народные сказки – способствуют повышению познавательного интереса, позволяют облегчить процесс усвоения материала, поддерживают внимание ребенка.

Видеоролики распределены по темам, которые наиболее актуальны и интересны детям дошкольного возраста. К видеоматериалам, а также материалам презентаций предложены примерные беседы, на которые может опереться педагог на своих занятиях.

Цель: создание условий для приобщения детей старшего дошкольного возраста к культурным традициям своего народа.

Задачи:

1. Воспитывать интерес и любовь к народному творчеству.
2. Приобщать к культурным традициям, духовному богатству русского народа.
3. Воспитывать культуру поведения в общении со взрослыми и сверстниками в совместной деятельности.
4. Развивать воображение, фантазию, поощрять способность к импровизации, самостоятельности в создании музыкального образа.
5. Способствовать поддержке детской инициативы и самостоятельности, творческой активности.
6. Формировать начальные представления о музыкальном фольклоре как искусстве, структуре народных танцевальных композиций, хороводов, средствах музыкальной выразительности (темп, ритм, динамика и т. п.).
7. Развивать личностные качества: целеустремленность, доброжелательность, решительность, способность к сопереживанию и соучастию и т. п.

Новизна заключается в систематизации и обобщении материалов по приобщению детей к культуре русского народа и возможности их применения в условиях ДООУ. Предложенные материалы имеют большую гибкость в отношении времени и способа предоставления информации, а также дают возможность их использования для дистанционного обучения детей, пропустивших занятия.

На персональном сайте <https://scenarimuz.wixsite.com/scenarimuz> [6] (во вкладке «Авторские методические разработки – цикл видеороликов для занятий») размещены гиперссылки на аудио- и визуальный контент, а также файлы мультимедиа, направленные на знакомство с историей и бытом русского народа, изуче-

ние фольклорного материала и формирование творческих способностей детей. Выбраны темы, которые наиболее актуальны и интересны детям дошкольного возраста. Педагоги (воспитатели, музыкальные руководители, педагоги дополнительного образования) могут использовать материалы на занятиях в различных образовательных областях в ходе ознакомления детей с элементами народной культуры, творчества, народными праздниками, фольклором.

Алгоритм действий:

1. В начале учебного года педагог проводит входящую диагностику уровня развития представлений ребенка о культуре и быте русского народа.

Для проведения диагностики нужно с персонального сайта скачать (кнопка на странице ЭОР «Диагностические материалы») диагностические материалы: «Дидактические игры» и «Диагностические материалы к ЭОР».

2. Педагог заполняет карту индивидуального развития процесса формирования представлений ребенка о культуре и быте русского народа, обеспечивая его поддержку через построение индивидуального образовательного маршрута.

3. Опираясь на собственные рекомендации по образовательной поддержке детей, полученные в ходе педагогической диагностики, педагог определяет последовательность изучения тем в соответствии со своим перспективным планом работы.

4. Педагог скачивает конспект занятия по выбранной теме, открывает видеоролик или презентацию для просмотра.

5. Педагог знакомится с беседой по теме, просматривает видеоролик или презентацию.

6. Педагог проводит занятие, опираясь на предложенные материалы.

7. После изучения предложенных тем в конце года педагог проводит заключительную диагностику.

8. В индивидуальном маршруте прописывает результаты развития представлений ребенка о культуре и быте русского народа, его достижения (ресурсы и опыт) и дефициты развития.

9. Педагог совершенствует условия его развития. Оценивает эффективность собственных педагогических действий.

Источники и литература

1. Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 (ред. от 25.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации» // www.consultant.ru.
2. О национальной доктрине образования в Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 04.10.2000 № 751 // www.consultant.ru.
3. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования : приказ Министерства образования и науки РФ от 17 октября 2013 г. № 1155 // www.consultant.ru.
4. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-п // www.consultant.ru.
5. Корпорация «Российский учебник» [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosuchebnik.ru/material/chto-takoe-eor/>
6. Персональный сайт музыкального руководителя Кузнецова Оксана Юрьевна [Электронный ресурс]. – URL: <https://scenarimuz.wixsite.com/scenarimuz>

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_161

**К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНСТИТУТА
НАКАЗАНИЯ КАК СРЕДСТВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ**

Аннотация. Рассматриваются особенности использования института наказания как средства политической борьбы. Предложен подход к выявлению политизированности решений о возложении правовых наказаний в международных отношениях и внутригосударственной практике.

Ключевые слова: политика, политическая борьба, средства, институт наказания, политизированность.

**ON THE QUESTION OF USING THE INSTITUTION
OF PUNISHMENT AS INSTRUMENT
OF POLITICAL STRUGGLE**

Abstract. The features of using the institution of punishment as a means of political struggle are considered. An approach to identifying politicization in decisions to impose legal penalties in international relations and government practice is proposed.

Key words: politics, political struggle, means, institution of punishment, politicization.

Политическая борьба – особое социальное явление, которое осуществляется на различных уровнях и стадиях функционирования государственно-организованного общества, выраженное в столкновении целей и интересов двух и более субъектов политики, стремящихся в своей деятельности возобладать над оппонентом,

* **Кузьмин Игорь Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия.

Kuzmin Igor Alexandrovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Irkutsk Law Institute (Branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.

доминировать над ним, используя для этого различные подходы. А.А. Заикин полагает, что даже на фоне существенных изменений и трансформаций в обществе процесс политической борьбы в своей принципиальной части остается неизменным, а его исследования сводятся к выявлению характеристик и содержания политической борьбы для нахождения эффективных способов достижения поставленных целей и формирования различных сценариев развития политической ситуации [9, с. 18]. Исходя из этого, он определяет политическую борьбу «как деятельность по реализации интересов в конфликте политических субъектов посредством достижения властных позиций» [10, с. 145].

Инструменты ведения политической борьбы чрезвычайно многообразны. З.С. Тамбиева и М.Г. Павлова отмечают, что политическая борьба может осуществляться как на легальной, так и на неправомерной основе, причем формы и методы воздействия на политического противника могут быть силовыми и несиловыми. Так, Д.С. Одинаев приходит к выводу, что терроризм совместно с экстремизмом приобретают качество особой формы политической борьбы с целью насильственного свержения существующей публичной власти [16, с. 139]. Законным несиловым способом политического воздействия, в частности, является забастовка, реализуемая с целью политического давления. Например, в феврале 2023 г. в Лондоне прошла крупнейшая за десятилетие забастовка против закона о минимальном уровне работы [8].

Широкий плюрализм форм и методов осуществления политической борьбы подразумевает целый спектр вовлекаемых в ее динамику средств, в том числе правовых. Теория и практика развития внутригосударственных и международных отношений наглядно показывают увеличение объема правовых средств, используемых для достижения любых политических целей. Стремление субъектов политической борьбы придать правовую форму своим попыткам одержать верх над своими оппонентами давно стало обычной практикой в международных отношениях и приобрело системный характер во внутригосударственном управлении многих стран современного мира.

В настоящей работе мы обратимся к специфике использования института наказания в составе комплекса средств политиче-

ской борьбы, исходя из общетеоретических и узкоотраслевых особенностей этого правового явления.

Наказание является одним из наиболее сильных средств правового воздействия, возлагаемых за совершение отдельных противоправных деяний, имеющих общественно опасную (преступления) либо иную социально вредную природу (иные акты противоправного поведения). По своему содержанию наказание выражается в лишениях (правоограничениях), предполагающих негативное влияние на правонарушителей, призванное изменить девиантные социально-правовые установки и предупредить дальнейшие противоправные акты соответствующего рода и вида. Обозначенные обстоятельства делают «привлекательным» феномен правового наказания для вовлечения в сферу политической борьбы путем использования его против политических оппонентов и их союзников под предлогом совершения последними противоправных деяний, в том числе по принципу объективного вменения. Так, ранее мы установили, что политическая ангажированность нередко прослеживается в закреплении и применении института правовых наказаний, вследствие чего политизированные и юридически безосновательные наказания преподносятся как закономерная, законная и рациональная реакция одного субъекта на действия другого [12, с. 21].

При этом мы не исключаем правомерности использования наказаний в политической сфере, частично подпадающей под правовое регулирование. Например, Устав Организации Объединенных наций (ООН) от 26 июня 1945 г. в ст. 52–53 допускает в качестве легитимных конструктивные и рациональные принудительные меры (в том числе наказательного характера) на основе решений Совета Безопасности ООН [1]. В гл. 29 действующей редакции Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ объединены преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, большая часть которых имеет непосредственное политическое содержание [4]. Целый ряд статей Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ затрагивают политическую сферу в отношении деятельности политических партий, функционирования избирательной системы, отдельных пропагандистских актов и т.п. [3]. Государственные

служащие (в особенности сотрудники правоохранительных органах) не могут принимать участие в деятельности политических объединений и состоять в них, принимать властные (профессиональные) решения под влиянием субъектов политики. Нарушение обозначенного запрета может повлечь возложение на нарушителей дисциплинарных наказаний. В отдельных случаях само содержание наказаний имеет откровенно политический характер. В частности, речь может идти о таких мерах конституционно-правовой ответственности, как импичмент главе государства (ст. 93 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.) [2; 11] или отрешение высшего должностного лица субъекта Российской Федерации Президентом РФ от должности в связи с выражением ему недоверия законодательным органом субъекта РФ (ч. 4 ст. 29, ст. 30 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ) [5].

Правовые наказания (в особенности меры нематериальной ответственности: сатисфакция, ресторация, мирные репрессалии и др.) для основных субъектов международного права – государств и международных организаций зачастую имеют ярко выраженный политический характер [6, с. 14–18] и возлагаются на добровольной основе. Например, в июне 2016 г. Президент Турции Р.Т. Эрдоган официально извинился перед Президентом России В.В. Путиным за гибель российского пилота Су-24 и выразил готовность обсудить все возможные компенсации, в связи с этим событием [13].

При использовании наказания исключительно в качестве средства политической борьбы вне правовой основы субъект политики изначально находится в готовности применить все доступные ему ресурсы для возложения наказания, что нередко выражается в следующих действиях:

- информировании широкого круга лиц о якобы противоправном поведении политического оппонента и его последствиях с продвижением «единственно верной» интерпретации и заранее объявленным нарушителем, сопряженным с отрицанием иных точек зрения (противодействия последним);

- выставлении назначенного нарушителя в максимально негативном свете, приписывании ему склонности к противоправному и девиантному поведению;

- сведении к нулю любых двусторонних контактов с заранее объявленным нарушителем, избрании обвинительной менторской позиции относительно данного субъекта;

- оказании давления на любых иных субъектов, выражающих сомнения относительно доказанности противоправного поведения или призывающих провести более качественное расследование;

- некритичном отношении к любым фактическим и информационным расхождениям между официальными заявлениями о допущенных нарушениях и реальными причинами введения санкций независимо от источников подобных сведений;

- стремлении противодействовать любому объективному расследованию, попытках оказать влияние на его содержание в целях сокрытия истинной картины произошедшего с заведомой готовностью объявить результаты предвзятыми;

- явном несоответствии возлагаемых наказаний степени и характеру «вменяемого» нарушения;

- иных подобного рода действиях.

Соответственно, выявление значительной части перечисленных выше действий в деятельности субъекта политической борьбы позволяет с высокой степенью вероятности определить политизированность его установок применительно к каждому случаю возложения (попыток возложения) наказаний. В свою очередь, это дает возможность осознать те задачи, которые ставит перед собой тот или иной субъект политической борьбы.

Возложение правовых наказаний в контексте политической борьбы может выполнять следующие перекликающиеся между собой разноуровневые задачи:

1) устранение политического оппонента (отстранение его от объектов политических устремлений и интересов);

2) отвлечение внимание оппонента от объекта политических устремлений и интересов;

3) снижение активности политического оппонента;

- 4) получение тактического или стратегического преимущества в политической борьбе;
- 5) опорочивание репутации политического противника;
- 6) направление сигнала другим участникам политической борьбы о возможных последствиях конфронтации;
- 7) иные задачи.

В собственном смысле субъект политической борьбы, стремящийся воздействовать на своего оппонента принудительными правовыми средствами, не заинтересован в обеспечении законности и правомерности процессуальной формы – для него важно добиться официального порицания оппонента и в ряде случаев возложения на него наказания. Отсюда следует, что во всей системе юридической ответственности фактор политизированности ориентирован исключительно на те ее блоки, которые позволяют достигать актуальных целей и задач в политической борьбе.

На сегодняшний день беспрецедентность форм и объема наказательной политики стран коллективного Запада во главе с США против Российской Федерации наглядно демонстрирует политизированность и ангажированность соответствующего блока государств в принятии решений о наказании России за нарушения в области международного права, а по факту – за самостоятельный государственный курс по охране и продвижению собственных национальных интересов и безопасности. Согласно информации порталов <https://x-compliance.ru> и <https://madestone.ru/>, общее количество санкций, введенных против Российской Федерации, российских физических и юридических лиц после 22 февраля 2022 г. (со дня начала специальной военной операции России на Украине), на сегодняшний день составило более 5 тысяч, тогда как общее число действующих санкций приближается к 15 тысячам. Несмотря на очевидную неэффективность и обратный вред от санкций в режиме «самонаказания», Европейский союз маниакальным образом стремится вводить против нашего государства все новые санкции, разрушающие экономику европейских стран и препятствующие нормальным международным отношениям.

На фоне обозначенных событий Президент РФ В.В. Путин еще в марте 2022 г. на совещании по мерам социально-экономической поддержки субъектов РФ указал, что «политика

сдерживания, ослабления России, в том числе с помощью экономической изоляции, блокады, – это осознанная, долгосрочная стратегия» [19]. В своих многочисленных интервью и выступлениях в период с марта 2022 г. по февраль 2024 г. министр иностранных дел России С.В. Лавров неоднократно отмечал, что цель западных санкций – смена режима, провокация беспорядков и недовольства граждан, что Запад нацелен на разрушение мировой экономики, чтобы проучить Москву. Нелегитимность односторонних санкций стран коллективного запада против России в обход охранительных механизмов ООН (в особенности Совета Безопасности ООН) в свете изложенного сомнений не вызывает.

Во внутринациональных отношениях институт наказания также может быть использован для реализации отдельных политических целей. Наиболее резонансными и известными на сегодняшний день событиями в свете изложенного являются постоянные попытки правящей верхушки США продвинуть процесс возложения наказания на бывшего Президента США Д. Трампа за его действия, связанные с передачей власти [14]. На фоне предстоящих президентских выборов мотивы отстранения Д. Трампа от участия в предвыборной гонке являются вполне закономерными в свете растущего рейтинга последнего [15]. В другом случае правящей партией Грузии была инициирована процедура импичмента президента страны С. Зурабишвили [7], связанная с ее поездкой на встречу лидеров стран Европейского союза без предварительного одобрения правительства, что предусмотрено Конституцией Грузии. Процесс импичмента был завершен в связи с отсутствием необходимого количества голосов членов Парламента Грузии, проголосовавших за отставку президента [17]. Между тем, по мнению политологов, заявленное «нарушение» является лишь поводом к инициированию процедуры импичмента, тогда как истинные его причины лежат в плоскости негативного отношения к главе государства со стороны политической элиты Грузии [20].

Адекватная реакция на политически ангажированные решения о возложении наказаний должна вырабатываться на комплексной и методической основе, охватывая группы контрдействий информационного, организационного и функционального характера, позволяющих восстановить правопорядок и разграничить легаль-

ные и нелегальные (политизированные) правовые акты. В особенности это характерно для международных отношений, так как средства внутригосударственной защиты у участников политической борьбы ограничены, в особенности если они не представляют государственную власть.

Приведенные выше размышления по тематике нашли свое подтверждение 9–10 февраля 2024 г. в ходе V Съезда Российского общества политологов, проведенного в г. Светлогорске, на котором автор настоящей статьи выступил с сообщением «Факторный правовой анализ наказательной политики стран коллективного Запада против Российской Федерации в современном мире» [18].

Таким образом, мы приходим к выводу, что наказание как правовое принудительное средство и институт права в современный период времени активно используется для достижения преимущества в политической борьбе на международном уровне и во внутринациональных отношениях. Под воздействием политических целей и амбиций процесс возложения правовых наказаний нередко приобретает политизированный характер, о чем могут свидетельствовать прямые и косвенные признаки поведения тех или иных акторов политических отношений.

Источники и литература

1. Устав Организации Объединенных Наций" (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>

2. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

3. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // www.consultant.ru

4. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // www.consultant.ru

5. Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ // www.consultant.ru
6. Белозерцев С.М. Формы возмещения вреда в международном публичном праве // *Международное право.* – 2023. – № 3. – С. 13–20.
7. Бушев А. В Грузии началось заседание парламента по вопросу импичмента президенту страны // Интернет-портал «Российской газеты» // URL: <https://rg.ru/> (25.01.2024).
8. В Лондоне проходит крупнейшая за десятилетие забастовка // Сетевое издание «РИА Новости» // URL: <https://ria.ru/> (25.01.2024).
9. Заикин А.А. Политическая борьба как борьба за лидерство и власть // *Управленческое консультирование.* – 2019. – № 7. – С. 17–24.
10. Заикин А.А. К вопросу о содержании понятия политической борьбы // *Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС.* – 2018. – Т. 9. – № 4. – С. 139–146.
11. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с. (Серия: Профессиональный комментарий).
12. Кузьмин И.А. Возложение наказания как способ продвижения политических целей в международных отношениях (теоретическое исследование) // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки.* – 2023. – Т. 1. – С. 17–23.
13. Латухина К. Эрдоган извинился за сбитый самолет // Интернет-портал «Российской газеты» // URL: <https://rg.ru/2016/06/27/ergodan-izvinilsia-za-sbityj-samolet.html>
14. Макарычев М. В чем обвинили Трампа и чем это ему грозит // Интернет-портал «Российской газеты» // URL: <https://rg.ru/> (25.01.2024).
15. Мур Е. Дональд Трамп получил прибавку к рейтингу // Официальный сайт издания «Коммерсантъ» // URL: <https://www.kommersant.ru/> (25.01.2024).
16. Одинаев Д.С. Терроризм как особая форма политической борьбы в современном мире // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика.* – 2021. – № 3. – С. 135–140.

17. Парламент Грузии не смог объявить импичмент президенту Зурабишвили // Интернет-портал Информационного агентства ТАСС // URL: <https://tass.ru/> (25.01.2024).

18. Программа V Съезда Российского общества политологов «Цивилизационное развитие России: стратегический курс и политические практики» // Официальный сайт Российского общества политологов // URL: <http://ruspolitology.ru/> (09.02.2024).

19. Путин назвал политику Запада на сдерживание России долгосрочной стратегией // Сетевое издание «РИА Новости» // URL: <https://ria.ru/> (25.01.2024).

20. Сизов И. Импичменту нашли основания // Официальный сайт издания «Коммерсантъ» // URL: <https://www.kommersant.ru/> (25.01.2024).

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_170

ТРЕБОВАНИЕ ПУБЛИКАЦИИ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В SCOPUS, WEB OF SCIENCE ПРОТИВОРЕЧИТ КОНСТИ- ТУЦИИ И ЗАКОНАМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. Автор на основе анализа проектов положений Национальной аттестационной комиссии при Президенте Кыргызской Республики о порядке присвоения ученых званий, степеней приходит к выводу об их неконституционности, незаконности, необоснованности, несоответствии международным обязательствам Кыргызстана в сфере интеграции в ЕАЭС, дискриминации кыргызской юриспруденции и предлагает унифицировать требования к соискателям ученых степеней и званий в Кыргызской Республике по аналогии с таковыми, применяемыми в России и Белоруссии.

Ключевые слова: общественное обсуждение, справка-обоснование, Национальная аттестационная комиссия при Президенте Кыргызской Республики, Scopus, Web of Science, конституция, искусственная монополия, ограничение конкуренции, дискриминация, индексирование, регистрация, СМИ, РИИЦ, Вестник КНУ им. Ж. Баласагына.

THE REQUIREMENT FOR PUBLICATION OF SCIENTIFIC ARTICLES IN “SCOPUS”, “WEB OF SCIENCE” IS CONTRADICTED TO THE CONSTITUTION AND LAWS OF THE KYRGYZ REPUBLIC

Abstract. The author, based on an analysis of the draft regulations of the National Attestation Commission under the President of the Kyrgyz Republic on the procedure for conferring academic titles and degrees, comes to the conclusion that they are unconstitutional, illegal, unreasonable, inconsistent with the international obligations of Kyrgyzstan in the field of integration into

* **Иманкулов Тимур Иманкулович**, доктор юридических наук, доцент, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика.

Imankulov Timur Imankulovich, Doctor of Law, Associate Professor, Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan.

the EAEU, discrimination against Kyrgyz jurisprudence and proposes to unify the requirements for applicants academic degrees and titles in the Kyrgyz Republic by analogy with Russia and Belarus.

Key words: *public discussion, justification certificate, National Attestation Commission under the President of the Kyrgyz Republic, "Scopus", "Web of Science", constitution, artificial monopoly, restriction of competition, discrimination, indexing, registration, media, RISC, Bulletin of KNU named after Zh. Balasagyn.*

В августе 2023 г. Национальная аттестационная комиссия при Президенте Кыргызской Республики (далее – НАК) вновь решила поменять положения о присвоении ученых званий, о присуждении ученых степеней, о диссодете, об экспертном совете и в этой связи разместила на сайте общественного обсуждения [1] соответствующие проекты нормативных правовых актов в виде проекта Указа Президента Кыргызской Республики «О внесении изменений в Указ Президента Кыргызской Республики “О вопросах Национальной аттестационной комиссии при Президенте Кыргызской Республики”» от 18 января 2022 г. УП № 12.

Единственным обоснованием в справке-обосновании необходимости внесения изменений была фраза «наука не стоит на месте». Я сразу удивился некомпетентности НАК, ведь есть же не мной придуманные, а законодательно установленные требования к такому архиважному документу как справка-обоснование, и эти требования не являются секретными, они в открытом доступе: согласно ст. 25 Закона Кыргызской Республики «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» от 20 июля 2009 г. № 241 (в редакции Законов КР от 13 мая 2011 г. № 23, 7 декабря 2012 г. № 195, 14 февраля 2013 г. № 17, 19 февраля 2013 г. № 22, 22 февраля 2013 г. № 30, 11 июля 2013 г. № 131, 18 февраля 2014 г. № 35, 14 марта 2014 г. № 47, 7 июля 2014 г. № 112, 29 декабря 2016 г. № 224, 20 июля 2017 г. № 137, 8 августа 2019 г. № 115, 3 апреля 2020 г. № 33) справка-обоснование проекта нормативного правового акта должна содержать следующие сведения:

цели и задачи, которые предположительно будут достигнуты или решены в результате принятия нормативного правового акта;

анализ нормативной правовой базы, действующей на момент разработки проекта нормативного правового акта, сведения о мониторинге и оценке законодательства, действующего в данной сфере общественных отношений;

прогнозы возможных социальных, экономических, правовых, правозащитных, гендерных, экологических, коррупционных последствий действия принимаемого нормативного правового акта;

информация о результатах общественного обсуждения в случае, когда оно должно быть проведено;

анализ соответствия проекта нормативного правового акта законодательству;

результаты консультаций и обсуждений с соответствующими ассоциациями, союзами органов местного самоуправления, если проект нормативного правового акта непосредственно затрагивает интересы местных сообществ и органов местного самоуправления;

наличие источников его финансирования (в редакции Законов КР от 18 февраля 2014 г. № 35, 8 августа 2019 г. № 115) [2].

Однако НАК пишет в ней: «Внесение изменений и дополнений в Положения вызвана тем, что наука не стоит на месте, она прогрессирует и должна соответствовать новым условиям развития общества». Принятие данного проекта Указа негативных социальных, экономических, правовых, правозащитных, гендерных, экологических, коррупционных последствий не повлечет.

Представленный проект не противоречит нормам действующего законодательства, а также вступившим в установленном порядке в силу международным договорам, участницей которых является Кыргызская Республика».

На сегодня передо мной встала заведомо невыполнимая для меня, как кабальная сделка, говоря языком Гражданского кодекса КР, проблема получения ученого звания профессора, так как по действующим нормативным правовым актам Кыргызской Республики я его никогда не получу.

НАК с 9 марта 2020 г. ввела обязательное требование о публикации одной статьи в журналах, индексируемых иностранными западными частными транснациональными корпорациями Scopus, Web of Science, для лиц, которые хотят стать докторами наук или профессорами, а на сегодня (с 8 августа 2023 г.) НАК КР

разработала новые проекты положений о присуждении ученых степеней, ученых званий, о диссовете, экспертном совете, где обязательным требованием к лицам, претендующим на соискание ученых степеней не только доктора наук и профессора, но даже кандидата наук и доцента, ставится публикация статей в изданиях, индексируемых иностранными западными частными транснациональными корпорациями Scopus, Web of Science. Для профессора и доктора наук – не менее 2 статей, для кандидата и доцента – не менее 1 статьи.

Во-первых, это нарушение конституционного принципа языка, так как это журналы иностранные. Западные. Там публикуют свои статьи на английском языке. У нас по Конституции Кыргызской Республики 2021 г. (ст. 13) два языка – государственный и официальный. Английский язык не предусмотрен. Я, как юрист, все свои статьи о проблемах законодательства в сфере правоохранительных органов Кыргызской Республики всегда публикую на русском языке. И все мои статьи посвящены только анализу проблем законодательства Кыргызской Республики, я никогда не писал и не буду писать про законы Англии, Франции, Латвии, Эстонии, США, потому что я их знать не знаю и не знаю, что там происходит, я там не работал и не жил, слава Богу. Я не знаю английского языка. Я знаю русский и кыргызский. Я счастлив, что я родился и живу в Кыргызстане.

У нас одна беда – коррупция! Ее можно побороть, но только политической волей.

Хотя большинство научных исследований проводится в КР на русском и кыргызском языках, т. е. никаких объективных причин требовать от нас, кыргызских ученых, статей на других языках, кроме тех, которые установлены Конституцией, нет.

Все наши статьи размещаются в системе РИНЦ – российского индекса научного цитирования. И качество статей не страдает от того, что я их не размещаю в каких-то иностранных частных периодических изданиях (хотя я не знаю точно, зарегистрированы ли они как СМИ, т. е. как научные или обычные журналы, на территории иностранных государств), индексируемых Scopus, Web of Science.

Наши проблемы в сфере юриспруденции абсолютно не интересны западным специалистам, потому что у них другой менталитет, другая культура, самое главное – другая экономика, мы не член Европейского союза. Мы – член ЕАЭС. И так, как только в России, Белоруссии и Кыргызстане осталась такая двухуровневая форма подготовки ученых в виде кандидатов и докторов наук, то мы должны придерживаться одной тенденции в унификации законодательства в данной сфере. Чтобы добиться взаимного признания дипломов. Наши граждане в большинстве своем работают именно в России, и поэтому если там наши дипломы ученых будут признаваться, то наши сограждане будут больше там получать зарплаты и сюда больше отправлять. Одни плюсы! Почему их не видит НАК, не понятно.

Взаимного признания дипломов ученых до сих пор нет между Кыргызстаном и Россией! Именно из-за того, что у нас разные требования! Даже в России и Белоруссии нет требований к лицам, претендующим на присуждение ученой степени доктора наук и ученого звания профессора, такого неконституционного, незаконного требования о том, что только при наличии одной или, как НАК предлагает, двух статей, индексируемых в иностранной базе данных Scopus или Web of Science, хотя уровень российских и белорусских докторов юридических наук намного выше, чем наших. Потому что у нас НАК КР не всю диссертацию проверяет на плагиат, а только то, что ему вздумается. А это коррупция, потому что в Указе Президента КР 2022 г. написано, что всю диссертацию надо проверять!

Нашему Президенту КР Жапарову С.Н. эту информацию не докладывают! От него это скрывают люди, которые заинтересованы в том, чтобы правовые нормы имели коррупциогенные свойства, а НАК имела дискреционные полномочия.

Ни в Белоруссии, ни в России близко нет такого необоснованного требования, чтобы ученые этих стран публиковали свои научные статьи в иностранных якобы журналах, как это сделала НАК!

Более того, почему, если НАК вносит Президенту КР на утверждение такие требования для профессоров, докторов, канди-

датов, доцентов, она не добилаь того, чтобы в Кыргызстане хотя бы один журнал индексировался Scopus, Web of Science?!!

Ни один журнал в КР не индексируется ими!

Как НАК вводит такое требование, если оно заведомо невыполнимо для Кыргызстана как для государства? Это своего рода кабальная сделка по Гражданскому кодексу, которая сразу признается ничтожной.

На сегодня в Кыргызской Республике нет ни одного журнала, индексировемого этими западными частными ТНК Scopus, Web of Science!

НАК сформировала перечень журналов 2022 г., и там под номером 1 указан журнал HEART, VESSELS AND TRANSPLANTATION. В перечне НАК указано, что этот журнал – единственный в КР, который индексируется Scopus. Это служебный подлог. Так он никогда ими не индексировался и не индексируется на сегодня! Это легко проверяется по базе РИНЦ: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48361451>.

Я несколько раз об этом сообщал правоохранительным органам Кыргызской Республики, но оценки нет до сих пор. Согласно РИНЦ этот журнал не входит ни в Scopus, ни в Web of Science, ни тем более в ядро РИНЦ! По моему мнению, здесь могут быть обнаружены квалифицирующие признаки служебного подлога, которые не должны остаться без внимания.

Во-вторых, надо проверить, а сколько у самой Тыналиевой Б.К., председателя НАК, статей в Scopus или Web of Science? Ответ: ни одной!

Как председатель НАК, не имея ни одной статьи ни в Scopus, ни в Web of Science, требует от других таких «высоких» показателей публикационной активности? Если у руководителя НАК нет ни одной статьи ни в Scopus, ни в Web of Science, он сам имеет право занимать такую ответственность должность – фактически министра науки КР?

Даже депутаты ЖК, когда принимают новую Конституцию КР, сразу уходят в отставку, так как у них меняется набор полномочий. Президенты КР назначали новые выборы при смене конституций (вспомните Акаева, Бакиева в 2009 г.), а почему председатель НАК, когда меняет требования к соискателям звания профес-

сора и степени доктор наук, не уходит в отставку? Она сама не соответствует разработанным ею же самой требованиям, предъявляемым к доктору наук и профессору.

НАК без всякой необходимости через год после утверждения новых положений НАК по ученым степеням и званиям увеличивает в 2 раза количественное требование по статьям для докторов наук и профессоров – не менее 2 статей в Scopus или в Web of Science, а также вводит требование публикации 1 статьи Scopus или в Web of Science для кандидатов наук и доцентов. Зачем? В справке-обосновании НАК указала лишь одно обоснование необходимости этого: наука не стоит на месте. Ну какое же это обоснование?

Поэтому необходимо для защиты Конституции в части государственного и официального языков, для защиты ученых КР от того, чтобы мы не платили тысячи долларов иностранным якобы сетевым журналам сомнительного содержания (мусорным, хищническим), чтобы данные проекты НПА НАК не были подписаны, потому что до 9 марта 2020 г. было требование по РИНЦ, а Scopus, Web of Science были альтернативой (для тех, кто ведет научные исследования на английском, немецком, французском языках, или для людей, у кого есть лишние деньги). И был выбор: кто пишет исследования на русском, кыргызском языках – РИНЦ, кто на иностранных – то Scopus, Web of Science!

Второе нарушение – это то, что публиковать статьи для получения ученого звания профессора надо только в журналах, которые индексируются иностранными фирмами Scopus, Web of Science. А почему на сегодня по нынешнему положению и по предлагаемому НАК проекту только этими иностранными фирмами, ведь есть еще много других фирм: Crossref, Ulrich's Periodicals Directory, AGRIS, GeoRef, Chemical Abstracts Service, CAS, фонды Всероссийского института научной и технической информации (ВИНИТИ РАН), eLIBRARY.RU (РИНЦ), ЭБС IPRbooks, ЭБС «Лань», ЭБС Znanium.com, «КиберЛенинка», ICI Journals Master List database ICV 2020 = 98.14, ACADEMIA, Google Scholar, ZENODO, AcademicKeys (межуниверситетская библиотечная система), Polish Scholarly Bibliography (PBN), индексируется в РИНЦ, EuroPub, Semantic Scholar, Open Ukrainian Citation Index (OUCI);

систем индексирования; баз данных, наукометрических систем. Почему НАК КР искусственно создает монополию для двух субъектов коммерческой деятельности за рубежом без проведения тендера? Это же нарушение закона КР «О конкуренции» и Закона КР «О государственных закупках»!

Тем более, я еще раз повторяю, что на сегодня в Кыргызской Республике нет ни одного научного издания, журнала, который бы индексировался этими двумя частными западными фирмами. Почему не был проведен тендер НАК? Как и не был проведен тендер на оказание услуг по программе «Антиплагиат»? А как же Закон КР «О государственных закупках»?

Третье нарушение. Почему НАК не обеспечила того, чтобы на территории КР были зарегистрированы филиалы и представительства журналов, которые индексируются иностранными фирмами Scopus, Web of Science? Это же нарушение Закона Кыргызской Республики «О государственной регистрации юридических лиц, филиалов (представительств)» от 20 февраля 2009 г. № 57. Они тогда и с НАК должны заключить какие-то договоры. Но их нет даже близко!

Более того, эти журналы берут большие деньги за опубликование этих статей – от 1 до 3 тысяч долларов США, и берут они эти деньги без составления соответствующих документов. То есть фактически наши граждане – соискатели ученых званий профессора и ученых степеней доктора наук и кандидата наук (так как НАК предлагает и для кандидатов наук ввести обязательное наличие статьи в журналах, индексируемых иностранными фирмами Scopus, Web of Science) перечисляют и сегодня свои кровные деньги иностранным экономикам, это какой-то, мягко говоря, негосударственный подход, чтобы наши отечественные ученые обогащали экономики иностранных государств!

Вот такая политика НАК на сегодня!

Когда, не создав ни одного журнала в нашей республике, который бы индексировался бы иностранными фирмами Scopus, Web of Science, НАК требует, чтобы мы отдавали огромные деньги без составления документов о перечислении этих денег за публикации своих статей. А как же уплата налогов, регистрация в Минюсте как СМИ, журналы – это же вид СМИ согласно ст. 1 Закона

Кыргызской Республики «О средствах массовой информации» от 2 июля 1992 г. № 938-ХП! А как узнать тогда, является ли тот или иной интернет-сайт иностранный научным периодическим изданием? Куда обращаться? Это же НАК должен проверять? Все эти журналы должны быть как СМИ зарегистрированы в Минюсте КР согласно Закону о СМИ, в Минкульте.

Хотя статьи должны быть бесплатными, так как мы же вносим вклад в развитие науки. Моя зарплата в КНУ составляет на сегодня 40 тысяч рублей в месяц в переводе на рубли российские. Притом, что у меня на иждивении находятся трое малолетних детей и супруга, которая смотрит за двумя из них – 4 года и 1 годик. Не работает. Других источников дохода у меня нет. Откуда у меня тысячи долларов для того, чтобы перечислять их в иностранные журналы? И для чего? Когда можно в КР создать нормальные журналы или, если проявить государственный патриотический подход, повышать качество имеющихся журналов наших государственных вузов, а также в РИНЦ это все публиковать, как это было до 9 марта 2020 г. Можно не изобретать велосипед, а дальше продолжать использовать РИНЦ России для оценки качества публикаций ученых, их публикационной активности! В чем проблема? Бесплатно пользоваться российскими наработками, тем более что в РИНЦ зарегистрированы все ученые КР, которые хоть мало-мальски сами пишут свои научные статьи. Тем более у нас по Конституции русский язык является официальным. Мы – член ЕАЭС. Никаких нарушений нет. Это же наоборот, надо спасибо сказать российским коллегам, что благодаря их наработкам мы имеем возможность размещать все свои научные статьи за доступную плату (2500 рублей в «Бюллетене науки и практики», РФ) в РИНЦ – национальной библиографической базе данных научного цитирования, аккумулирующей более 12 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Это мощный аналитический инструмент, позволяющий осуществлять оценку результативности и эффективности деятельности научно-исследовательских организаций, ученых, уровня научных журналов и т. д., потому что нам повезло, что у нас есть русский язык.

Президент Кыргызской Республики Жапаров С.Н. обязал Министерство образования и науки КР печатать в государственной типографии «Учкун» все учебники для школ Кыргызской Республики, чтобы миллионы сомов не разворовывались иностранными компаниями и Минобразом, как это было при бывших президентах КР – Атамбаеве и Жээнбекове! И паспорта тоже, и национальную валюту. Потому что мы – суверенное государство и у нас все должно быть свое!

Вот это государственный подход!

А то, что сегодня творит НАК, – это далеко не государственный подход! Чтобы все наши кровные деньги уходили на развитие зарубежных сомнительных псевдожурналов не на государственном или официальном языке по нашей Конституции, а на непонятно каких! Поэтому НАК присудил позорно низкие 6 баллов за статью в «Вестнике КНУ» – журнале главного вуза страны (по аналогии с МГУ им. М.В. Ломоносова), а за публикацию в Scopus и Web of Science – 40 и 50 баллов. И только в них засчитываются статьи на профессора и доктора наук. Если в них статей нет, не имеешь права получить профессора или доктора наук. Печатный орган главного вуза страны по градации НАК имеет 6 баллов. Мой вуз, КНУ, – аналог московского МГУ, а иностранным Scopus, Web of Science НАК дал от 40 до 50 баллов. Поэтому серьезные люди не публикуются в «Вестнике КНУ». Поэтому он медленно умирает. У него нет никакого авторитета. «Вестник КНУ» опущен НАК ниже плинтуса! Позорные 6 баллов для «Вестника» главного вуза страны. Я расцениваю это как диверсию и вредительство. Почему тогда НАК и МОиН не принимают мер, чтобы «Вестник КНУ» должным образом оснастить материально, кадрово? Потому что им не хочется работать, это очень трудно. Лучше «отправить» всех ученых «за рубеж». А в это время главный местный и единственный журнал главного вуза страны умирает.

Четвертое нарушение. Когда направляешь по электронной почте в иностранный журнал статью, то редакция этого иностранного журнала не связана требованиями законов КР «О порядке рассмотрения обращений граждан», и она годами может просто не отвечать тебе, хотя по нашему закону о порядке рассмотрения обращений граждан это должно рассматриваться не более 14 рабочих

дней! А куда на них жаловаться? В прокуратуру иностранного государства? Для этого надо нанимать оттуда адвоката, переводчика, это еще как минимум 2 тысячи долларов. Это же абсурд. Вот почему в справке-обосновании к проекту Указа Президента КР НАК КР обязательно должен быть проведен анализ регулятивного воздействия (АРВ), так как публикация статей идет всегда платная, то есть это касается предпринимательской деятельности, создания искусственной монополии НАК КР в угоду частным иностранным фирмам-монстрам Scopus, Web of Science, без тендера, без регистрации их филиалов и представительств в КР, в нарушение Закона «О СМИ», Налогового, Гражданского кодексов КР. Ни в России, ни в Беларуси такого требования нет! Потому что их ВАКи уважает свою Конституцию! И почему молчат все ученые?

Я из принципа никогда не буду публиковать свои статьи в Scopus, Web of Science и свои кровные деньги не буду платить! Мы должны работать на интересы Кыргызской Республики, а не иностранных сомнительных мусорных хищнических журналов, и надо так писать НПА КР, чтобы стимулировать нас, ученых КР, писать учебные пособия и за это получать ученые звания, а не за плату в иностранные экономики.

Источники и литература

1. Сайт общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. – URL: <http://koomtalkuu.gov.kg/ru/view-npa/2932> (дата обращения: 09.10.2023).

2. О нормативных правовых актах Кыргызской Республики : закон Кыргызской Республики от 20 июля 2009 года № 241 (В редакции Законов КР от 13 мая 2011 года № 23, 7 декабря 2012 года № 195, 14 февраля 2013 года № 17, 19 февраля 2013 года № 22, 22 февраля 2013 года № 30, 11 июля 2013 года № 131, 18 февраля 2014 года № 35, 14 марта 2014 года № 47, 7 июля 2014 года № 112, 29 декабря 2016 года № 224, 20 июля 2017 года № 137, 8 августа 2019 года № 115, 3 апреля 2020 года № 33) [Электронный ресурс]. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202591> (дата обращения: 09.10.2023).

III. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ

*Виктория Вячеславовна Ярыгина**

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_184

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО» И «СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО»

Аннотация. Рассматриваются вопросы, касающиеся содержания и соотношения таких категорий, как «социальное государство» и «правовое государство». Отмечается, что обе теоретические конструкции имеют как общее, так и различия в признаках, сущности и формах реализации. На основе проведенного анализа делается вывод о формировании еще одной теоретической конструкции – «социально-правовое государство», которая представляет собой наиболее оптимальную форму взаимосвязи государства и общества.

Ключевые слова: правовое государство, социальное государство, социально-правовое государство, гражданское общество, социальная функция государства, права человека, верховенство права.

* **Ярыгина Виктория Вячеславовна**, студент 1-го курса факультета истории и права (уровень бакалавриата), Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета, г. Новокузнецк, Россия.

Научный руководитель: **Горбуль Юлия Александровна**, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Новокузнецк, Россия.

Yarygina Victoria Vyacheslavovna, 1st Year Student of the Faculty of History and Law (Bachelor's Level) Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russia.

Scientific curator: **Gorbul Yulia Alexandrovna**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russia.

TO THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF «THE RULE OF LAW STATE» AND «THE SOCIAL STATE»

***Abstract.** The article deals with the issues related to the content and relationship of such categories as «social state» and «legal state». It is noted that both of these theoretical constructions have both common and different features, essence and forms of implementation. On the basis of the conducted analysis, the conclusion is made about the formation of another theoretical structure - a socio-legal state, which is the most optimal form of relationship between the state and society.*

***Key words:** legal state, social state, socio-legal state, civil society, social function of state, human rights, rule of law.*

В настоящее время в науке о государстве и праве сохраняют свою актуальность вопросы о том, что такое правовое государство и социальное государство, каковы их основные признаки, в чем их отличие и сходство. Один из наиболее интересующих правоведов вопросов касается соотношения этих двух понятий, а именно: может ли правовое государство одновременно являться социальным?

Правовое государство представляет многоэтапное и постоянно развивающееся явление. В определенных стадиях общественного прогресса оно может приобретать все новые свойства и в зависимости от уровня развития общества дополняться новыми критериями. Главный фактор существования такого государства – это неотъемлемая связь с правом.

В целом в юридической науке сложилось достаточно устойчивое понимание сущности правового государства. Правовое государство – это государство, в котором обеспечивается верховенство закона, политическая власть существует на основании главенства и всеобщности, а в основе ее организации положен принцип разделения властей, гарантируются права и свободы человека, обеспечивается равенство всех перед законом и судом. Такое государство выступает мерой свободы всего общества, право в нем играет главную роль, а его реализация является мерой справедливости и равенства ко всему народу.

Что же касается выделения признаков, присущих правому государству, то в данном вопросе нет единого мнения. Так, характеризуя правовое государство, А.Н. Соколов показывает наличие у правового государства таких признаков, как: гарантии свободы личности по отношению к государству, правовое равенство, правовая безопасность в отношениях с государством, институциональное разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную [9, с. 11–12].

В.А. Виноградовым большой упор делается на взаимосвязь гражданского общества с государством, и правовое государство им определяется как «государство, которое осуществляет государственную власть только на основе конституции и законов, которые формально и материально соответствуют конституции и имеют целью защиту человека, свободы, справедливости и юридической безопасности, а также гарантируют юридическую возможность оспаривания в соответствующем суде правовых актов или действий государственных органов и должностных лиц, нарушающих права и свободы граждан» [7, с. 30].

Обобщив позиции различных авторов по вопросу о признаках правового государства, можно выделить те из них, на которые обращают внимание практически все авторы. К таким характеристикам относятся: верховенство права во всех сферах государственной и общественной жизни; наивысший закон – конституция, в которой закреплены основные права, свободы и обязанности граждан, и все законы и нормативно-правовые акты должны ей соответствовать; закон равен для всех и перед ним несут равную ответственность органы государственной власти, должностные лица, организации, предприятия и граждане; закон справедлив, понятен, общедоступен, эффективен и общеобязателен к исполнению для всех; признание, обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина; обеспечение государством социально-экономических условий существования граждан, правовой защиты и юридических гарантий на их реализацию; взаимная ответственность государства и личности; высокий уровень доверия граждан к праву и деятельности государства; принцип разделения властей; эффективное функционирование государственного аппарата; принцип доверия к закону и действиям публичной власти (п. 1.2) [4].

Не менее многогранным является понятие «социальное государство», вследствие чего ученым также не удалось прийти к единому мнению по данному вопросу. Но, несмотря на разницу трактовок понятия «социальное государство», все авторы сходятся в том, что его главная задача – достижение общественного развития, которое основывается на принципах всеобщей социальной справедливости, солидарности и взаимной ответственности государства и общества. Социальное государство призвано помогать слабым, незащищенным слоям, влиять на распределение экономических благ, основываясь на принципе справедливости, для того чтобы обеспечить каждому достойное существование.

По мнению С.А. Комарова «Правовое государство — это не только одна из высших социальных ценностей, призванных утвердить гуманистические начала в его взаимоотношениях с личностью, но и практический инструмент обеспечения и защиты жизни, здоровья, чести, свободы, достоинства личности, средство борьбы с бюрократией, местничеством и ведомственностью, форма осуществления самоуправления и народовластия» [5, с. 255]. Чем не социальное государство?

По мнению В.П. Петрова, «социальное государство – это организационная форма деятельности общества, возникшая в XX веке в высокоразвитых индустриальных странах, имеющих развитую и прочную политическую систему, способную обеспечить достойную жизнь и социально-правовую защиту своих граждан» [8, с. 5].

Действительно, к главным признакам социального государства относят обеспечение достойной жизни граждан и создание условий для свободного развития человека. Эти признаки являются определяющими в характеристике Российского социального государства, о чем сказано в Основном Законе Российской Федерации (ст. 7 Конституции РФ) [1; 6]. Реализация социальной функции связана с осуществлением специфических направлений деятельности государства, к которым, в частности, относятся: сглаживание социального неравенства; поддержка категорий населения, имеющих низкий уровень социальной защищенности; охрана труда и борьба с безработицей; поддержка семьи, материнства, отцовства и детства; охрана здоровья людей и пр. [2, с. 4].

Таким образом, в социальном государстве публичная власть гарантирует населению выполнение своих социальных обязательств, при их несоблюдении отвечает за них в соответствии с законодательством. Государство предоставляет различные социальные программы и услуги, которые направлены на обеспечение основных потребностей граждан, такие как: устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия. Это позволяет гражданам иметь доступ к основным услугам, предоставленным государством, чтобы жить достойной жизнью.

Исходя из вышеизложенного, следует заключить, что понятия «социальное государство» и «правовое государство» имеют ряд общих признаков: стремление к справедливости, равенству и защите прав граждан, верховенство закона, признание личности центром становления государственной целостности, стабильности и будущего государственного развития.

Сходство рассматриваемых категорий состоит также в том, что обе они призваны обеспечивать благосостояние личности. Правовое государство призвано обеспечить безопасность граждан на основании законов по отношению и к власти, и к друг к другу. Социальное государство гарантирует социальную безопасность, создает материальные условия достойного существования каждого человека.

Однако анализируемые категории не являются тождественными. Ключевое отличие между ними заключается в следующем: правовое государство сосредоточено на защите прав и свобод человека, оно защищает личную свободу, гражданские и политические права граждан страны, делая опору на закон, а социальное государство ставит акцент на решении социальных вопросов, защищая социальные права и свободы, обеспечивает социальное равенство.

Кроме того, правовое государство не должно вмешиваться в вопросы, касающиеся обеспечения материального и культурного благосостояния граждан, если они не противоречат законодательству; социальное же государство должно стремиться не нарушать

основы рыночного механизма, таких как частная собственность и конкуренция, предоставляя возможность личности свободно развиваться.

Социальное государство обеспечивает социальную защищенность граждан, создает условия по улучшению в части материальной и культурной жизнедеятельности. Правовое государство создает условия безопасного физического существования граждан, основу для последующей реализации социальных и иных функций.

Но может ли социальное государство одновременно являться правовым? Казалось бы, эти два понятия несовместимы. Об этом ведут дискуссии многие ученые. При этом указанные теоретические конструкции существуют в единстве, так как в соответствии с Конституцией РФ наше государство характеризуется и как правовое (1 ст. Конституции РФ), и как социальное (ст. 7 Конституции РФ) [1; 6].

О противоречии этих понятий говорит Э.Р. Чернова: «Правовое государство по своей природе не может и не должно вторгаться в сферу распределения общественных благ, решения организационных проблем по обеспечению материального и культурного благополучия граждан. Социальное государство, напротив, вынуждено непосредственно заниматься этими проблемами, что, собственно говоря, не вполне согласуется с правилами игры, диктуемыми рыночной системой хозяйства» [10, с. 3–4].

В то же время нельзя не согласиться с В.А. Четверниним, по словам которого «не бывает просто социального государства. Социальным может стать только уже правовое государство, т.е. такое, в котором механизмы господства права уже развиты настолько, что они способны удержать “перераспределительный произвол” власти в жестких рамках, не дать социальному началу государственности навредить ее правовому началу. Возможно лишь социальное правовое государство, в котором допускается не вредное для правового начала уравнильное социальное регулирование» [11, с. 26-27].

В целях разрешения обозначенных противоречий в науке сформировалось понятие социально-правового государства: это конституционная система правовых и политических институтов, реально обеспечивающих суверенные права народа и международ-

но признанные права человека, баланс интересов всех социальных групп, личности и общества на основе господства права [3, с. 47].

Действительно, для существования такого государства нужен баланс взаимоотношений между гражданским обществом и правом, ведь правовая система играет ключевую роль в социальном правовом государстве. Правовая система гарантирует равенство граждан перед законом, создание равных возможностей для всех слоев населения с целью защиты своих прав, обеспечивая справедливость в применении закона и вынесении наказания за его нарушение. Такая система регулирует отношения между работодателями и работниками, что немаловажно для развития социальной стороны социального правового государства, защищает права потребителей, борется с коррупцией и обеспечивает социальную защиту тех социальных групп, которые являются наиболее уязвимыми.

Следовательно, социальное государство и правовое государство существуют в единстве, образуя социально-правовое государство. Социально-правовое государство подразумевает воплощение в себе: принципа верховенства права как ведущего в правовом государстве, здесь права, свободы, ответственность человека защищены конституцией, институты политической системы общества легализованы, и принцип социальной справедливости как ведущий в социальном государстве соблюдается, здесь делается упор на достойное развитие жизни гражданского общества. Такое государство способно защитить граждан от посягательств на их социальные права.

Правое государство делает опору на защиту прав и свобод человека, основываясь на законе, а социальное государство делает акценты на решении социальных вопросов, обеспечивая социальное равенство. В социальном правовом государстве индивид считается независимым субъектом, самостоятельно держащим ответ и несущим ответственность за последствия собственной социальной активности. Государство в свою очередь гарантирует ему минимальный объем данных ему социальных благ, чтобы гарантии данному ему минимума не приносили вред гарантиям свободы и безопасности.

Таким образом, социально-правовое государство – наивысшая степень совершенной системы взаимосвязи государства с об-

ществом. В таком государстве признание, соблюдение и защита жизненно важных для каждого гражданина прав – социальных и правовых, основанных на законе, – являются главным условием его существования. В нем функционирует развитое гражданское общество, которое может контролировать властные структуры, в нем существуют разработанные программы материального, социально-политического, культурного и иного благополучия жизни населения. Социально-правовое государство – новое, трансформируемое явление, где его социальный характер и правовая основа являются основой создания прочной страны.

Источники и литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 19.01.2024).

2. Горбуль Ю.А., Еремина О.Ю. Государственная поддержка семей с детьми – ядро социальной функции государства // Сибирский юридический вестник. – 2021. – № 3. – С. 3–8.

3. Дробязко С.Г. Социальное правовое государство и государство вообще (к вопросу об определении) // Веснік Беларус. дзярж. ун-та. – 1996. – Сер. 3. – № 2. – С. 45–48.

4. Информация «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2020 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 17.12.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374913/cca6beb9a0f8834d0c6f9253f429c90fdc115ba2 (дата обращения 19.01.2024).

5. Комаров, С. А. Общая теория государства и права : учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.

6. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. С.А. Комарова. – М. : Юрайт, 2022. – 343 с.

7. Основы конституционного строя России: двадцать лет развития / Под ред. А. Н. Медушевского. – М. : Институт права и публичной политики, 2013. – 359 с.

8. *Петров В.П.* Основы социального государства : учеб. пособие / В.П. Петров, В.Э. Семёнова, К.А. Шкенеv; Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. – Н.Новгород : ННГАСУ, 2016 – 283 с.

9. *Соколов А.Н.* Правовое государство: от идеи до её материализации: монография. – Калининград : Янтарный сказ, 2002. – 456 с.

10. *Чернова Э.Р.* Проблемы соотношения правового и социального государства // E-Scio. – 2021. – № 8 (59). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sootnosheniya-pravovogo-i-sotsialnogo-gosudarstva/viewer> (дата обращения 17.01.2024).

11. *Четвернин В.А.* Проблемный комментарий Конституции // https://vk.com/doc80515219_525892168?hash=PN1b0OURXOTtaOkkApDI4zfyKcbKSaxtAo3F0mCBmHw&dl=4lsmw4cYG4EauLf9cJZRZ6WLWeD2mB38ZHppqZWeGDDX

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_192

**СООТНОШЕНИЕ ОСНОВАНИЙ ПРАВА: ИДЕИ СВОБОДЫ,
СПРАВЕДЛИВОСТИ, ФОРМАЛЬНОГО РАВЕНСТВА,
ЗАКОННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ И ПОРЯДКА
В ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются основные принципы и идеи права, а также его роль в обществе с точки зрения естественно-правовой концепции. Затрагиваются вопросы возможных проблем при чрезмерной теоретизации этой концепции и ее значимости для теоретической юриспруденции.

Ключевые слова: естественное право, идея свободы, справедливость, формальное равенство, законное принуждение, порядок, правопонимание, личность.

**THE CORRELATION OF THE FOUNDATIONS OF LAW:
IDEAS OF LIBERTY, JUSTICE, FORMAL EQUALITY,
LAWFUL COMPULSION AND ORDER
IN A NATURAL LAW CONCEPT**

Abstract. The article discusses the main principles and ideas of law, as well as its role in society from the perspective of natural law. It addresses the

* **Соколов Михаил Евгеньевич**, студент 1-го курса (уровень бакалавриата), Юридический институт Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королёва, г. Самара, Россия.

Научный руководитель: **Спирин Михаил Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент, Юридический институт Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королёва, г. Самара, Россия. **Sokolov Mikhail Evgenievich**, 1st Year Student (Bachelor's Level) Law Institute of Named After S.P. Korolyov Samara National Research University, Samara, Russia.

Scientific supervisor: **Spirin Mikhail Yurievich**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Law Institute of Named After S.P. Korolyov Samara National Research University, Samara, Russia.

issues of possible challenges in excessive theorization of this concept and its importance for theoretical jurisprudence.

Key words: *natural law, idea of liberty, formal equality, lawful compulsion, order, theories of law, personality.*

В современном научном сообществе активно обсуждаются вопросы, связанные с пониманием права. Философский анализ теорий права представляет собой одно из главных направлений в этой области, поскольку он позволяет осмыслить источники и фундаментальные принципы права с разных сторон. При этом сложность такого исследования характеризуется обилием литературы и отсутствием четких и общепринятых основ для осмысления фундаментальных концепций правопонимания, что может привести к путанице и затруднениям в развитии новых концепций. В результате многие исследователи продолжают обращаться к работам своих предшественников, не замечая возможных изменений и новых взглядов, возникающих в современных условиях и научных дискуссиях.

Ученые сошлись во мнении, что право основывается на идеях свободы, справедливости, формального равенства, законности и порядка. Соотношение этих оснований в обществе поможет решить многие теоретические вопросы, такие как роль человека в обществе, значение государства, мера свободы и т. д. В данном случае на основании указанных критериев исследуется естественно-правовой тип правопонимания [2].

Необходимость типологизации существующих воззрений на концепции правопонимания признается многими учеными. В частности, в работе «Сущность и содержание правопонимания» А.В. Скоробогатов относит естественно-правовой тип к **«классическому**, объединяющему взгляды, ориентированные на познание и объяснение права с помощью одной “правильной” теории» [5, с. 53–54]. Такая характеристика позволяет нам сузить область изучения темы и рассмотреть проблему диалектически.

Подход естественно-правового типа объединяет идеи о различии между естественным и позитивным правом. Первое считается абсолютным ценностным понятием, существующим независимо от государства, общества и сознания человека. Оно определяет справедливость человеческого (позитивного) закона.

С.А. Комаров справедливо пишет, что «Теория естественного права (Г. Гроций, Дж. Локк, Д. Дидро, Ж.- Ж. Руссо, П. Гольбах, А. Н. Радищев и другие) получила свое позитивное развитие в период буржуазных революций, направленных против феодализма и беззакония. ... Возрождение естественного права всегда имеет место там, где речь идет о демократическом переустройстве общества, возрождении идеи свободной личности, когда формируется правовое государство» [3, с. 81].

Одним из главных элементов естественно-правовой концепции является личность. Как утверждает В.В. Шафиров, «право невозможно без появления автономной личности, для которой свобода – это естественная потребность, неперемное условие существования с себе подобными» [7, с. 45]. Таким образом, подразумевается, что человек по мере формирования личности осознает наличие естественных прав и желает их реализовать. Естественными правами являются: право на жизнь, право на стремление к счастью, право на свободу, право частной собственности.

Идея свободы является главенствующим элементом, определяющим сущность права. «По своему содержанию право входит в общественную жизнь вместе с формирующейся автономной личностью и в этом смысле исторически уже имеется, выступает как данное в виде фактически сложившейся определённой меры свободы – совокупности прав и свобод личности» [7, с. 51]. То есть по мере развития личности каждый человек осознаёт, что он для реализации своей личности должен быть свободным. Это связано с идеей, что свобода одного зависит от свободы других.

Следует понимать, что свобода по этому типу правопонимания – понятие объективное, независимое от государства. Государство гарантирует и защищает права и свободы посредством своей силы. В ином случае, если правительство не будет в законах соблюдать естественные права, оно будет обвинено в произволе. Одним из институтов, который призван для выражения свободы, независимости граждан от своего правительства, является гражданское общество. «Это общество осознаёт свои права, свободы, обязанности, ответственность... В нем все глубже распространяется понимание того, что право – это атрибут, черта общества. Оно возникает и существует как необходимость его развития, как одно из

условий, факторов его самореализации и ограничения власти государства» [4, с. 19]. Выражая свою волю, ведя обособленную деятельность, граждане ощущают возможность реализации субъективной свободы. Характеризуя гражданское общество, В.К. Бабаев приходит к выводу о том, что важным правом в обществе является право на объединение. Объединения необходимы для общества, которое возможно в условиях сохранения экономической свободы. Рынок возможен только при наличии простейших субъектов, защищенных от неправового государства и диктата поставщика [6, с. 158]. Из вышесказанного можно сделать вывод, что государство должно выражать в своих законах свободу для лучшего функционирования государственного аппарата и экономической системы.

Идея справедливости. В философском смысле, по верному замечанию В.К. Бабаева, «справедливым следует считать то, что служит благу человека, не ущемляет интересы других людей, не наносит вреда обществу. Если брать внешнее проявление человека – его поведение, то справедливым будет такое поведение, которое отвечает критериям справедливости в обществе» [6, с. 200]. Из этого можно сделать вывод, что мерой справедливости в обществе являются общепринятые нормы, несоблюдение которых приведет к несправедливости. Но тогда возникает вопрос о положении справедливости в праве. Многие ученые придерживаются в этом случае нормативистской оценки, относя справедливость к принципам права.

Будучи закрепленным в законах, данный принцип становится формализованным и защищенным от интерпретаций. Закон должен конкретизировать критерии справедливости, чтобы субъектам было проще их соблюдать. Таким образом, справедливость – не что-то внешнее по отношению к праву, а, по верному замечанию В.С. Нерсисянца, «... входит в понятие права ... право по определению справедливо, а справедливость – внутреннее свойство права и качество права...» [4, с. 37]. Однако важно понимать, что согласно естественно-правовой концепции закон не тождественен праву, соответственно, норма, которая будет противоречить естественным правам человека, становится неправовой, а значит – несправедливой.

Само понимание справедливости развивалось с появлением общества, впервые это выразилось в принципе талиона, затем талион сменился принципом равенства всех перед законом, но такая характеристика уместна либо в ранних государствах, где осуществление прав человека на что-либо решалось силой или в демократическом обществе, где права человека защищаются не только государством, но и другими общественными институтами. В обществах, где присутствуют ярко выраженная деспотия и абсолютизм, там, где существует тоталитарный строй, справедливостью будет считаться то, что является волею правителя, так как правитель стоит над правом.

Формальное равенство выражается в том, что общество осознает, что все равны в исполнении своих естественных прав. В.В. Шафиров отмечает, что с развитием общества человечество созревает не только до осознания того, что по природе всякий человек рождается свободным, но и до реализации гуманистической идеи: свободное развитие каждого есть условие свободного развития для всех [7, с. 41]. Закон же формализует это равенство, делая возможным для всех реализацию их естественных прав.

Если рассматривать влияние закона на поведение людей, то можно прийти к выводу, что принцип равного влияния закона на всех как раз и выражает формальное равенство. Однако нужно помнить, что государство с целью защиты порядка наделяет определенных субъектов права дополнительными полномочиями, что ставит их выше среднестатистического гражданина, однако злоупотребление субъекта своими правами приводит к его наказанию, что ставит его в равное положение.

Законное принуждение. Для поддержания всеобщего порядка государство обладает силовым механизмом, который должен быть нацелен на защиту естественных прав человека, выражаемых в законе, используя такие меры воздействия, как убеждение, принуждение и т. д. Необходимо заметить, что не каждое законное принуждение, согласно естественно-правовой теории, является правовым. «Несправедливый закон не создает право» – такова формула, идущая еще от Цицерона. Для того чтобы законное принуждение со стороны государства было справедливым, появляется правовое государство.

Рассмотрев отдельные фундаментальные категории права, мы можем их сопоставить и проанализировать их взаимное влияние. Будучи естественными и объективными категориями, свобода и справедливость составляют основу законодательного процесса, и любой законодатель должен на них опираться в целях развития общества, в обратном случае его можно обвинить в узурпации и произволе.

С целью обеспечения этих основополагающих принципов в конституциях закреплены основные начала, которые гарантируют защиту и формирование гражданского общества и ограничивают государственную власть законом, тем самым делая государство правовым. Именно благодаря этим институтам и принципам обеспечивается равноправие граждан в реализации их личностных свойств и справедливом отношении друг к другу, что закрепляется законодателем в виде законов с целью защиты от произвольной интерпретации. Для обеспечения соблюдения этих принципов государством осуществляется контроль за субъектами права в целях недопущения злоупотребления свободой и нарушений границ свободы по отношению к другим членам общества. Таким образом, общества, основанные на естественно-правовых началах, развиваются по демократическим принципам, согласно которым граждане обладают достаточной свободой в экономической, социальной, культурной и политической жизни, обеспечивая свободное развитие как индивидов, так и общества в целом.

Однако чрезмерное увлечение естественно-правовой догматикой может привести к пагубным последствиям для единства общества. А.В. Аверин указывает: «Для любого общества сомнительной и социально опасной является идея жесткого разграничения и противопоставления права и закона» [1, с. 21], подчеркивая, что это способно повлечь за собой то, «что отдельный индивид по своему субъективному усмотрению может поступать не по действующему праву, а самостоятельно решать, какой из действующих законов правовой, а какой – неправовой» [1, с. 21]. В результате он заключает, что единственным официально-властным инструментом должно быть позитивное право, действующее в данном государстве. Вместе с тем следует осознавать, что многообразие элементов в рамках естественно-правового учения и чрезмерная теоретизация

делают невозможным отражение соответствующих положений в законодательных актах и усложняют осознание естественно-правовых идей для лиц, не имеющих юридического образования, а ведь именно понимание своих прав способствует развитию общества.

Проанализировав естественно-правовую концепцию, можно обозначить ее значение для теоретической юридической науки и практической деятельности. Так, В.К. Бабаев отмечает: «Оно (естественно-правовая концепция) – явление по преимуществу идеологическое, отражающее представления о справедливости, правах человека, иных социальных ценностях. Но эти представления формулируются как правовые требования, обращенные к действующему праву и законодателю» [6, с. 186]. Исходя из этого, основной функцией концепции естественного права является ее доктринальная сущность для составления правовых законов. Развитие данной концепции может способствовать упрочению прав и свобод человека, укреплению демократических основ и уважению многообразия в обществе.

В заключение следует сказать о том, что основные принципы и права, подкрепляемые концепцией естественного права, охватывают неотчуждаемые человеческие права, среди которых – права на свободу, равенство, семью, частную собственность, безопасность и справедливость. Целью любого политического формирования, в особенности государства, должна стать защита этих прав. Само естественное право не представляет собой «юридического права», а скорее выражается через моральные и правовые нормы, демократические идеи и устремления, выступая в качестве необходимой духовной основы для позитивного права. Собственно позитивное право играет значимую роль в реализации этих идей на практике.

Источники и литература

1. *Аверин А.В.* Истина и судебная достоверность. – 2-е изд. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2007. – 466 с.

2. *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов : Изд-во СГАП, 2001. – 416 с.
3. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права : учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.
4. *Нерсесянц В.С.* Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. – М. : Норма, 1998. – 288 с.
5. *Скоробогатов А.В.* Сущность и содержание правопонимания // Учёные записки. Сборник статей Казанского филиала РГУП. – Казань : Отечество, 2017. – Т. 13. – 574 с. – С. 46–61.
6. Теория государства и права / под ред. В.К. Бабаева. – М. : Юрист, 2003. – 592 с.
7. *Шафиров В.М.* Естественно-позитивное право: введение в теорию. – Красноярск : Издат. центр Красноярского государственного университета, 2004. – 260 с.

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_200

ПРАВОВОЙ РЕАЛИЗМ: ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Рассматриваются история становления и развития правового реализма как типа понимания права, его основные модели. Анализируется современное отношение к данной концепции, а также проблематика практического применения данного подхода.

Ключевые слова: правовой реализм, правовая традиция, реалистический позитивизм, формализм, судопроизводство, международное право.

LEGAL REALISM: HISTORICAL DEVELOPMENT AND MODERN PROBLEMS

Abstract. The article examines the history of the formation and development of legal realism as a type of understanding of law, its main models. The modern attitude to this concept is analyzed, as well as the problems of practical application of this approach are considered.

Key words: legal realism, legal tradition, realistic positivism, formalism, judicial proceedings, international law.

* **Тангаева Елена Алексеевна**, студент 2-го курса (уровень бакалавриата) Юридический институт Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королёва, г. Самара, Россия.

Научный руководитель: **Спирин Михаил Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент, Юридический институт Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королёва, г. Самара, Россия.

Elena Alexeevna Tangaeva, 2nd Year Student (Bachelor's Level) Law Institute of Named After S.P. Korolyov Samara National Research University, Samara, Russia.

Scientific supervisor: **Mikhail Yurievich Spirin**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Law Institute of Named After S.P. Korolyov Samara National Research University, Samara, Russia.

Во все времена вопрос о том, что из себя представляет право и откуда оно исходит, был и остается актуальным для юриспруденции. Существует множество идейных представлений о природе, происхождении, сущности, системе и порядке действия права. Ученые на протяжении долгого времени пытаются познать сущность права, разрабатывая и развивая различные концепции понимания права. Одной из таких концепций является правовой реализм.

Главным достоинством этого типа правопонимания является стремление приблизить право к реальности. Право, выступая социальным явлением, возникшим из потребностей людей, должно объективно соответствовать действительности, отвечая потребностям общества в данный момент времени.

Правовой реализм как тип правопонимания имеет более чем вековую историю и прошел путь от разрозненных мыслей и идей отдельных ученых-правоведов и практикующих юристов до формирования нескольких направлений и школ. Данная концепция вызывает постоянные споры и дискуссии, которые обычно связаны с сущностью реалистического подхода к праву, а также с фактической реализацией идеи правового реализма.

Прежде чем говорить о современных научных взглядах на концепцию правового реализма и на особенности ее реализации, необходимо обратиться к сути реалистического подхода к праву.

Правовой реализм как новый тип правопонимания начинает формироваться в конце XIX – начале XX в. Исторически сложились две модели правового реализма: североамериканская и скандинавская. В XXI в. появилась концепция реалистического позитивизма.

Основателем и виднейшим представителем североамериканского правового реализма считается Оливер Уэнделл Холмс мл. – судья Верховного суда США, который в своей работе «Общее право» (*The common law*) в 1881 г. описывал проект формирования юриспруденции как эмпирической науки [4, с. 35]. Эта книга начинается известным изречением: «Жизнь права заключается не в логике, а в опыте». О. Холмс видел право в фактической деятельности судей, а все то, что другие считали правом, являлось, с его точки зрения, лишь инструментом для юридических предсказаний,

которые будут делать суды; при этом О. Холмс не был противником обобщения, дедуктивного метода, системного подхода *etc.*, несмотря на подчеркивание значения опыта в противоположность логике.

Еще одним американским ученым и судьей Верховного суда США, высказывавшим идеи правового реализма, был Бенджамин Натан Кардозо. Он также говорил о важности деятельности судей. В своих трудах он задавался вопросами: как судья выносит решение по делу? Какими источниками пользуется судья при вынесении решения? В какой степени необходимо им следовать? Как поступить, если нет прецедента по рассматриваемому вопросу?

Рассуждая на эти темы, Б. Кардозо отмечал важность судебного прецедента, говорил о необходимости опираться на принципы права и применять аналогию, но также – учитывать обычаи и использовать социологический метод при рассмотрении дела и вынесении решения [2, с. 668].

Идеи правового реализма окончательно сформировались и получили свое название в начале 1930-х гг. благодаря Карлу Ллевеллину и некоторым другим юристам того времени. К. Ллевеллин так определял право: «Действия, относящиеся к судебному обсуждению, являются сферой права. И люди, осуществляющие эти действия, будь то судьи, шерифы, клерки, тюремщики или адвокаты, являются официальными выразителями права. То, что эти официальные лица решают в процессе обсуждения, и есть, по моему мнению, само право» [1, с. 35].

В отличие от более ранних представителей правового реализма К. Ллевеллин использовал более широкое понятие права и круга лиц, его создающих. Он также писал о важности роли процессуального права и практикующих юристов.

Подводя промежуточный итог, стоит еще раз обобщить идеи североамериканского правового реализма: в этом случае можно сказать, что право определяется как деятельность суда или должностных лиц. Идеи реалистов «пропитаны» прагматизмом и подчеркивают роль правового опыта. Предлагаются к использованию при решении юридических вопросов не только философский, исторический и подобные традиционные методы исследования, но и социологический метод.

Если североамериканские реалисты склонялись к отождествлению права с поведением чиновников (прежде всего судей) и с «предсказанием» их действий, то ориентация скандинавского правового реализма была несколько иной.

Представители скандинавского правового реализма не признавали абстрактных понятий, ссылающихся на некоторые субстанции или явления, не связанные с действительным (объективным) миром. По их мнению, существует только пространственно-временная и психофизическая реальность, которую можно познать эмпирически, с помощью чувств [5, с. 23].

Среди основоположников скандинавского правового реализма в первую очередь необходимо отметить Рудольфа фон Иеринга. Он был одним из первых правоведов, кто реализовал структурно-дескриптивно-функциональный анализ как парадигмальную установку в сфере правопознания и правопонимания (примечательно, что это было сделано задолго до появления социологии Э. Дюркгейма и значительно раньше рождения идеи организма в социологии Г. Спенсера). Кроме того, общество исследуется в правовой и социальной теории Р. Иеринга эмпирико-аналитически в противоположность философским и чисто фактологическим методам [3, с. 96].

Р. Иеринг сформулировал теорию социальных изменений и социального развития, в которой центральным (но не единственным) движущим фактором признается право, рассмотрел проблемы правовой социализации (впервые говоря о взрослых и детях в этом отношении) и социальной идентификации посредством права.

Еще одним важным представителем скандинавского правового реализма был Аксель Хэгерстрём. Значительная часть его трудов посвящена критике позитивизма, а точнее – теории воли [12, с. 86]. Что касается понимания сущности права, то А. Хэгерстрём считал, что право представляет собой выражение интересов, которые далее приобретают форму законов. И эти законы соблюдаются обществом, так как оно с ними согласно. Он выделял три условия, необходимые для соблюдения правового порядка: социальный инстинкт, положительная моральная установка, страх внешнего принуждения.

По отдельности эти условия не являются достаточными для соблюдения правовых норм. Даже действия этих факторов в совокупности не вполне достаточно. Для полноценного действия данной конструкции также необходимо воспитательное ненасильственное внушение, которое позволит сформировать и поддерживать социальные инстинкты и моральные установки.

Далее стоит обобщить взгляды представителей скандинавского правового реализма, в ряду которых как Аксель Хэгерстрём, так и его ученики: Вильгельм Лундштедт, Карл Оливекрона и Альф Росс. Все они в своих работах занимались критикой основных положений, начал и определений, на которых основываются традиционные системы правопонимания. Они отрицали метафизический подход к праву, отрицали «должное» и «ценностное», справедливость, мораль. Но это, их точки зрения, не значит, что этих понятий не существует в природе, это означает, что их не должно быть в праве.

В работах правовых реалистов этого типа содержатся представления о праве как об эмпирической науке, в которой фундаментальные правовые идеи должны быть истолкованы в качестве концепций социальной реальности, поведения индивида в обществе и никак иначе. В этом и состоит сила скандинавского правового реализма – в его попытке перевести правовые концепции в русло проверяемых социальных наук.

В современной российской юриспруденции развитием концепции правового реализма занимается Р.А. Ромашов. Представление о праве Ромашова содержит в себе многие аспекты, сходные с классическими моделями правового реализма, однако есть и существенные различия, главным из которых выступает принципиальная близость идей данного ученого к юридическому позитивизму. Сам он называет свой тип правопонимания «реалистическим позитивизмом», что отражает саму суть его позиции. В работах Ромашова прослеживается частичное отождествление права и закона, подчеркивается особая роль государства при создании права [8, с. 36–48]. Анализируя данный подход, можно сказать, что он в большей степени относится к постпозитивизму. В этом заключается существенное отличие представлений о праве Р.А. Ромашова от

позиций представителей как североамериканского, так и скандинавского правового реализма [8, с. 391].

Охарактеризовав основные модели правового реализма, можно обратить внимание на практическое применение данной концепции.

Современные исследователи права задаются вопросом о возможности применения реалистического подхода в рамках судопроизводства. Существует множество подходов к процессу судебной деятельности, в рамках тематики настоящей статьи стоит остановиться на двух самых популярных – правовом реализме и правовом формализме.

Реалистический подход североамериканской модели широко применяется на своей родине – в США. Это связано с особенностями англо-американской правовой системы с ее общим правом, дающим достаточную свободу для судебного усмотрения, учета тех или иных обстоятельств дела и применения правовых норм. В то время как в странах с романо-германской правовой традицией или другими правовыми традициями данная концепция может применяться только с некоторыми оговорками, и судья не может отступить от буквы закона. В целом осуществление правосудия с точки зрения правового реализма является сложным интеллектуальным процессом, а в сочетании с большой загруженности судей и вовсе непредпочтительным и непопулярным. В связи с этим можно предположить, что юридический позитивизм при таких условиях более применим, однако данный подход уже не будет реалистическим.

Правовой формализм, напротив, распространен в странах с романо-германской правовой традицией. Формализм предполагает условно бездумное и бездушное применение норм, формально подходящих к рассматриваемому юридическому казусу. Правовой формализм фактически исключает использование принципов права, расширительного, ограничительного, доктринального, телеологического толкования норм права, а также применение аналогии закона и аналогии права [9; 11, с. 44].

А.А. Селькова считает, что обе эти концепции понимания права сильно упрощают, из-за чего приходят к неверным выводам. Например, вот какова наиболее распространенная оценка этих двух

доктрин в литературе: «По словам формалистов, судьи применяют действующий закон к фактам дела логическим и механическим образом. Для формалистов судебная система – это гигантская машина по производству силлогизмов, а судья действует как высококвалифицированный оператор этой машины. С другой стороны, правовой реализм представляет собой резкий контраст. По мнению реалистов, судья решает дело, поддаваясь чувству, а не суждению; не с помощью умозаключений, а опираясь на свою интуицию» [10, с. 10].

В связи с этим также необходимо отметить, что в современной юридической науке часто можно встретить критику концепции правового реализма. Некоторые авторы научных статей считают, что практическое применение данного подхода к пониманию права приводит к умалению значения общепризнанных правовых норм, выраженных в форме закона.

Подобная проблема практического применения реалистического подхода в юриспруденции рассматривается и в отношении международного права [6].

А.С. Орлов указывает, что в ряде случаев положения концепции правового реализма используются в качестве инструмента обоснования поведения субъектов, объективно противоречащего нормам международного права, тем самым подрывая сложившиеся устои международного правопорядка [7, с. 226].

Проблема подобного искажения кроется в том, что значимую роль в международном праве играет политика. Существует мнение, что право является лишь инструментом для достижения политических целей (Л. Хенкин, Г. Моргентау). Подобный подход называют школой реальной политики (политическим реализмом, *Realpolitik*) и широко применяют в политологии и теории международных отношений. Однако, несмотря на то что правовой реализм и политический реализм, на первый взгляд, кажутся похожими, не стоит их отождествлять, так как эти два направления реалистического воззрения на окружающую социальную действительность изучают разные явления, а соответственно, преследуют разные цели.

Правовой реализм – прагматичная концепция правопонимания, которая стремится приблизить право к реальному положению

нию вещей, призывает учитывать множество обстоятельств при создании и реализации права для того, чтобы обеспечить его реальное действие.

Школа политического реализма понимает международное право как процесс принятия властных решений (М. Макдугал) или даже как выводимые из фактов жизни нормативные ожидания (М. Ризман) [7, с. 12]. В этом случае специалисты используют право как инструмент для достижения политических целей, а не правовых.

Однако точка зрения, что «право есть политика» (Л. Хенкин) является не единственной. Так, Г. Шаффер отмечает, что концепция правового реализма строится на двух постулатах: сосредоточении на эмпирическом исследовании действия закона и ориентации на прагматичный метод разрешения возникающих вопросов. Он предлагает использование концепции правового реализма в международном праве с некоторыми оговорками, которые не отождествляют данный подход с политическим реализмом.

Подводя итог нашим размышлениям, можно сделать следующие выводы.

1. Правовой реализм хотя и является относительно новым типом правопонимания, возник более века назад и имеет несколько исторически сложившихся моделей, а также вызывает множество дискуссий среди ученых-правоведов.

2. Исторически сложившиеся модели правового реализма сходны прежде всего в том, что стремятся приблизить право к реальному положению вещей. Различаются данные модели из-за особенностей правовых традиций, в рамках которых они возникли и развивались.

3. Реалистический подход к праву является сложным и многогранным, его практическое применение требует большого интеллектуального труда. Неверное толкование данной концепции может приводить к ошибочным выводам и искажению реалистического подхода, в результате чего может произойти подмена правового реализма чем-то совершенно иным.

4. Модель североамериканского правового реализма реализуется многими судьями в США, в то время как в странах с романо-германской правовой традицией возникают сложности с реализа-

цией всех моделей правового реализма. В этом случае концепции правового реализма противостоят другие доктрины, более удобные для правоприменителей, и в первую очередь юридический позитивизм.

5. Идеи правового реализма применяются и в международном праве, при этом постоянно существует риск искажения концепции правового реализма из-за чрезмерного «подчеркивания» политической составляющей.

Источники и литература

1. *Адыгезалова Г.Э.* Социологическая юриспруденция США в XX веке. Формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2012. – 270 с.

2. Антология мировой правовой мысли. – М., 1999. – Т. 3. – 829 с.

3. *Горбань В.С.* Учение Р. Иеринга о праве в современном российском правоведении // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 5. – С. 91–97.

4. *Горбань В.С., Груздев В.С.* О. Холмс в истории правового реализма в США и проблема типологизации его взглядов // Юридические исследования. – 2022. – № 10. – С. 31–42.

5. *Кириллова П.Д.* Скандинавский правовой реализм // StudArctic forum. – 2021. – № 2 (22). – С. 129-133.

6. *Лукашук И.И.* Международное право. Общая часть. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.

7. *Орлов А.С.* Роль концепции правового реализма в процессах формирования и реализации международно-правовых норм // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2021. – Т. 1. – № 3. – С. 225-233.

8. *Ромашов Р.А., Ветютнев Ю.Ю., Тонков Е.Н.* Право – язык и масштаб свободы. – СПб. : Алетей, 2015. – 448 с.

9. *Сорокин В.В.* Формализм в праве – предпочтение буквы закона // Российско-Азиатский правовой журнал. – № 1. – С. 44–49.

10. *Селькова А.А.* Понимание сущности судебной деятельности в рамках теорий правового формализма и реализма // *Ex jure.* – 2021. – № 2. – С. 7–21.

11. *Тангаева Е.А., Спириин М.Ю.* Основные черты правового реализма как типа понимания права // XVII Королёвские чтения : материалы Всероссийской молодежной научной конференции в 2 томах. – Самара : Изд-во Самарского университета, 2023. – Т. 2. – 454 с. – С. 391–392.

12. *Тонков Д.Е.* Философия права Акселя Хэгерстрёма // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Т. 13. – № 3. – С. 82–106.

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_209

ТЕОЭСТЕТИКА: ПРОБЛЕМА КРАСОТЫ В ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. Согласно философскому определению, красота – это то, что способно гармонично сочетать в себе все качества объекта и вызвать эстетическое наслаждение у человека. Красота является основным понятием в такой дисциплине, как эстетика. Эстетика же, в свою очередь, – наука философская, связанная с решением главного вопроса философии – вопросом отношения эстетического сознания к действительности. Эстетическое восприятие мира свойственно всем людям. Каждый может найти то, что приносило бы ему наслаждение. Христиане, как и другие люди, нашли эстетику в Боге и Его творениях, что и побудило к созданию такой дисциплины, как теоэстетика. В данной статье мы рассмотрим историю создания теоэстетики как междисциплинарного направления и покажем, какими были ранние представления христианских мыслителей о красоте Божьего творения.

Ключевые слова: теоэстетика, эстетика христианства, теоэстетика как богословский проект.

THEOAESTHETICS: THE PROBLEM OF BEAUTY IN THE CHRISTIAN TRADITION

Abstract. If we take the philosophical definition of beauty, then this is what can harmoniously combine all the qualities of an object and cause aes-

* **Дорошева Диана Анатольевна**, студентка 4-го курса исторического факультета (уровень бакалавриата), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Научный руководитель: **Прохоров Евгений Александрович**, доцент кафедры философии, религиоведения и теологии исторического факультета, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия/

Dorosheva Diana Anatol'evna, 4th Year Student of the Faculty of History (Bachelor's Degree), Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Scientific Curator: **Prokhorov Evgeniy Aleksandrovich**, Associate Professor at the Department of Philosophy, Religious Studies and Theology Faculty of History of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

thetic pleasure in a person. It is a basic concept in such a discipline as aesthetics. Aesthetics, in turn, is a philosophical science associated with the solution of the main question of philosophy - the attitude of aesthetic consciousness to reality. The aesthetic perception of the world is characteristic of all people. Everyone can find something that would bring him pleasure. Christians, like others, found aesthetics in God and His creations, which prompted the creation of a discipline such as theoesthetics. In this article, we will look at the history and author of the creation of theoesthetics as an interdisciplinary direction and touch on the topic of what the early ideas of Christian thinkers about the beauty of God's creation were.

Key words: *theoesthetics, aesthetics of Christianity, theoesthetics as a theological project.*

В формирование христианского мировоззрения эстетический принцип внес немалый вклад. На то имелись особые причины, включающие в себя кризис формально-логического, «диалектического» философствования в эпоху эллинизма. Также основанием являлось познание мира в различных эстетических категориях, например «прекрасное» и «безобразное», «возвышенное» и «низменное», «трагическое» и «комическое», как дань античному наследию в познании мира. Религиозный характер этого мировоззрения и опыт эстетически-созерцательного восприятия человеком окружающего мира, новое понимание человека в его взаимоотношениях с миром и, наконец, любовь человека к миру. Древний библейский акт, когда Бог сотворил мир, являет собой внерациональный, в частности эстетический, подход к миру. Бог виделся христианским богословам творящим художником, который четко следовал своему намеченному замыслу. Ранние христиане черпали из данной идеи свою систему эстетических представлений, несмотря на то что идея представления Бога-художника не принадлежит им. Автора данного представления определить невозможно, оно исходит из всей духовной жизни поздней Античности.

Бог создал человека по образу и подобию себя, следовательно, человек в христианском восприятии является высшим творением, совершенным до его грехопадения существом. Так человек стал объектом внимания и изучения христианства, чтобы выявить в нем смысл и цель существования. Наблюдая зависимость человека от природы, ее явлений, которые цикличны, вечно повторяемы, и то, как люди стойко переживают это, первые богословы пришли к

тому, что человечество как совершенный вид не должно исчезнуть, не оставив после себя никакого наследия. Неправильно ограничиваться «тривиальным» земным бытием, потому как человек был создан Творцом для наиболее высокой цели. Человек был создан для вечной жизни в Царствии Бога. Таким образом, нельзя не верить в обязательное воскресение, которое является истинной жизнью человеческой души.

Духовное наслаждение, которое побуждает людей к различным действиям, – это влияние красоты внешнего мира, как считали ранние христиане, наблюдая за ним. В таких прекрасных местах окружающего мира строили монастыри, скиты и кельи последователи новой веры Римской империи, принявшей христианство и сделавшей ее государственной религией.

Духовный мир человека возвышался благодаря христианской культуре. Она развивала в человеке скрытые способности, давала почувствовать и высоко оценить красоту окружающего мира.

Главный принцип мира, определяемый красотой, – это целостность и единство бесконечности предметов, находящихся в постоянных изменениях, как считали апологеты. Его изменчивость влечет за собой противоречия элементов, в то время как гармония и единство показывают неповторимую красоту мира.

Таким образом, эстетика в раннем христианстве видела в себе реальный прообраз земного творца, художника, способного тронуть каждого своим произведением и заставить испытывать благоговение. Человек является плодом трудов Небесного Творца, который нарушил свое совершенство, познав первородный грех. Понимание человека как произведения Бога связывает духовно-нравственное совершенствование с эстетикой. Тем самым оно способствует человеческому исправлению, укреплению желаний вернуться к прошлому идеалу, каким человек являлся изначально, будучи произведением Творца.

Ранние христианские апологеты особо выделяли такие понятия, как «художник», «произведение» и «искусство» в своей философии, что говорит нам об их интересе к творчеству. Ириной Лионский дает нам возможность увидеть это через подобный образ. При сравнении человека с художником, а его тела – с инструмен-

том взаимодействие этих двух важных компонентов друг с другом представляется как подобие творческого акта. Божественный Творец постоянно совершенствуется и доводит до идеала особую материю – душу. Таким образом, Ириной Лионский призывает человека стать податливым материалом в руках Творца, не сопротивляться его деятельности. В центре всей христианской культуры всегда находится работа человека по своему нравственно-практическому совершенствованию. Она воспринимается христианами мыслителями как художественное творчество, результатом которого должен был явиться особый «образ», отражающий в себе «прекрасное» произведение искусства, – таков идеальный и совершенный человек.

Человек как идеальное творение Бога имеет высокое назначение в этом мире, обладая достоинствами духа, души и разума. Об этом говорили многие мыслители, писатели и богословы древности. Они размышляли о том, что природа человека двойственна, противоречива, о том, что человек, каким бы он ни был, всегда будет стремиться к возвышенному, хоть и может потерять свой путь, часто обращаясь к грубому и низменному. Последнее является следствием первородного греха, где плотское тело, временная земная оболочка человека сковывает полет его духа. О том, что между духом и телом существовала пропасть, противоположность во всем, писали также восточные дуалисты, а вслед за ними гностики и некоторые из раннехристианских мыслителей. Но, несмотря на разные аспекты своей деятельности, они все придерживались одной точки зрения: влечение тела к низменным, греховным состояниям оценивается резко отрицательно. Исторически это объясняется как реакция на «телесные» интуиции, на разгул плотских наслаждений в позднем Риме – все это пронизывает целиком античную культуру.

В богослужении апостольского времени человек именуется κόσμος, т. е. «украшение мира», или «мир красоты». Утратив всю эту красоту при своем грехопадении, человек должен вернуть ее обратно, вновь стать «красотой мира». Вся идея раннехристианской культуры направлена на реализацию этой благородной, хотя и трудноосуществимой цели.

На этом этапе можно подробнее рассмотреть, что же такое теозстетика, и узнать ее краткую историю.

Теозстетика, или, как ее еще называют, богословская эстетика, – это междисциплинарное направление теологии и эстетики, которое занимается вопросами о Боге и проблемами богословия посредством чувственного познания через красоту и искусство. Понятно, что красота здесь понимается как нечто большее, чем просто то, что нам нравится. Иначе говоря, теозстетика можно считать неотъемлемой частью истории христианства.

Зародилась теозстетика внутри греко-византийского богословия. Она начала свое развитие внутри православной традиции, однако открытый статус смогла получить только на Западе, в рамках католического богословия. Если рассматривать теозстетику с формальной точки зрения, то можно сказать, что это большой проект, попытки развития которого были предприняты в 60-х гг. католическим богословом Гансом Урс фон Бальтазаром. В период с 1961 по 1969 г. он издает 7 огромных томов под названием «Слава Божия» с подзаголовком «Теозстетика». После их появления было совершенно непонятно, что из этого может выйти и какое дальнейшее развитие эти тома получают в христианской традиции. И вот, совершенно случайным образом, начинание Бальтазара получило свое продолжение уже в православном богословии. Поскольку подход Бальтазара не был направлен на какую-то конкретную христианскую конфессию, то данный проект достаточно быстро перерос конфессиональные ограничения и стал интересен широкому кругу христианских мыслителей. В частности, осмысление идей Бальтазара можно увидеть у разных авторов: у Дэвида Бенгли Харта, Джона (Пантелеймона) Мануссакиса, Александра Семеновича Филоненко, Олега Викторовича Давыдова и др.

Бальтазар обладал одной крайне важной особенностью мировоззрения: во всем, о чем бы ни писал богослов, всегда центральной фигурой являлся Иисус Христос. Именно поэтому можно сказать, что теозстетика – это христианский взгляд на мир, где в конечном счете эстетика рассматривается непосредственно через фигуру Христа. Таким образом, теперь я могу заключить, что красота – это не только эстетическое понятие, но и богословское.

Подводя итог, можно сказать, что Бог с самого начала представлялся христианам в виде Божественного Творца и Художника. Как в древности, так и сейчас человек представляется христианам высшим творением Бога, которое утратило свою красоту через свое грехопадение. Именно поэтому человек и должен снова стать «идеальным образом» и вернуть свою первоначально данную Богом красоту. Для того чтобы решить данные проблемы, и была создана теозстетика. Она объединяет в себе труды многих христианских мыслителей, принадлежащих к разным конфессиям, из чего следует, что теозстетика преодолевает не только конфессиональные, но и многие философские преграды.

Источники и литература

1. *Бычков В.В.* Эстетика Отцов Церкви // AESTHETICA PATRIUM. Эстетика отцов Церкви. 1. Апологеты. Блаженный Августин. – М.: Ладомир, 1995. – С. 61-70 (Всего 593 с.).
2. Введение в эстетику / Ш. Лало ; [пер. с фр. С. Гельфгата; под ред. прив. доц. Н. В. Самсонова; вступ. ст. А. В. Маркова]. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 456 с. – (Искусство и действительность).
3. *Филоненко А.С.* Теозстетика. 7 лекций о красоте. – М.: Никая, 2022. – 272 с.

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_215

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА

Аннотация. Проведен анализ состояния законотворческой работы в Российской Федерации, рассмотрены проблемы, существующие в законотворческой деятельности в современный период. Предпринята попытка проанализировать точки зрения различных авторов на факторы повышения эффективности законотворчества, а также сформулировать некоторые обобщающие позиции по вопросу совершенствования законотворческой деятельности в России.

Ключевые слова: законотворчество, эффективность законотворчества, принципы правотворчества, закон, законодательная техника.

FACTORS AFFECTING THE EFFECTIVENESS OF LEGISLATION

Abstract. This article analyzes the state of legislative work in the Russian Federation and examines the problems that exist in legislative activity in the modern period. An attempt has been made to analyze the points of view of various authors on the issue of factors for increasing the efficiency of lawmak-

* **Деминкова Маргарита Романовна**, студент 1-го курса факультета истории и права (уровень бакалавриата) Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета, г. Новокузнецк, Россия.

Научный руководитель: **Горбуль Юлия Александровна**, кандидат юридических наук, доцент, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета, г. Новокузнецк, Россия.

Deminkova Margarita Romanovna, 1st Year Student of the Faculty of History and Law (Undergraduate Level), Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute of Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russia.

Scientific adviser: **Gorbul Julia Alexandrovna**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute of Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russia.

ing, as well as to formulate some generalizing positions on the issue of improving lawmaking in Russia.

Key words: *lawmaking, effectiveness of lawmaking, principles of lawmaking, law, legislative technique.*

Несовершенство действующего законодательства негативно влияет на решение проблем в различных сферах жизни общества, таких как экономика, управление, функционирование государственного аппарата и др. Некомпетентность, спешка законодателя, несоблюдение научных основ законопроектной работы могут неблагоприятно сказаться на всей правовой системе.

К исследованию проблем законотворчества обращались многие ученые и специалисты, рассматривая отдельные аспекты этой важной для государства деятельности. При этом разными авторами в качестве причин, снижающих эффективность принимаемых законов, отмечались «низкое качество законопроектной работы», невладение субъектами правотворчества «всецел полнотой информации о процессах, протекающих в обществе» [1, с. 30, 32]; избыточная правотворческая активность [2, с. 3–4]; отсутствие связи законопроектов с интересами населения и внесение законопроектов, не соответствующих объективным потребностям общества и государства [3, с. 54–55]; недостаточно грамотное изложение нормативных правовых актов [4, с. 37–38].

Среди многих факторов, обуславливающих небезупречность законодательной базы в Российской Федерации, чаще всего выделяют несовершенство законотворческого процесса, особенно на стадии так называемой проектной работы. Многие авторы отмечают, что в российском парламенте не всегда имеются продуманные и непротиворечивые планы законопроектной деятельности, что приводит к дублированию разработки одних и тех же вопросов в разных комиссиях и комитетах Государственной Думы Федерального Собрания РФ [5, с. 146].

Также еще одним обстоятельством, влияющим на эффективность законотворчества, называют формальное проведение работы по обсуждению и доработке проектов федеральных законов в Государственной Думе, особенно если законопроекты предложены Президентом или Правительством Российской Федерации, которые принимаются практически без каких-либо исправлений [6, с. 129].

Для обсуждения новых норм не всегда, но приглашаются ученые и специалисты в рассматриваемой области, а вот мнение тех, кому предстоит реализовывать эти новые требования, практически не учитывается. И текст многих законопроектов написан на очень сложном языке, который не все субъекты, которым адресованы законы, смогут понять [7, с. 200].

К сожалению, образ законов не всегда отвечает условиям законодательной техники. Нормативные акты изобилуют стилистическими погрешностями. Некоторые законы призывают субъектов «осуществлять меры», «учитывать», «содействовать», «сознавать». Большое количество стилистически нейтральных положений: «предусмотреть», «принять предложение», которые не должны содержаться согласно правилам юридической техники в нормативных актах [8, с. 23].

По мнению В.Н. Казакова, можно выделить комплекс факторов, которые влияют на эффективность законотворчества. Он разделяет их на три группы. Факторы первой группы носят объективный характер. Требуется время, чтобы «пережить» эти факторы в процессе организации дальнейшей законодательной деятельности. России необходима реформа всей правовой системы в рамках трансформации общественного устройства страны в целом. Слепое заимствование чужих образцов в наших условиях бесполезно: налицо совершенно разные объемы и темпы работ, другой набор целей и потребностей.

Вторая группа также включает факторы, внешние по отношению к организации законодательного процесса, но создающие для него неблагоприятные условия. Они вытекают из отсутствия опыта, культуры и традиций правового государства, недостаточной активности субъектов законодательной инициативы.

И третья группа затрагивает собственно организацию и обеспечение законодательного процесса, в первую очередь законодательную процедуру. В этой группе факторов выделяются вопросы концептуального характера и организационные аспекты их реализации [9, с. 3–7].

М.А. Мушинский предлагает отойти от сложившейся в науке концепции «факторов законотворчества», предлагая выделять не факторы правотворчества (законотворчества), а условия и

факторы эффективности законодательства, а также условия и факторы эффективности правотворческой деятельности. В частности, к условиям эффективности правотворческой деятельности он относит отлаженную систему правового мониторинга и прохождения правовой информации; профессионализм субъектов правотворческой деятельности; оптимальную систему экспертиз законопроектов (с точки зрения субъектного состава, научной, методической и организационной составляющей); активное, неформальное участие в правотворческой деятельности дополнительных субъектов, если это предусмотрено законодательством (к примеру, процедуры согласования проектов федеральных законов); реальное обеспечение участия в правотворческой деятельности населения и институтов гражданского общества (через процедуры народной правотворческой инициативы, публичных обсуждений проектов нормативных правовых актов, референдума); эффективное нормативно-правовое регулирование правотворческих процедур; четкое разграничение правотворческих компетенций между субъектами правотворчества; четкую организацию правотворческой деятельности в правотворческих органах; необходимое финансовое и материально-техническое обеспечение [10, с. 351–352].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на разнообразие мнений авторов по вопросу эффективности законодательства, точки зрения многих из них сходятся по самым основным параметрам, характеризующим законодательскую работу, несоблюдение которых приводит к низкому качеству принимаемых законодательных решений и, как следствие, порождает ситуацию бездействия закона, а то и его вредоносного для общества влияния.

Еще в XVIII в. российский государственный и военный деятель, великий русский историк В.Н. Татищев сформулировал принципы «законописи»:

- закон должен быть краток и написан на языке народа, для которого предназначен;
- он должен быть исполнимым;
- нельзя быть ответственным по закону, который правительство не доводит до общества; незнание законов освобождает от ответственности;

– закон должен соответствовать традициям, нравам народа [11, с. 146–147].

Общественная жизнь и развитие юридической науки не стоят на месте, следовательно, принципы законотворчества не могут оставаться неизменными на протяжении веков, но, как показывает жизнь, появляющиеся новые принципы законотворчества развивают и дополняют уже сформулированные ранее. И лишь только действуя в совокупности, все требования, принципы и факторы способны оказать эффективное воздействие на законодательную деятельность и качество принимаемых законов.

Источники и литература

1. *Сехин И.В.* Принцип своевременности правотворчества: проблемы реализации // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 26-35.

2. *Бордакова А.Г., Киямова А.Р.* Правотворчество проблемы реализации принципа современности // StudNet. – 2021. – Т. 4. – № 4.

3. *Станкин А.Н., Пяткин В.Н.* Федеральный законотворческий процесс: анализ отдельных проблем и поиск путей совершенствования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 2 (41). – С. 52–59.

4. *Напалкова И.Г.* Лингво-юридические аспекты современного законотворчества // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2020. – Т. 7. – № 2. – С. 36-40.

5. Законотворчество в Российской Федерации (научно-практическое и учебное пособие) / Под ред. А.С. Пиголкина. – М. : Формула права, 2000. – 608 с.

6. *Шульга Н.Е.* Законотворчество и проблемы его совершенствования в Российской Федерации // Молодой ученый. – 2019. – № 41 (279). – С. 128-131.

7. *Федякова Н.А.* Профессионализм депутатов как фактор эффективности законодательства субъектов Российской Федерации // Интеграция образования. – 2008. – № 4. – С. 199-201.

8. *Горбуль Ю.А., Левадный Е.С.* Правотворческие ошибки // *Личность, общество и государство в правовом измерении : материалы национальной научно-практической конференции.* – Иркутск, 2021. – С. 21-25.

9. *Казаков В.Н.* Факторы, влияющие на эффективность законотворчества // *Государственная власть и местное самоуправление.* – 2013. – № 12. – С. 3-7.

10. *Мушинский М.А.* Эффективность правотворческой деятельности и эффективность законодательства: соотношение и критерии // *Юридическая техника.* – 2012. – № 6. – С. 351-352.

11. *Татищев В.Н.* Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственным // *Соч. в 8 т.* – Т. 8. – М. : Ладомир, 2008. – С. 146-152.

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_220

**К ВОПРОСУ О ВСЕНАРОДНОМ ГОЛОСОВАНИИ
ПРИ ВНЕСЕНИИ ПОПРАВОК В КОНСТИТУЦИЮ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2020 Г.**

Аннотация. Освещается процесс принятия поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 г. Приводятся различия между двумя формами учета общественного мнения – референдумом и всенародным голосованием. Также рассматривается разнообразие методов учета общественного мнения в современной России.

Ключевые слова: Конституция РФ, Конституционный Суд РФ, поправки, референдум, всенародное голосование, общественное мнение, Закон РФ о поправке к Конституции РФ.

**ON THE PROCEDURE FOR AMENDING THE CONSTITUTION
OF THE RUSSIAN FEDERATION IN 2020**

Abstract. This article highlights the process of adopting amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020. It distinguishes between two forms of taking into account public opinion – «referendum» and «popular vote». It also considers the variety of methods of taking public opinion into account in modern Russia.

* **Шамсиев Константин Русланович**, студент 1-го курса факультета истории и права (уровень специалитета), Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета, г. Новокузнецк, Россия.

Научный руководитель: **Горбуль Юлия Александровна**, кандидат юридических наук, доцент, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета, г. Новокузнецк, Россия.

Shamsiev Konstantin Ruslanovich, 1st Year Student of the Faculty of History and Law (Specialization Level), Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russia.

Scientific adviser: **Gorbulya Julia Alexandrovna**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute of Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russia.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, Constitutional Court, amendments, referendum, popular vote, public opinion, Law on Amendment to the Constitution of the Russian Federation.

Летом 2020 г. было проведено общероссийское голосование по вопросу внесения поправок в Конституцию РФ, которые были предложены Президентом Российской Федерации в ходе послания Федеральному собранию от 15.01.2020 [1]. Предложенные изменения касались 3–8 глав Конституции РФ. В связи с этим порядок их принятия должен был проходить в соответствии со ст. 136 и 108 Конституции РФ, а именно: они должны приниматься в порядке, предусмотренном для принятия федерального конституционного закона, и вступать в силу после их одобрения органами законодательной власти не менее чем двух третей субъектов Российской Федерации [2]. Однако поправки к Конституции были приняты несколько иной процедурой, поскольку, помимо предусмотренной Конституцией РФ процедуры, дополнительно было проведено всенародное голосование. Возникают вопросы: не противоречит ли Основному Закону страны данное дополнение к процедуре принятия поправок в него? И почему проведенное мероприятие было названо всенародным голосованием, а не референдумом?

Данный вопрос был рассмотрен Конституционным Судом РФ, который в Постановлении от 31 октября 1995 г. № 12-П «По делу о толковании статьи 136 Конституции Российской Федерации» провел анализ ст. 136 Конституции Российской Федерации и установил, что поправки в Конституцию, касающиеся глав 3–8, принимаются в виде специального правового акта: «...положения статьи 136 Конституции Российской Федерации могут быть реализованы только в форме специального правового акта о конституционной поправке, имеющего особый статус и отличающегося как от федерального закона, так и от федерального конституционного закона». Форма специального правового акта о принятии конституционных поправок необходима по причинам, изложенным в части 2 и 3 данного постановления [3].

Таким специальным правовым актом является Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее Закон РФ о поправке

к Конституции РФ) [4]. Данный закон мог быть принят без проведения общероссийского голосования, так как согласно ст. 136 это не является обязательным условием. Это отмечал и пресс-секретарь Президента РФ Дмитрий Песков: «Поскольку Президент [в послании Федеральному собранию] говорил о субстанциях, которые не касаются основополагающих статей Конституции Российской Федерации, то в данном случае речь не может идти о референдуме и фактически даже не подразумевает какого-либо принятия путем голосования» [5].

Однако В.В. Путин посчитал необходимым провести голосование по поводу принятия поправок, о чем сообщил в ходе послания Федеральному Собранию от 15.01.2020: «Учитывая, что предложенные новации касаются существенных изменений политической системы, деятельности исполнительной, законодательной и судебной власти, считаю необходимым провести голосование граждан страны по всему пакету предложенных поправок в Конституции Российской Федерации. И только по его результатам принимать окончательное решение» [1]. Данная необходимость была изложена в ч. 8 ст. 3 Закона РФ о поправке к Конституции РФ и выражалась в том, что поправки будут внесены при условии их одобрения в ходе общероссийского голосования изменений в Конституцию РФ [4].

Закон РФ о поправке к Конституции РФ устанавливал особую процедуру принятия данных поправок – всенародное голосование [4]. Этот процесс вызвал бурное обсуждение среди не только ученых, правоведов, политиков, но и среди населения. В ходе такого обсуждения активно рассматривался вопрос о соотношении понятий «всенародное голосование» и «референдум».

В ст. 1 Федерального конституционного закона от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» дается определение референдума: «Референдум Российской Федерации (далее также – референдум) – всенародное голосование граждан Российской Федерации, обладающих правом на участие в референдуме, по вопросам государственного значения» [6].

Опираясь на данное определение, можно сделать вывод, что понятие «всенародное голосование» является тождественным понятию «референдум». И проведенное в июле 2020 г. всенародное

голосование по внесению поправок в Конституцию РФ, безусловно, было проведено по вопросам государственного значения. Однако следует отметить, что существуют определенные отличия между референдумом и всенародным голосованием. И прежде всего они касаются тех формальных процедур, которые необходимо соблюдать при их проведении.

Так, например, в соответствии с п. 1. ч. 1. ст. 14 Федерального конституционного закона «О референдуме РФ» инициатива проведения референдума принадлежит не менее чем двум миллионам граждан Российской Федерации [6]. Также закон содержит еще целый ряд условий, которые предполагают весьма сложный и долгий процесс инициирования и подготовки проведения референдума в РФ. Что же касается проведения всероссийского голосования, то к его организации и проведению законодательно не установлены такого рода требования.

Несмотря на различия формально-процедурного характера, по своей сути оба эти явления – референдум и всенародное голосование (которое в таком контексте вполне может быть заменено синонимичной характеристикой «всероссийское») – имеют главную общую черту – являются способами выявления общественного мнения. И, анализируя события 2020 г., следует, на наш взгляд, согласиться с мнением А.Н. Надина о том, что «проведение голосования по поправкам в Конституцию РФ заложит основы для дальнейшей практики проведения консультативных референдумов в РФ. Ведь с их помощью было бы возможно определять позиции граждан России по конкретным общенациональным проблемам» [7, с. 50].

В настоящее время в России сложилась широкая система правового регулирования процессов формирования и учета общественного мнения. Она базируется на соответствующих нормах Конституции РФ и федеральных законах, направленных на обеспечение конституционных гарантий свободы мысли и слова, свободы получения и распространения информации и т. д. Особое внимание уделяется нормам избирательного законодательства, которые регламентируют порядок осуществления и обнародования результатов опросов общественного мнения, связанных с выборами и референдумами.

Значительное место в правовом регулировании механизмов учета общественного мнения занимает Указ Президента РФ от 09.02.2011 № 167 «Об общественном обсуждении конституционных законов и федеральных законов», который определяет, что проекты федеральных конституционных законов и федеральных законов, затрагивающих основные направления государственной политики в области социально-экономического развития, могут быть вынесены на общественное обсуждение в целях улучшения законодательной деятельности и учета общественного мнения [8].

Одной из структур, занимающихся изучением общественного мнения в России, является ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения). Этот центр регулярно проводит опросы населения по различным вопросам. Результаты этих опросов могут быть использованы как для анализа общественного мнения, так и для принятия решений на уровне государственной политики.

Кроме того, в России существует возможность выражения общественного мнения через участие в общественно-политических дискуссиях, консультациях и обсуждениях. Граждане могут высказывать свои мнения и предложения как на уровне муниципальных общественных консультаций, так и на федеральном уровне, участвуя в обсуждении законопроектов и других важных вопросов.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить: несмотря на то что внесение поправок в Конституцию РФ проводилось по процедуре, лишь отчасти предусмотренной действующим на момент принятия решения об их проведении законодательством, в то же время было бы неправильным вести речь о противоречии Конституции РФ порядка их проведения.

Важнейшая цель дополнительной процедуры при принятии поправок к Конституции РФ в виде всероссийского голосования – это обеспечение легитимности конституционных изменений за счет включения в процесс учета общественного мнения. Легитимация власти тесно связана с общественным сознанием, потому что именно через разноплановый симбиоз взглядов и мнений народа устанавливается ее основа. И в этой связи следует согласиться с мнением Авраама Линкольна и закончить его цитатой: «В союзе с

общественным мнением можно сделать все, без него – ничего» [9, с. 57].

Источники и литература

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 // www.consultant.ru.

2. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с. (Серия: Профессиональный комментарий).

3. По делу о толковании статьи 136 Конституции Российской Федерации : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.10.1995 № 12-П // www.consultant.ru.

4. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // www.consultant.ru.

5. Песков Д.С. [интервью]. 15.01.2020 // Российское информационное агентство «ТАСС» [официальный сайт]. – URL: <https://tass.ru/politika/7527879> (дата обращения: 20.01.2024)/

6. О референдуме Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 18.06.2017) // www.consultant.ru.

7. *Надин А.Н.* Роль принятия общественного мнения в принятии поправок к Конституции Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 7. – С. 44–54.

8. Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов : Указ Президента РФ от 09.02.2011 № 167 // www.consultant.ru.

9. *Иванов Р.Ф.* Дипломатия Авраама Линкольна. – М. : Междунар. отношения, 1987. – 304 с.

*Дмитрий Алексеевич Корольков**
*Рэм Олесеви́ч Синькеви́ч***

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_227

**РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ И РЕЛИГИИ В
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ И ВООРУЖЕННЫХ
СИЛАХ: ДЕ-ЮРЕ И ДЕ-ФАКТО**

Аннотация. Рассматривается значение и роль идеологии в правоохранительных органах и вооруженных силах. На основании анализируемых источников авторами сделан вывод о важности религии и идеологии как основополагающих аспектов, складывающихся не только во время ведения боевых действий, но и при штатном несении службы в правоохранительных органах Российской Федерации.

* **Корольков Дмитрий Алексеевич**, студент 4-го курса юридического факультета (уровень специалитета), Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия.

Korolkov Dmitry Alekseevich, 4th Year Student of the Faculty of Law (Specialty), Irkutsk Law Institute (Branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.

** **Синькевич Рэм Олесеви́ч**, студент 4-го курса юридического факультета (уровень специалитета), Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия.

Sinkevich Rem Olesevich, 4th Year Student of the Faculty of Law (Specialty), Irkutsk Law Institute (Branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.

Научный руководитель: **Шиханов Владимир Николаевич**, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия.

Scientific supervisor: **Shikhanov Vladimir Nikolaevich**, Candidate of Law, Associate Professor, Irkutsk Law Institute (Branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.

Ключевые слова: специальная военная операция, религия, Бог, военнослужащие, Украина, Российская Федерация, идеология.

THE ROLE OF IDEOLOGY AND RELIGION IN LAW ENFORCEMENT AND THE ARMED FORCES: DE JURE AND DE FACTO

Abstract. The article examines the significance and role of ideology in law enforcement agencies and the armed forces. Based on the analyzed sources, the authors conclude that religion and ideology are important as fundamental aspects that develop not only during the conduct of hostilities, but also regular service in law enforcement agencies of the Russian Federation.

Key words: special military operation, religion, God, military personnel, Ukraine, Russian Federation, ideology.

Вопрос о роли религии в Вооруженных силах Российской Федерации, иных войсках и правоохранительных органах является неоднозначным. Прежде всего это обусловлено нюансами толкования и применения норм права. Так, в соответствии со ст. 14 Конституции Российской Федерации Российская Федерация – «светское государство, то есть никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [1].

Вопрос религии представляет особую актуальность для нашей страны, поскольку Российская Федерация является многонациональным государством, верующие граждане которого принадлежат к различным конфессиям. Данное положение также закреплено на законодательном уровне в Конституция Российской Федерации (в ст. 28): «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» [1]. Так, согласно данным, представленным Всероссийским центром изучения общественного мнения на 2021 г., конфессиональный состав населения России представлен следующим образом: «православие – 66 %; ислам – 6 %; буддизм – 1 %; католицизм – чуть более 0 %; иудаизм – чуть более 0 %; неверующих – 41 %» [2].

При этом вопрос законодательного отношения к вопросам религии не находится на дальнем плане. Следует обратить внимание на поправки, внесенные в Конституцию Российской Федерации в 2020 г. Ключевой из них стало изменение текста ст. 67¹: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняет память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога (выделено нами. - *К.Д., С.Р.*)» [3]. С другой стороны, хотя данное положение закреплено в Основном Законе, это не отрицает светского характера публичной власти и общества, поскольку Конституция России не определяет конкретного обязательного Бога, а предполагает его единство или свое понимание для каждой конфессии.

Кроме того, ст. 13 Конституции Российской Федерации закрепляет идеологический плюрализм, означающий запрет на установление любой идеологии в качестве государственной или обязательной [1]. Это также подчеркивает равноправие всех граждан нашей страны вне рамок идеологии (она не может делить граждан на «правильных» и «неправильных», «элиту» и «низы»).

В этих условиях можно констатировать о следующей законодательной установке: идеология и религия могут быть частью мировоззрения человека, конкретного индивида, однако по законодательству обязательных предписаний они не имеют и потому не обладают управляющим, направляющим, коллективным характером, не могут использоваться как инструмент публичного управления и смыслообразования. Мы не используем ни идеологию, ни религию в качестве объединяющей государственной идеи.

Сегодня права, свободы и жизни людей являются неотъемлемой частью мирного сосуществования всех стран. Защита народа от насилия, геноцида является приоритетной задачей и в Российской Федерации. На протяжении десяти лет националистические политические и экономические элиты Украины организовывали насилие и истребление населения Донбасса, а отчасти и несогласного населения в других регионах Украины. Результатом стали десятки тысяч погибших и покалеченных, обездоленных людей, в том числе несовершеннолетних, вдов, а также детей, оставшихся без родителей. Такому беззаконию нет места в современном мире. В этой связи Верховным главнокомандующим Вооруженными си-

лами Российской Федерации Владимиром Путиным было принято решение о начале специальной военной операции (далее – СВО).

Так, В. В. Путин отметил: «Ее цель – защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. И для этого мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации» [4].

С начала СВО отношения между государством и церковью (или более широко – с социальным институтом «религия») стали претерпевать существенные изменения. Это касается как России, так и Украины. Люди все чаще обращаются к вере, особенно те, кто непосредственно находится в зоне ведения боевых действий. В Русской православной церкви даже заговорили о нехватке священников в зоне СВО [5]. Российский патриарх Кирилл указал, что «гибель на СВО – это жертва, которая смывает все грехи человека» [6]. Противоположную сторону занимает Глава Украинской православной церкви митрополит Онуфрий: «Украинский и российский народы вышли из Днепровской купели крещения, и война между этими народами – это повторение греха Каина, который из зависти убил своего родного брата. Такая война не имеет оправдания ни у Бога, ни у людей» [7].

Учитывая вышеизложенное, возникает вопрос: как влияет идеология и религия на военнотружущих Российской Федерации (и приравненных к ним лиц) в условиях проводимой Россией СВО? На примере российской кросс-платформенной системы мгновенного обмена сообщениями Telegram проведем анализ каналов, которые освещают новости из Херсонской и Запорожской областей, а также Донецкой и Луганской народных республик.

В настоящее время Telegram имеет множество каналов, например «Оперативные сводки», «Кремлевская прачка», Fighterbomber, «Топор I Политика», «ЛетитКалибр» (включены в перечень иноагентов) и т. д. Как правило, все каналы информируют пользователей об идентичных новостях. Так, в телеграм-канале «Оперативные сводки» (включен в перечень иноагентов) 18 апреля 2023 г. была опубликована новость о том, что Владимир Путин по-

сетил штаб группировки войск «Днепр» на Херсонском направлении. Президент заслушал доклады командующего ВДВ генерал-полковника М.Ю. Теплинского, командующего группировкой генерал-полковника О.Л. Макаревича и других военачальников, а также попросил военных высказать мнение об обстановке на Херсонском и Запорожском направлениях и обменяться информацией. Затем Владимир Путин поздравил военных с православной Пасхой и подарил им копию иконы, которая, как сказал президент, принадлежала «одному из наиболее успешных министров обороны Российской империи» [8].

Аналогично, в телеграм-канале «Абзац» (включен в перечень иноагентов) 17 апреля 2023 г. опубликована новость о том, что православный священник отправился на передовую поздравить с Пасхой бойцов, участвующих в СВО. Иерей Роман Заяц причастил военнослужащих, проведя для них исповедь. В Великую Субботу для каждого бойца подготовили и освятили пасхальные куличи. Как отметил Роман Заяц, «для каждого бойца батальона – куличик. И яички отварили. Отварили не просто, а как полагается. В шелухе» [9].

В свою очередь, священники Русской православной церкви высказывают свое мнение о значении религии для участников боевых действий. Так, на канале «Православный футуролог» священник Вячеслав Шевченко высказал свое отношение к видео, в котором военнослужащие России говорят о том, что в боевых действиях все бойцы рано или поздно обращаются к Богу. На видео многие военнослужащие говорили о том, что они верующие. Вячеслав Шевченко отметил: «Этот ролик подтверждает знаменитую крылатую фразу, что “в окопах не бывает атеистов”. Вполне возможно, что во время экстремальных ситуаций у человека срабатывает божественная прошивка, которую Господь сделал при его сотворении. В состоянии покоя человечество тянет к гедонизму и утопической идее построения Рая на земле. А когда на планете все плохо – у нас остается все меньше аргументов, чтобы держаться за эту земную жизнь» [10].

На видеокдрах многих воинских подразделений Вооружённых сил Российской Федерации, Росгвардии, добровольческих формирований и даже ЧВК «Вагнер» можно видеть военнослужа-

щих с символикой, открыто обозначающей религиозную принадлежность военнослужащих и даже целых подразделений. Демонстрируют такую принадлежность волонтеры, военные блогеры (например, производитель высокоточных винтовок Владислав Лобаев, наносящий путем лазерной гравировки слова из псалмов царя Давида на ствольные коробки выпускаемых винтовок).

Следует отметить подразделения, сформированные в Чеченской Республике, которые также открыто демонстрируют принадлежность к исламу и на видеокадрах коллективно и постоянно прославляют Аллаха.

Параллельно имеется и другой аспект – идеологический. Очень часто военнослужащие и гражданские лица используют знаки, отсылающие к советскому прошлому и Советской армии (красные знамена, серп и молот) либо к эпохе Российской империи (монархисты). Это причудливым образом накладывается на религиозную карту участников спецоперации и волонтерского движения.

В этих условиях создается ощущение, что общество вне зоны СВО и общество в зоне СВО существенно отличается именно по тому, какую значимость для них имеют религия и идеология. Там, где требуется сплочение и работа по коллективному смыслообразованию, а также преодолению страха перед гибелью, объяснению смысла происходящего, коллективы обращаются к религии или идеологии. Заметим, что это происходит спонтанно, без каких-либо планов и управленческих решений со стороны Министерства обороны или иных органов публичной власти. В частности, официальные объяснения целей СВО оказались не столь востребованы бойцами и волонтерами, в отличие от религиозных и идеологических воззрений.

С другой стороны, какой-либо единой мировоззренческой, ментальной рамки среди воюющей (или прямо и косвенно вовлеченной в СВО) части российского общества нет – существует некоторый калейдоскоп.

В частности, в ходе СВО стали зарождаться боевые отряды русских неонацистов в составе российских войск. Это, в частности, диверсионно-штурмовая разведывательная группа «Русич» (входит в перечень иноагентов). Подобные формирования не имеют ничего общего с нынешними конфессиями, поскольку их идеология со-

держит в себе тезис: «Наша цель – единение славян под русским стягом и знаком Солнца» [11]. Однако Россия не поддерживает данную идеологию в качестве обязательной и не регистрировала такое неязыческое религиозное объединение (оно не имеет представительства). Следует также заметить, что указанное формирование, а точнее его члены, не нуждается в помощи идеологии или религии, поскольку своя идеология (культ) была создана ими еще до начала СВО, даже до начала конфликта на юго-востоке Украины. Они напоминают пассионариев, по Л. Гумилёву, поскольку со своими коллективными культовыми неязыческими идеями в условиях мирного времени они часто становились фигурантами уголовных дел и дел об административных правонарушениях, а теперь нашли свое место и идеологически оказались союзниками других конфессиональных и идеологических групп оказавшейся на передовой части российского общества.

Таким образом, подводя итоги сказанному, можно сделать вывод о том, что военнослужащие и бойцы добровольческих формирований России в условиях как прошлых боевых действий, так и настоящих всегда нуждались в духовной поддержке. В условиях полного отсутствия работы в этом направлении процессы обращения к религии и идеологии стали происходить спонтанно, снизу, но масштабно.

Полагаем, что в этом случае исповедование определенной религии или идеологии становится тем жизненным ресурсом, в котором нуждаются не только мирные граждане России, но и военнослужащие, исполняющие свой долг. По нашему мнению, Русская православная церковь с негласной помощью государства должна оказывать поддержку Вооруженным силам России и добровольческим формированиям. Это же касается и других религиозных организаций, которые признаны в Российской Федерации. Вопрос о коллективной идеологии для неверующих военнослужащих и добровольцев при этом остается открытым, поскольку он, очевидно, важен: простая установка на соблюдение законодательства Российской Федерации или официальные цели СВО оказывается недостаточно мотивирующей.

Еще более сложным и требующим отдельного обсуждения становится вопрос о роли религии и идеологии для той части рос-

сийского общества, которая находится далеко от зоны боевых действий, в условиях гибридного, но агрессивного идеологического влияния зарубежных стран в целях раскола российского общества и формирования антивоенных протестных настроений.

Источники и литература

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с. (Серия: Профессиональный комментарий).

2. Великий пост 2021 // ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021> (дата обращения: 20.04.2023).

3. 4 июля 2020 года вступили в силу одобренные общероссийским голосованием поправки в Конституцию РФ // КонсультантПлюс. – URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/63372.html> (дата обращения 20.04.2023).

4. Президент России пояснил мотивы решения о начале военной операции по защите Донбасса // Новости. Первый канал. – URL: https://www.1tv.ru/news/2022-02-24/421654prezident_rossii_royasnil_motivy_resheniya_o_nachale_voennoy_operatsii_po_zaschite_donbassa (дата обращения 20.04.2023).

5. Святейший Патриарх Кирилл встретился с клириками Москвы и Московской области, совершившими командировки в зону СВО // Официальный сайт Русской Православной Церкви. 2022. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5982085.html> (дата обращения 20.04.2023).

6. Патриарх Кирилл пообещал прощение грехов погибшим в «междоусобной брани» на Украине // Коммерсантъ. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5581307> (дата обращения 20.04.2023).

7. В УПЦ Московского патриархата призвали прекратить братоубийственную войну // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/>

politics/24/02/2022/621783899a79471a485be3f1 (дата обращения 20.04.2023).

8. Оперативные сводки. – URL: <https://t.me/opersvodki>. (дата обращения: 20.04.2023).

9. Абзац. – URL: <https://t.me/absatzmedia>. (дата обращения: 20.04.2023).

10. Православный футуролог. – URL: <https://t.me/pravfut>. (дата обращения 20.04.2023).

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_235

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. Исследуются некоторые особенности правовых основ обеспечения национальной безопасности Российской Федерации на современном этапе. Дается обзор основных нормативных правовых актов в данной сфере, анализируется интерпретация термина «национальная безопасность».

Ключевые слова: национальная безопасность, суверенитет, защита интересов и безопасности государства.

FEATURES OF ENSURING THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE

Abstract. The article examines the legal framework for ensuring the national security of the Russian Federation, as well as suggests ways to strengthen the national security of Russia. An overview of the main normative legal acts is given, and the interpretation of the term "National Security" is considered.

* **Вальтер Владимир Витальевич**, курсант факультета «Правовое обеспечение национальной безопасности» (уровень специалитета), Новосибирский военный институт войск национальной гвардии, г. Новосибирск, Россия.

Научный руководитель: **Михеев Дмитрий Юрьевич**, кандидат исторических наук, Новосибирский военный институт войск национальной гвардии, г. Новосибирск, Россия.

Valter Vladimir Vitalievich, Cadet of the Faculty of "Legal Support of National Security" Novosibirsk Military Institute of the National Guard Troops, Novosibirsk, Russia.

Scientific curator: **Mikheev Dmitry Yurievich**, Candidate History, Novosibirsk Military Institute of the National Guard Troops, Novosibirsk, Russia.

Key words: national security, sovereignty, fundamentals of security, threats, ways to strengthen.

Национальная безопасность, являясь одним из основных приоритетов любого государства, охватывает широкий спектр вопросов, связанных с защитой интересов и безопасности государства и его граждан.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что под термином «национальная безопасность» следует понимать такое состояние общества и государства, при котором обеспечивается защита государственных интересов, территории, населения и экономики от внутренних и внешних угроз. Вероятно, доминантой этой концепции следует считать обеспечение стабильности в обществе, защиту интересов и благополучия его граждан. Это понятие также находит свое отражение и в законодательстве РФ. Именно так трактует понятие безопасности Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ: «...состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [1]. Обеспечение национальной безопасности включает в себя не только оборону страны от внешних угроз, но и совокупность иных направлений, которые в условиях СВО либо проявились особенно рельефно, выйдя, если так можно сказать, «из тени», либо появились впервые [3].

Распространенная в научном сообществе интерпретация понятия «национальная безопасность» позволяет нам согласиться с мнением о том, что важнейшими ее составляющими являются защита суверенитета и территориальной целостности государства, планирование, реализация и контроль мер по нейтрализации угроз безопасности, проведение социально ориентированного и экономически эффективного экономического курса, совершенствование законодательства, укрепление законности федерализма и местного самоуправления [2]. Кроме того, особое значение приобретают принятие мер по обеспечению неукоснительного соблюдения законодательства Российской Федерации, создание гармоничных межнациональных отношений.

Одним из ключевых элементов национальной безопасности на современном этапе является внутренняя стабильность. Тому подтверждение – январские события в г. Баймаке Республики Баш-

кортостан. Для этого необходимо обеспечить социально-экономическое развитие, справедливое распределение доходов, борьбу с коррупцией и преступностью, а также защиту прав и свобод людей.

Не вызывает сомнений, что экономический суверенитет является центральным элементом национальной безопасности. Для упрочения экономической безопасности принимаются меры по снижению зависимости от импортных товаров (импортозамещение), увеличению инвестиций в отечественное производство. Темой отдельного исследования может стать обеспечение безопасности критической информационной инфраструктуры [4]. Современное общество делает большие шаги в экономическом развитии, поэтому стабильность играет немаловажную роль на данном этапе развития государства и общества. В этой связи необходимо постоянно и непрерывно совершенствовать производство, увеличивать количество высокообразованных и высококвалифицированных кадров, которые будут задействованы в достижении большего результата и совершении научных открытий, создавать подходящие условия для инвестиций, которые предоставят доступ к целому горизонту открытий, развития общества и государства [5].

Оборонеспособность и внешняя безопасность в условиях СВО приобрели уже не гипотетическую важность. В течение 2022–2023 гг. происходило и к настоящему времени достигло, вероятно, оптимальных величин развитие и модернизация Вооруженных сил, всей военной организации страны [6]. Представляется важным обратить особое внимание и на систему гражданской обороны.

В условиях проведения СВО сотрудничество с другими странами является особым элементом укрепления национальной безопасности. Участие России во многих международных организациях либо заморожено, либо прекращено. В то же время активно развиваются отношения со странами, поддержавшими проведение СВО. Такое сотрудничество позволит обеспечить коллективную безопасность и защитить национальные интересы [7].

Таким образом, обеспечение национальной безопасности России на современном этапе требует новых подходов на основе действующего законодательства, взаимодействия всех сфер государственной деятельности, активного вовлечения институтов

гражданского общества. Только так возможно обеспечить стабильность, развитие и сохранение целостности и суверенитета страны.

Источники и литература

1. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023 г.) «О безопасности» // www.consultant.ru.
2. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // www.consultant.ru.
3. *Иманов Д.Э.* Нормативно-правовые основы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации на современном этапе // Наука Красноярья. – 2017. – Т. 6. – № 2. – С. 61-79.
4. Национальная безопасность России: основные аспекты и эффективные стратегии укрепления // <https://nauchniestati.ru/spravka/nacziionalnaya-bezopasnost-rossii-i-puti-ee-ukrepleniya/?ysclid=luqllgmagf832806413>
5. Третьякова Т.А. Экономическая безопасность как основа обеспечения национальной Безопасности России / Т. А. Третьякова // Академическая публицистика. – 2023. – № 1–2. – С. 113–119.
6. *Орехова Н.В., Кудрявцева Н.Н., Пахомова Ю.В., Дуванова Ю.Н.* Анализ наращивания военной мощи государства // Вестник ВГУИТ. – 2022. – № 2 (92). – С. 324-328.
7. *Киселева И., Климова П.* Международное сотрудничество РФ со странами СНГ // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 4-2 (98). – С. 6-9.

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_239

**ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ
ЧЕЛОВЕКА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕГИОНОВ
СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА:
СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ**

Аннотация. Представлен сравнительный анализ законодательства об уполномоченном по правам человека в субъектах Сибирского федерального округа. Рассматриваются конституции (уставы) субъектов и их законы об уполномоченном по правам человека. Анализ сконцентрирован вокруг аспектов законодательства, по которым наблюдается вариативность между субъектами округа.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека в РФ, уполномоченный по правам человека в субъектах РФ, законодательство субъектов РФ, конституционное и уставное законодательство, Сибирский федеральный округ.

**INSTITUTE OF THE COMMITTEE FOR HUMAN
RIGHTS IN THE LEGISLATION OF THE REGIONS
OF SIBERIAN FEDERAL DISTRICT: SIMILARITIES
AND DIFFERENCES**

Abstract. The article presents a comparative analysis of the legislation on the Commissioner for Human Rights in the constituent entities of the Siberian Federal District. A comparison of the constitutions (charters) of the constituent entities and their laws on the Commissioner for Human Rights is consid-

* **Береснев Юрий Сергеевич**, студент 4-го курса исторического факультета (уровень бакалавриата), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Научный руководитель: **Рыбалко Михаил Леонидович**, кандидат исторических наук, доцент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Beresnev Yurii Sergeevich, 4th Year Student of the Faculty of History (Bachelor's Level), Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Scientific curator: **Rybalko Mikhail Leonidovich**, Candidatey History, Associate Professor, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

ered. The analysis focuses on those aspects of legislation on which there are differences between the district's subjects.

Key words: *The high commissioner for human rights in the Russian Federation, commissioner for human rights in the subjects of the Russian Federation, legislation of the subjects of the Russian Federation, constitutional and statutory legislation, Siberian federal district.*

Во второй половине 90-х гг. XX в. – начале 00-х гг. XXI в. в Российской Федерации сложилась практика существования института уполномоченных по правам человека в абсолютном большинстве субъектов Федерации. Так, в Республике Башкортостан и Свердловской области данные институты появились ранее, чем было принято федеральное законодательство, регулирующее деятельность уполномоченного по правам человека [1]. При этом в Конституции Российской Федерации данный институт упомянут лишь в контексте федерального института об уполномоченном по правам человека. Единственным правовым основанием для существования данного института, упомянутого в Конституции, является положение ст. 72, относящее вопросы защиты прав и свобод человека к вопросам общего ведения Российской Федерации и ее субъектов [2].

В федеральном законодательстве в течение долгого периода отсутствовали отдельные нормативные правовые акты, посвященные вопросам регулирования деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Федерации. Однако возможность существования данного института устанавливалась в Федеральном конституционном законе от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». В период с 1997 по 2015 г. в тексте указанного закона содержалось положение, напрямую устанавливающее возможность учреждения данной должности путем внесения ее в конституцию (устав) субъекта Федерации и (или) принятия закона субъекта Федерации [3]. Федеральный конституционный закон от 06.04.2015 № 3-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации"» исключил из закона об уполномоченном по правам человека данное положение. Вместе с тем в закон была введена ст. 36², обязывающая предоставлять уполномоченным по правам человека в субъек-

тах Федерации помощь при осуществлении их деятельности. Данные корректуры заменили прямое положение, позволяющее субъектам Федерации вводить должность региональных уполномоченных по правам человека, на косвенное [4].

Эти изменения были связаны с принятием первого нормативного правового акта, регулирующего деятельность уполномоченных по правам человека в субъектах Федерации, – Федерально-го закона от 06.04.2015 № 76-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования деятельности уполномоченных по правам человека». Данный закон вносил изменения в закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Он не только вводил в нормативные акты об органах государственной власти субъектов положение, декларирующие существование данного органа государственной власти, но и в рамках единственной статьи подробно регламентировал деятельность данного института [5]. Положения профильного Федерального закона от 18.03.2020 № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» повторили, незначительно расширили положения, существовавшие в законе об общих принципах организации государственной власти в субъектах Федерации [6]. Принятие данного законопроекта поспособствовало значительному обновлению законодательства об уполномоченных по правам человека. В Сибирском федеральном округе в 6 из 10 субъектов Федерации приняли новые законы, в законы других 4 субъектов Федерации были внесены значительные изменения.

Общим для всех субъектов Федерации, входящих в состав Сибирского федерального округа, за исключением Республики Хакасии [7], является закрепление должности уполномоченного по правам человека в конституциях (уставах) субъектов Федерации. В этих основных документах наблюдаются различия в практике учреждения должности уполномоченного по правам человека. Наиболее распространено введение отдельного положения об учреждении данной должности в регионе. В формате отдельной статьи данная практика присутствует в Республике Тыва, Иркутской, Кемеровской, Омской, Новосибирской областях и Краснояр-

ском крае. На этом фоне выделяется Алтайский край, в уставе которого данная должность учреждается п. 1-1 ст. 15, посвященной вопросам юридической защиты прав граждан. В четырех вышеперечисленных субъектах (Иркутской, Кемеровской, Новосибирской областях, Красноярском крае) упоминание уполномоченного также присутствует и в разделах, утверждающих список органов государственной власти региона [8–14]. В основных документах Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской областей, Красноярского края и Республики Тывы уполномоченный упоминается в контексте полномочий законодательных органов власти субъектов. В конституциях (уставах) некоторых из этих субъектов отдельно выделяются полномочия данных органов по принятию нормативных правовых актов, регулирующих институт уполномоченного по правам человека.

В этом отношении выделяются Томская область и Республика Алтай, в уставе и конституции которых, как и в Конституции Российской Федерации, единственным упоминанием данного института в основном документе является отнесение избрания уполномоченного к полномочиям законодательных органов власти [15, 16]. Среди всех субъектов Сибирского федерального округа можно выделить Иркутскую область и Красноярский край, уставы которых содержат отдельные главы, посвященные данным институтам. Глава 16 Устава Иркутской области характеризуется наиболее подробным регулированием статуса уполномоченного [12]. Глава 8 Устава Красноярского края менее информативна, но она содержит ряд положений, нехарактерных для основных документов других субъектов [14].

Важным аспектом полномочий уполномоченного по правам человека в регионах является закрепленная федеральным законодательством возможность предоставлять уполномоченному по правам человека права в регионе законодательной инициативы. В Сибирском федеральном округе данной возможностью воспользовались пять регионов, закрепив статус субъекта права законодательной инициативы в своих уставах. Существуют два подхода к предоставлению права законодательной инициативы уполномоченному по правам человека. Первый подразумевает закрепление данного права без ограничений тематики законопроектов, такой под-

ход представлен в Кемеровской и Томской областях [9; 15]. Второй подход предусматривает ограничение права законодательной инициативы профильной сферы деятельности уполномоченного по правам человека, он применяется в Иркутской области, Алтайском крае и Республике Тыва [8, 12, 13].

Федеральное законодательство лимитирует максимальный срок полномочий регионального уполномоченного, составляющий 5 лет, и не позволяет занимать данную должность более двух лет подряд. Минимальный возраст для занятия данной должности составляет 30 лет, однако регионам позволяется увеличивать данный возраст до 35 лет включительно. На практике в сибирских регионах, за исключением Алтайского края (здесь установлен минимальный возраст 35 лет), минимальный возраст для лица, желающего занять данную должность, составляет 30 лет [17]. Также по отношению к кандидату и будущему уполномоченному выдвигается ряд критериев, содержащих как общие требования для представителей органов государственной власти (отсутствие иностранного гражданства или вида на жительство, отсутствие любых источников дохода, за исключением общего списка исключений, отсутствие конфликта интересов и запрета на занятие других государственных или муниципальных должностей), так и специфичные для уполномоченного по правам человека (прекращение членства в политических партиях на период исполнения полномочий, наличие высшего образования, знаний в области прав и свобод человека и опыта правозащитной деятельности). В дополнение к этим положениям федеральный закон об уполномоченных позволяет регионам вводить требование постоянного проживания на территории этого субъекта Федерации для человека, занимающего должность уполномоченного [6]. Данная возможность используется во всех законах об уполномоченных регионов Сибирского федерального округа.

Предписываемая федеральным законодательством процедура избрания уполномоченного подразумевает, что после выдвижения законодательным органом власти кандидат должен быть утвержден Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, при этом регионы вправе добавить требование утверждения кандидатуры в органах власти субъекта. Также федеральным

законодателем был утвержден список субъектов выдвижения, исходя из которого регионы формируют свой список субъектов выдвижения. В него вошли глава субъекта Федерации, депутаты законодательного органа власти, включая группы депутатов и фракции, местное самоуправление, и профильные некоммерческие организации (НКО), также регионам дозволяется включать другие органы власти и организации. Кандидатура, утвержденная Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, должна будет получить большинство голосов депутатов [6].

Общим для всех регионов Сибири решением является наделение главы региона правом выдвижения кандидатуры. В Кемеровской, Омской областях и Республике Тыва данное право имеется только у главы региона [18–20]. Наиболее распространенной практикой является наделение этим правом органов местного самоуправления. Эта норма содержится в законодательстве пяти регионов (Алтайского и Красноярского краев, Иркутской и Новосибирской областей, Республики Алтай) [17, 21–24]. Также распространена практика предоставления этого права Общественной палате региона и фракциям в законодательных органах власти (Иркутская и Новосибирские области, Красноярский край, Республика Хакасия) [21–23, 25]. Только в четырех субъектах Федерации правом выдвижения кандидатуры наделен каждый депутат в отдельности (Алтайский и Красноярский края, Новосибирская область и Республика Алтай), еще в трех регионах данное право закреплено лишь за группой депутатов. К этим регионам относятся Иркутская и Томская области, где группа депутатов должна состоять из не менее 1/3 штатной численности депутатов, а также Республика Хакасия, где для выдвижения кандидата необходимо сформировать группу не менее чем из трех депутатов [17, 21–23, 25, 26]. Отдельным правом выдвижения в Томской области наделен председатель Законодательной думы области [26]. Выделяется и Алтайский край, где данное право предоставлено всем депутатским объединениям, включая комитеты и комиссии [17].

В двух регионах Сибирского федерального округа предусмотрены дополнительные предварительные процедуры согласования. В Алтайском крае законодательство содержит требование проведения консультаций с правительством края по вопросам кан-

дидатур на данную должность [17]. Но особенно в этом вопросе выделяется Красноярский край, законодательство которого устанавливает процедуру отбора кандидатуры уполномоченного перед направлением ее на согласование с Уполномоченным по правам человека в РФ. Данная процедура фактически повторяет существующую раньше процедуру назначения уполномоченного законодательным собранием [27], адаптированную под требования федерального законодательства. В рамках этой процедуры законодательное собрание проводит тайное голосование по бюллетеням, в которых представлены все кандидаты на данный пост. При наличии более двух кандидатов по усмотрению законодательного собрания голосование проходит в два тура. В рамках первого тура каждый депутат обладает неограниченным количеством голосов, по результатам которого определяются два кандидата, прошедших во второй тур. Во втором туре каждый депутат обладает одним голосом, который он может отдать за одного кандидата. При этом вне зависимости от того, как проходит голосование, каждому кандидату перед голосованием предоставляется возможность выступить перед депутатами. По итогам голосования определяется единственная кандидатура, получившая большинство голосов депутатов, составляющее не менее 1/2 от установленного числа депутатов, отправляемая на согласование Уполномоченному по правам человека в РФ. Если ни один кандидат не набрал 1/2 голосов, то все кандидатуры отклоняются, а процедура выдвижения кандидатов начинается заново [21].

В вопросе подготовки и направления доклада уполномоченного по правам человека федеральное законодательство в значительной степени стандартизировано. Введено требование обязательного предоставления ежегодного доклада не позднее трех месяцев после окончания года. Данный доклад должен направляться законодательному органу власти, главе региона, председателю областного или краевого суда, верховного суда республики, прокурору региона и Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации. Этот список не исчерпывающий и может дополняться региональным законодательством. Уполномоченный обязан лично предоставить доклад на заседание законодательного органа власти региона. Уполномоченный также наделяется правом направлять

доклады по отдельным вопросам нарушения отдельных прав и свобод, которые не обязательно предоставлять на заседание региональных парламентов, перечень обязательных адресатов не устанавливается. Однако оба этих доклада обязательны к публикации в сети Интернет, при этом требования публикации в печатных средствах массовой информации остаются на усмотрение регионов [6].

Исходя из этого, можно выделить некоторые аспекты законодательства, отданные на регулирование региональным законодателям. Первым аспектом является перечень органов государственной власти, которым направляется доклад. Здесь можно выделить Иркутскую область, где ежегодные доклады направляются руководителю Следственного комитета и начальнику Главного управления МВД по области, а также Общественную палату региона, и Новосибирскую область, где доклад направляется в Общественную палату области. Другой особенностью Новосибирской области в этом аспекте является закрепление адресатов докладов по отдельным нарушениям прав человека, к которым, кроме Законодательного собрания и губернатора области, отнесены Общественная палата региона и федеральный уполномоченный по правам человека [22, 23]. Вторым аспектом выступает регулирование требований и возможности публикации докладов, издаваемых уполномоченными, в печатных СМИ. Обязанность публиковать доклады уполномоченных в печатных СМИ закреплена только в Иркутской и Новосибирской областях, Алтайском крае. Среди этих трех регионов выделяется Новосибирская область, в которой обязательной публикации в печатных СМИ подлежат только ежегодные доклады, тогда как возможность публикации докладов по отдельным нарушениям прав человека в печатных СМИ не упоминается [17, 22, 23]. В оставшихся двух регионах обязательной публикации в СМИ подлежат все доклады. Также встречается и обратная ситуация, когда возможность публикации любых докладов в печатных СМИ отсутствует в региональном законодательстве. Данные положения существуют в законодательстве Красноярского края и Республики Хакасия [21, 25]. Однако наиболее распространенным вариантом остается закрепление возможности публикации в печатных СМИ, существующее в законодательствах Кемеровской, Омской, Томской областей и республик Тыва и Алтай [18–20, 24, 26].

Региональные парламентарии рассмотрели в федеральном законодательстве два других аспекта регулирования докладов уполномоченного по правам человека. Законодатели Томской области посчитали необходимым уточнить сроки направления ежегодного доклада уполномоченного, установив, что данный доклад направляется адресатам в марте [26].

Другим аспектом регулирования является закрепление содержания ежегодного доклада уполномоченного по правам человека. Данные положения содержатся в законодательствах Новосибирской и Томской областей и Республики Тыва. Общими для них является требование наличия в докладе сведений о количестве обращений, результате их рассмотрения и принятых мерах реагирования, а также выводов и предложений по вопросу обеспечения прав и свобод человека в регионе, однако в остальном законодательство регионов расходятся. Законодатели Новосибирской области и Республики Тыва требуют предоставлять сведения об органах государственной и муниципальной власти, а также отдельных должностных лицах, не принимающих меры по восстановлению и защите прав для выявленных нарушений. В Томской области и Республике Тыва требуют указывать количество проведенных приемов граждан, муниципальный разрез поступивших обращений с указанием тем обращений. Существуют требования, встречающиеся в Сибирском федеральном округе только в конкретных регионах. Так, в Томской области требуют указывать сведения о взаимодействии уполномоченного с органами государственной и муниципальной власти. А в Республике Тыва обязывают указывать сведения о деятельности, направленной на улучшение законодательства в вопросах защиты прав человека [20, 23, 26].

В остальных вопросах, включая вопросы порядка принятия и рассмотрения жалоб, права уполномоченного на принятие мер по защите прав человека, положений об экспертном совете при уполномоченном, региональное законодательство фактически полностью повторяет федеральное законодательство и не различается в зависимости от региона [6].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что на текущем этапе развития института уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации законодательство обладает низ-

кой степенью вариативности и сущностные отличия отмечаются лишь в процессе назначения уполномоченного по правам человека в регионах. Аспекты законодательства, связанные с полномочиями уполномоченного и непосредственно касающиеся его деятельности, в полной мере урегулированы федеральным законодательством и воспроизводятся на региональном уровне.

Источники и литература

1. Волков Н.А. Институт российских уполномоченных по правам человека: история и современность мира // Вестник Кузбасского института. 2016. № 4 (29). С. 136–142.

2. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с. (Серия: Профессиональный комментарий).

3. Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 31.01.2016) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // www.consultant.ru.

4. Федеральный конституционный закон от 06.04.2015 № 3-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации”» // www.consultant.ru.

5. Федеральный закон от 06.04.2015 № 76-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования деятельности уполномоченных по правам человека» //

6. Федеральный закон от 18.03.2020 № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» // www.consultant.ru.

7. Конституция Республики Хакасия от 25.05.1995 // www.consultant.ru.

8. Конституция Республики Тыва от 06.05.2001 // www.consultant.ru.

9. Устав Кемеровской области – Кузбасса от 05.06.1997 // www.consultant.ru.
10. Устав Новосибирской области от 18.04.2005 // www.consultant.ru.
11. Устав (Основной Закон) Омской области от 26.12.1995 // www.consultant.ru.
12. Устав Иркутской области от 17.04.2009 // www.consultant.ru.
13. Устав Алтайского края от 05.06.1995 // www.consultant.ru.
14. Устав Красноярского края от 05.06.2008 // www.consultant.ru.
15. Устав (Основной Закон) Томской области от 26.07.1995 // Законодательная Дума Томской области www.consultant.ru.
16. Конституция Республики Алтай (Основной Закон) от 07.06.1997 // www.consultant.ru.
17. Об Уполномоченном по правам человека в Алтайском крае : Закон Алтайского края от 15.10.2020 № 67-ЗС // www.consultant.ru.
18. Об уполномоченном по правам человека в Кемеровской области – Кузбассе : Закон Кемеровской области – Кузбасса от 20.11.2020 № 131-ОЗ // www.consultant.ru.
19. Об Уполномоченном Омской области по правам человека : Закон Омской области от 06.06.2007 № 921-оз // www.consultant.ru.
20. Об Уполномоченном по правам человека в Республике Тыва : Конституционный закон Республики Тыва от 20.10.2020 № 45-КЗРТ // www.consultant.ru.
21. Об Уполномоченном по правам человека в Красноярском крае : Уставный Закон Красноярского края от 16.06.2016 № 10-4679 // www.consultant.ru.
22. Об уполномоченном по правам человека в Иркутской области : Закон Иркутской области от 02.04.2021 № 23-ОЗ // www.consultant.ru.
23. Об Уполномоченном по правам человека в Новосибирской области : Закон Новосибирской области от 14.07.2020 № 499-ОЗ // www.consultant.ru.

24. Об Уполномоченном по правам человека в Республике Алтай : Закон Республики Алтай от 15.10.2021 № 54-РЗ // www.consultant.ru.

25. Об Уполномоченном по правам человека в Республике Хакасия : Закон Республики Хакасия от 09.07.2010 № 63-ЗРХ // www.consultant.ru.

26. Об Уполномоченном по правам человека в Томской области : Закон Томской области от 9 августа 2005 г. № 118-ОЗ // www.consultant.ru.

27. Об Уполномоченном по правам человека в Красноярском крае : Закон Красноярского края от 25.10.2007 № 3-626 // www.consultant.ru (Утратил силу).

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ
ПРОКУРОРСКИХ РАБОТНИКОВ В СОВРЕМЕННЫХ
УСЛОВИЯХ**

***Аннотация.** Статья посвящена такому вопросу деятельности органов прокуратуры, как формирование профессионального правосознания прокурорских работников. Рассмотрены действующие правовые акты в сфере профессиональной, психологической и патриотической работы органов прокуратуры, а также методы и формы ее осуществления. Предложены способы совершенствования профессионального, психологического и патриотического воспитания прокурорских работников.*

***Ключевые слова:** правосознание, прокуратура, Генеральный прокурор Российской Федерации.*

**FEATURES OF THE FORMATION OF PROFESSIONAL
LEGAL AWARENESS OF PROSECUTORS IN MODERN
CONDITIONS**

***Abstract.** The article is devoted to such a question of the activity of the prosecutor's office, as the formation of professional legal awareness of prose-*

* **Макаров Даниил Андреевич**, студент 4-го курса Иркутский юридический институт (филиал), Университет прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия.

Научный руководитель: **Евдокимов Константин Николаевич**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия.

Makarov Daniil Andreevich, 4th Year Student of Irkutsk Law Institute (Branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.

Scientific supervisor: **Evdokimov Konstantin Nikolaevich**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of Irkutsk Law Institute (Branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.

cutorial staff. The current legal acts in the field of professional, psychological and patriotic work of the prosecutor's office, as well as methods and forms of its implementation are considered. The ways of improving the professional, psychological and patriotic education of prosecutors are proposed.

Keywords: *legal awareness, prosecutor's office, Prosecutor General of the Russian Federation.*

Правосознание принято определять как «одну из форм общественного сознания, которая отражает общественные отношения, урегулированные нормами права, и содержание которых детерминировано условиями существования общества на определенном этапе» [6, с. 141]. Применительно к правосознанию прокурорских работников отсутствует его единообразное понимание. Безусловно, данный факт вызывает определенные трудности по разработке рекомендаций в целях совершенствования механизма воспитательной работы среди прокурорских работников, а опосредованно – трудности в обеспечении защиты прав человека.

Надо отметить, что к прокурорским работникам на сегодняшний день предъявляются серьезные требования относительно уровня их профессионального правосознания, поскольку Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» на прокуратуру возложена одна из важнейших внутренних функций государства – «обеспечение верховенства закона, единство и укрепление законности, защита прав и свобод человека и гражданина» [1].

Неразрывно с правосознанием связан такой термин, как «правовая активность». Данное явление принято определять как «позитивное правовое поведение в целях формирования единого правового пространства, укрепления законности и правопорядка» [8]. Следовательно, только наличие достаточного уровня правосознания гарантирует высокий уровень правовой активности, так как грамотный прокурорский работник будет осуществлять служебную деятельность добросовестно, ориентируя на это и своих коллег, и граждан, обращающихся в прокуратуру, и работников поднадзорных ему организаций (путем применения мер прокурорского реагирования в целях устранения нарушений).

Актуальность темы исследования подтверждается тем, что Генеральным прокурором Российской Федерации (далее – ГП РФ)

был издан приказ ГП РФ от 14.09.2022 г. № 510 «Об утверждении концепции совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации», описывающий цели и задачи воспитательной деятельности, а также методы ее осуществления [3].

Так, п. 1.4 данного приказа говорит о том, что «объектами государственно-патриотического воспитания являются не только работники органов прокуратуры, но также и студенты, обучающиеся по договорам о целевом обучении с органами прокуратуры Российской Федерации в институтах прокуратуры Российской Федерации (в частности, в Университете прокуратуры Российской Федерации, юридических институтах (филиалах) Университета прокуратуры Российской Федерации)». В связи с этим приказом ректора Университета прокуратуры Российской Федерации от 28.02.2023 № 88 был утвержден Кодекс этики студента федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», имеющий главной целью «подготовку для органов и организаций прокуратуры Российской Федерации высококвалифицированных кадров, способных адаптироваться в трудовых коллективах и эффективно выполнять свои профессиональные обязанности» [5].

В связи со всем вышесказанным обратим внимание на то, что среди форм воспитательного процесса, используемых в системе прокуратуры Российской Федерации, применяются следующие: «правовая пропаганда; правовое обучение; организованная юридическая практика» [7].

Помимо лекций, семинаров и круглых столов, посвященных проблемным вопросам правоприменительной практики, работники органов прокуратуры повышают свою правовую культуру также путем изучения письменных источников правовой информации (информационных писем, методических рекомендаций, обзоров правоприменительной практики, обзоров изменений законодательства, обобщений прокурорской практики и передового опыта работы, официальных источников опубликования нормативных правовых актов «Российская газета», «Парламентская газета», «Собрание законодательства Российской Федерации», обзоров судебной прак-

тики «Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации», журналов «Законность», «Прокурор», «Уголовное право»).

Широко практикуются так называемые средства правового самовоспитания работников органов прокуратуры, суть которых заключается в направлении работникам нижестоящих прокуратур теоретических и практических вопросов, ответы на которые направляются в вышестоящую прокуратуру. На основе исследования выполненных заданий издаются информационные письма с анализом допущенных ошибок при выполнении подобных заданий.

Правовое обучение заключается в проведении аттестации прокурорских работников для определения соответствия их занимаемой должности, а также в целях повышения квалификации, укрепления служебной дисциплины. Кроме того, в соответствии с приказом ГП РФ от 22.12.2021 г. № 774 «О системе подготовки кадров, дополнительного профессионального образования работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» прокурорские работники регулярно проходят курсы повышения квалификации со сдачей экзаменов [4].

Необходимо подчеркнуть, что в условиях нынешней информатизации повышение индивидуальной квалификации выступает важным институтом правового воспитания, так как влияет на скорость реакции законодателя на изменяющиеся социальные процессы в обществе (на принятие новых правовых актов). Так, если работник умеет эффективно работать с информационными системами, ему не нужно, как если бы было иначе, посвящать значительную часть своего рабочего времени техническим аспектам работы, и он может больше времени уделять изучению законодательства и правоприменительной практики.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на повышение квалификации, направленное на улучшение навыков работы со специализированными информационными системами (в частности, с автоматизированным информационным комплексом (АИК) «НАДЗОР»). Так, еще в 2019 г. бывшим Генеральным прокурором Российской Федерации Ю. Я. Чайкой уделялось пристальное внимание внедрению электронного документооборота. Он подчеркивал, что «в качестве одного из путей повышения эффективности органов прокуратуры выступает изменение отношения самих слу-

жащих к электронным платформам» [9]. Однако в настоящий момент еще не созданы все необходимые условия для такой трансформации. Помимо использования в органах прокуратуры системы АИК «Надзор-web», а также Системы межведомственного электронного взаимодействия, необходим перевод в электронную сферу баз данных и переписки поднадзорных организаций, граждан, организаций частного сектора. Например, работы по созданию электронного уголовного дела и электронного правосудия по уголовным делам или по делам об административных правонарушениях даже не начаты.

Вместе с тем формирование современного и комфортного в использовании механизма станет значительным достижением на пути внедрения электронного документооборота.

Кроме того, хотелось бы отметить, что в целях улучшения профессиональных, деловых и личных качеств прокурорского работника был издан приказ ГП РФ от 17.03.2010 г. № 114, которым утверждены и введены в действие Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепция воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации [2], формами реализации которой являются семинары, лекции, доклады и их обсуждение, индивидуально-воспитательные беседы, наставничество, самообразование. Также в этом приказе выделяются направления воспитательного процесса: профессиональное, историко-патриотическое, психологическое.

Можем заметить, что положения Концепции совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации заимствуют нормы из приказа ГП РФ от 17.03.2010 г. № 114. В связи с чем считаем более целесообразным предусмотреть издание отдельного организационно-распорядительного документа ГП РФ, включающего и патриотические меры воспитания, и профессиональные (т. е. содержащего положения о способах повышения профессионального правосознания), чтобы избежать излишнего дублирования.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, хотелось бы подчеркнуть, что прокурорская деятельность предполагает активную творческую роль правосознания субъекта – прокурорского работника. В широком смысле творческий аспект проявляется в изу-

чении и применении нужных правовых норм, а в узком смысле – в подготовке актов прокурорского реагирования. Однако существующие проблемы, описанные выше, создают препятствия реализации прокурором своей правовой активности. Вследствие этого необходимо модернизировать информационное пространство в органах прокуратуры, что позволит эффективно осуществлять профессиональную деятельность; унифицировать ведомственные приказы ГП РФ путем создания единого акта, включающего патриотическое, профессиональное и психологическое воспитание.

Источники и литература

1. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // www.consultant.ru

2. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.03.2010 г. № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации» [в редакции от 16 сентября 2020 года] // www.consultant.ru

3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2022 № 510 «Об утверждении концепции совершенствования системы государственно-патриотического воспитания в прокуратуре Российской Федерации» // www.consultant.ru

4. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 22.12.2021 г. № 774 «О системе подготовки кадров, дополнительного профессионального образования работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» // www.consultant.ru

5. Приказ ректора Университета прокуратуры Российской Федерации от 28.02.2023 «Кодекс этики студента федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации» // www.consultant.ru

6. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4 / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М. : Русская книга. – 1994. – С. 624.

7. Исаев И.Д. Особенности формирования профессионального правосознания прокурорских работников в современных условиях / И. Д. Исаев // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 22. – С. 520–529.

8. Теория государства и права : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «Юриспруденция» / Н.И. Матузов, А.В. Малько ; Саратовский филиал ИГиП РАН. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2007. – С. 540.

9. Чайка поставил задачи для перехода работы прокуроров на цифровые технологии // URL: <https://tass.ru/obschestvo/4673193> (дата обращения: 22.04.2023).

IV. ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ВЗГЛЯД МОЛОДОГО УЧЕНОГО

*Елизавета Андреевна Юдина**

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_257

ПРАВОВОЙ ОБЫЧАЙ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ АФРИКАНСКИХ СТРАН)

Аннотация. Рассматривается понятие правового обычая, основные подходы к его определению. Дается характеристика основных институтов африканского обычного права. Приводится критика обычного права, предпринимается попытка ее опровержения. Анализируется действующий при обычном праве порядок управления и отправления правосудия. Делается вывод о сложности обычного права и важности его существования в тех обществах, в которых оно утвердилось.

Ключевые слова: обычное право, право африканских стран, кодексы обычного права, община, вождь.

LEGAL CUSTOM: THE ORIGIN AND FEATURES OF THE ACTION (USING THE EXAMPLE OF AFRICAN STATES)

* **Елизавета Андреевна Юдина**, студент 3-го курса (уровень бакалавриата), Юридический институт Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королёва, г. Самара, Россия.

Научный руководитель: **Спирин Михаил Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент, Юридический институт Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королёва, г. Самара, Россия.

Yudina Elizaveta Andreevna, 3rd Year Student (Bachelor's Level), Law Institute of Named After S.P. Korolyov Samara National Research University, Samara, Russia.

Scientific supervisor: **Spirin Mikhail Yurievich**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Law Institute of Named After S.P. Korolyov Samara National Research University, Samara, Russia.

Abstract. *The article discusses the concept of legal custom, the main approaches to its definition. The main institutions of African customary law are characterized. A criticism of customary law is presented and an attempt is made to refute it. The order of administration and administration of justice in force under customary law is analyzed. The conclusion about the complexity of customary law and the importance of its existence in those societies in which it has established itself is made.*

Keywords: *customary law, law of African states, codes of customary law, community, leader.*

Обычное право – совокупность установившихся в силу постоянного применения и вошедших в привычку правил поведения в случае санкционирования их субъектами государственной власти [1, с. 181]. Существуют различные концепции возникновения правового обычая [2, с. 13–15]. Одни ученые обуславливают его появление возникновением так называемых «мононорм» первобытного общества, становлением «человека юридического» [3, с. 104–105], другие – санкционированием существовавших обычаев органами государственной власти [4, с. 69]. Эти теории построены на оценке роли государства в возникновении права. Однако сама сущность права как социального регулятора, поддерживаемого силой государственного принуждения, указывает на правильность второй теории. Правовой обычай возникает тогда, когда принятый образ действий подтверждается государством и получает его защиту. Отсюда видна несостоятельность используемых иногда для характеристики обычного права терминов: «примитивное», «раннее», «племенное», «народное право», «до-право». Обычное право как раз и отличается от социального обычая тем, что его (пусть и традиционные) нормы санкционированы государством [12, с. 10].

Правовой обычай действует сегодня в той или иной сфере во многих государствах: в гражданском праве России, в парламентской и административной практике европейских стран [6, с. 135]. Наиболее яркой иллюстрацией современного обычного права является право африканских стран, поэтому целесообразно рассмотрение правового обычая на их примере. Именно оно придает их правовым системам значительное своеобразие и позволяет выделить в отдельную группу на юридической карте современного мира.

О важности изучения обычного права свидетельствуют проводившиеся в советское время социологические исследования, согласно которым 90 % населения Африки следует нормам обычного гражданского права [6, с. 6]. В Нигерии около 90 % объема нагрузки судов первой инстанции выполняется более чем 15 тысячами судов обычного права. В Заире традиционные суды рассматривают около 400 тысяч дел в год [16, с. 26].

Повышение внимания к обычному праву вызвало даже появление новой отрасли правоведения – «юридической антропологии», которая изучает правовое бытие человека на всех стадиях развития этого бытия – от архаических до современных и основывается на принципе познания взаимодействия традиционных и современных правовых систем [3, с. 23]. Конечно, она не вошла еще в правовой обиход, и ее существование является спорным, но сама попытка выделения исследований в данной области в отдельную группу представляет несомненный интерес.

Поскольку обычное право носит в основном устный характер, предпринимаются попытки систематизации обычно-правовых норм для удобства применения его лицами, не знакомыми с обычным правом. За последние столетия были составлены так называемые кодексы обычного права, однако именно кодексами их можно назвать лишь условно, так как кодифицировать обычное право невозможно, это противоречит его природе. Поэтому эти «кодексы» носят, как правило, квазиофициальный или учебный характер; реже они возведены в ранг официальных источников права. Как подчеркивается в литературе [5, с. 124], создание кодексов обычного права является средством, а не целью.

Специфика обычного права видна при рассмотрении его основных институтов. Проследим ее на примере семейных, имущественных и наследственных отношений.

Брак в обычном праве рассматривается главным образом как договор между семьями. Отношения между супругами, вытекающие из этого соглашения, являются производными. Существует и такой вид договора о браке, как «обмен женщинами», по которому мужчина отдает замуж младшую сестру и получает взамен женщину от другой стороны. Эта процедура осуществляется в рамках сложной системы обязательств между семьями; она произво-

дится в строгом соответствии с нормами обычного права, поэтому необходимо обращение за разъяснениями к местным вождям. Сыновья, рожденные в таких браках, имеют особый, привилегированный статус: они часто становятся вождями или занимают другие высшие должности [5, с. 86].

Обычно-правовой брак имеет четыре главные формы: 1) уплата брачного выкупа; 2) тайное бегство (похищение невесты, умыкание); 3) брак, предваряемый разводом с прежним мужем; 4) наследование вдовы (левират) (ст. 1 Кодекса матримониального права бали Западного Камеруна [12, с. 122–260]). Иногда выделяется такая форма брака, как «отработка», которая фактически является разновидностью брачного выкупа. Она заключается в том, что жених переселяется в дом невесты и живет в нем до тех пор, пока не отработает «цену» невесты [13, с. 74]. Четко установленного брачного возраста не существует (ст. 3 указанного Кодекса).

Распространена полигамия, т. е. многобрачие, а именно самая распространенная ее форма – многоженство (ст. 14 Кодекса). Известен институт помолвки (ст. 53 Кодекса). Препятствиями к вступлению в брак являются: малолетство лица, близкая степень родства, нахождение в браке на основании писаного права (ст. 3–16 Кодекса), в ряде случаев – нахождение семей, вступающих в брак, в состоянии вражды.

Существенным условием заключения брака выступает уплата брачного выкупа (ст. 93 Кодекса). Этот обычай был установлен в целях гарантии устойчивости брака и отношений между семьями. Также выкуп призван обеспечивать баланс положения семей: с уходом дочери из семьи отца его семья ослабевает, и выкуп призван компенсировать это; семья мужа, напротив, пополняется с приходом жены, становится полнее и сильнее с рождением детей [13, с. 57]. Брачный выкуп уплачивается деньгами, поэтому его следует отличать от прочих даров, которые могут быть сделаны в натуральной форме (продукты, скот и т. д.) (ст. 79 Кодекса). Брачный выкуп определяет принадлежность детей мужу: если он уплачен не был, то дети принадлежат семье жены (ст. 77 Кодекса). Как правило, брачный выкуп предоставляется жениху его отцом, но если первый вел себя неуважительно, проявлял систематическое неповиновение или отрекался от отца, то отец брачный выкуп ему

не предоставляет (ст. 86–89 Кодекса). Необходимо взаимное согласие мужчины и женщины на вступление в брак. Если выяснится, что согласие вступающих в брак отсутствовало, такой брак может быть признан недействительным (ст. 32 Кодекса). Ранее нужно было также согласие родителей, в настоящее время оно является желательным, но не обязательным условием. Однако, поскольку достижение согласия о брачном выкупе является необходимым условием вступления в брак, а оно достигается родителями, то фактически согласие родителей все-таки требуется.

Объектами *права собственности* выступают земля (в том числе дома, постройки, плантации), скот, движимое имущество и т. д. Вся земля в большинстве племен рассматривается как собственность верховного вождя (ст. 1 Кодекса обычного права наследования и распоряжения хозяйством свази [12, с. 151–173]). Права на землю принадлежат коллективам – общинам и семьям. В семье землей распоряжается ее глава, который выделяет участки внутри домохозяйства членам семьи. Право собственности, таким образом, объясняется у африканских племен на основе системы «трех кругов статусности», которая сводится к следующей формуле: «Мотыга моя, поскольку я обрабатываю ею поле; само поле является собственностью моей семьи; а пастбище и лес – собственность моего племени» [3, с. 250].

Многим племенам неизвестен договор купли-продажи земли. Не может быть также произведен заклад земли и урожая. Может заключаться договор найма, дающий возможность какому-либо лицу занять и использовать землю в любых целях (ст. 3 Кодекса обычного права).

Право на землю утрачивается при: добровольном переходе главы семьи на территорию другого вождя, изгнании главы семьи вождем и смерти главы семьи (ст. 4 Кодекса обычного права).

Выделяется отдельная категория собственности – собственность тронов [13, с. 153–155], означающая историческую принадлежность собственности предкам и, вследствие этого, особый характер пользования и распоряжения ею. К способам приобретения тронной собственности относятся: вольная заимка, длительное фактическое владение, военный захват, конфискация у правонару-

шителей, покупка, дарение, наследование. Эта категория собственности – главенствующая по отношению к другим ее видам.

Наследование – традиционная сфера, регулируемая обычным правом. В основном является патрилинейным. Старший сын получает большую долю в хозяйстве. Дочери, как правило, не наследуют. Вдовы также не имеют прав на наследство, но получают право пользования землей при их проживании с наследниками.

При отсутствии сыновей выделяются следующие очереди наследования (каждая очередь исключает последующую): 1) младший брат; 2) старший сын младшего брата; 3) младший брат, следующий по старшинству; 4) старшие братья; 5) старший сын старшего брата; 6) старший агнатный родственник-мужчина; 7) старший внук; 8) старший сын старшей замужней сестры; 9) старший внучатый племянник старшей замужней сестры; 10) старшие сыновья других замужних сестер; 11) старший сын покойного племянника; 12) дети мужского пола сестер отца покойного. Если указанных очередей нет, то жена может наследовать покойному, но при условии перехода ее в дом своего отца, который будет управлять собственностью (п. 1 ст. Е 3 Кодекса обычного права наследования и распоряжения хозяйством свази).

В состав наследства входят: имущество и имущественные права; земельные права; скот; движимое имущество; «современная движимая собственность»; иски, вытекающие из договоров и правонарушений. Наследуются также опека над неспособными и традиционные должности (п. 3 ст. Е 3).

Наследники назначаются советом агнатов (п. 3 ст. Е 4). До тех пор, пока наследники не будут избраны, хозяйством управляет старший из младших братьев покойного – управитель хозяйства (п. 4 ст. Е 4).

В африканском обычном праве существует и наследование по завещанию. В ряде племен завещание может быть сделано только в отношении жен и не может быть сделано в пользу детей (п. 2 ст. Е 6). Для завещания иногда требуется достижение определенного возраста – например, 21 года.

Завещание может быть двух видов: устное и письменное (раздел «Завещание» Кодекса обычного права Танганьики [12, с. 227–260]). Завещание обязательно удостоверяется свидетелями,

избираемыми завещателем самостоятельно. Причем ими не могут быть наследники, т. е. они должны быть лицами, не заинтересованными в этом деле (за исключением жены завещателя). Завещание может быть признано недействительным, если оно было составлено в помешательстве, болезни, опьянении или «неожиданной ярости». Устное завещание должно быть засвидетельствовано как минимум четырьмя лицами, из которых не менее двух не являются родственниками завещателя. В нормах о письменном завещании присутствуют некоторые архаические формулировки. Так, указано, что оно не может быть написано мягким карандашом: оно должно быть либо напечатано, либо написано чернильной ручкой. Завещание должно быть датировано. Письменное завещание должно быть засвидетельствовано как минимум двумя свидетелями, а если завещатель неграмотен, то четырьмя. В последнем случае завещатель должен поставить на завещании отпечаток большого пальца правой руки.

Рассмотрев основные институты, регулируемые обычным правом, можно прийти к выводу о том, что, несмотря на архаичность большинства из них, четко прослеживаются такие важные идеи, как необходимость сохранения хозяйства, социальное равенство, важность семьи.

Ряд авторов отстаивает идею о бесперспективности африканского обычного права. Они видят дальнейшее развитие обычного права в современной Африке по двум альтернативным путям: либо 1) полная утрата его значения с возможностью отказа от применения его норм, либо 2) его постепенная интеграция в систему действующего законодательства [7, с. 45]. Приводится точка зрения африканских юристов о том, что использование обычного права – это пренебрежение колонизаторов принципом законности. Кроме того, в обоснование своей позиции они приводят следующие последствия реализации обычного права: партикулярная раздробленность социально-экономических отношений, социальное неравенство, закрепление архаических институтов и препятствие к развитию новых. Ученые, придерживающиеся данной точки зрения, одной из основных задач видят в «консолидации различных параллельных элементов правовой системы и создании системы источ-

ников, соотношение которых определялось бы только по вертикали» [7, с. 45].

Другими авторами подчеркивается, что обычное право не несет в себе никакого прогрессивного движения и оно «тормозит и сковывает политико-правовое и духовное развитие африканских народов» [15]. Они видят причины упадка обычного права в том числе в убыстрении процессов миграции населения в города, неопределенности и расплывчатости обычно-правовых норм и т. д. В целях решения проблемы интеграции обычного права ими предлагается создание «кодексов обычного права» и другие пути, например принятие подзаконных актов местными органами власти либо издание закона. Однако даже авторы, выступающие против обычного права, отмечают, что «в ряде сфер социальной жизни юридическая эффективность обычного права все еще остается достаточно высокой» [16, с. 100].

Приведенные критические замечания являются крайне сомнительными прежде всего потому, что подавляющее большинство африканского населения живет по нормам обычного права и их исчезновение негативно отразится на нем, лишит жителей Африки правовой опоры. Спорным представляется довод о том, что так называемая кодификация обычаев решит проблему их несовершенства. Во-первых, содержание обычаев, критикуемых авторами (социальное неравенство, архаические институты и т. д.), все равно останется – будут ли они передаваться устно или их закрепят на бумаге. Во-вторых, облечение обычаев в письменную форму не превратит их автоматически в закон. Так, в системе общего права также составляются «сборники судебной практики», но это не делает их нормативными правовыми актами. В-третьих, учеными обоснованно отмечается настороженность, с которой нужно относиться к кодификациям обычаев: «Образующийся в результате кодификации текст, становясь автономным, начинает жить своей жизнью, отличной от описанных в нем отношений, перестает быть частью живой традиции...» [8, с. 243]. Нельзя также согласиться с тем, что обычное право не является отражением африканской самобытности. Оно применяется на протяжении чуть ли не всей африканской истории, выстояло в эпоху колониальной зависимости и продолжает эффективно обеспечивать интересы населения.

Гораздо более обоснованной представляется позиция, согласно которой обычное право должно использоваться в той мере, в которой этого требует население [10, с. 197]. Объяснением этому служит тот факт, что роль обычного права в разных странах Африки различна. Например, в ЮАР субъекты государственной власти сознательно санкционируют нормы обычного права, хотя они уже давно утратили свое значение среди населения, большинство которого проживает в городах.

Это, однако, не означает, что нужно идеализировать обычное право. Ряд его институтов, действительно, являются архаическими и чуждыми современному человеку. Но они, как правило, сами отмирают и утрачивают свое значение. Поэтому правильным будет предоставить решение вопроса об обычном праве самим жителям Африки. Пока оно ими применяется и доказывает свою эффективность, то и смысла что-либо менять нет.

В неразрывной связи с обычным правом находится *порядок управления и отправления правосудия* в тех африканских странах, где действует правовой обычай. Доминирующее положение в общине занимает вождь – должностное лицо, осуществляющее функции управления общиной и стоящее по статусу выше всех остальных. Нельзя сказать, что это должностное лицо утратило значение в современности: в сельской местности местные вожди до сих пор играют значительную роль. С обретением африканскими странами независимости их статус только укрепился. Но это не значит, что данный институт не претерпел никаких изменений с древности. Происходит переход от наследственного приобретения статуса вождя к выборному способу, от неравенства – к отмене привилегий. Сегодня африканские вожди – образованные и всесторонне развитые люди. Крупный исследователь африканского обычного права И.Е. Сеницына, которая работала с первоисточниками как в музеях разных стран, так и «в полевых условиях» в Африке, писала: «На меня смотрят сейчас с портретов Нана Офори Атта I, оманхене Ачем Абуаквы... Буампон Вереку II, оманхене Вассау; Тогби Тетте Дугбаза IV, президент федерации вождей. Их лица передают тонкую работу мысли, духовность, понимание своей общественной роли и умения оценивать окружающий мир. Несомненно, что эти

должностные лица приходят к своим должностям не случайно» [11, с. 86].

Содействие вождю в управлении общиной оказывают, как правило, коллегиальные органы, состоящие из родовой знати. На уровне отдельных семей создаются семейные советы, выполняющие совещательные функции при выделении участков, решающие наследственные вопросы, а также рассматривающие тяжбы в семье по поводу земли. Осуществление правосудия местными судами носит традиционный характер – применяются ордалии и т. п. Основная задача – не применение правовых норм, разрешение конфликта и определение правых и неправых, а достижение примирения и восстановление гармонии. Выделяется два типа судов: 1) «арбитраж» и 2) суд с соблюдением юридических формальностей [9, с. 336–337]. Первый тип заключается в решении споров выбранными лицами со стороны или путем переговоров (так называемая неюрисдикционная форма). Ко второму типу относятся специально созданные и постоянно функционирующие суды, соблюдающие установленные правила. Они образуют иерархию от низших инстанций к высшим.

Таким образом, обычное право – сложное (несмотря на внешнюю простоту) и в то же время крайне интересное явление [14]. Оно является неотъемлемым компонентом жизни африканцев и придает праву Африки неповторимое своеобразие и оригинальность. Пройдя проверку временем (ведь обычно-правовые нормы действуют с древности), африканское обычное право прочно утвердилось на юридической карте мира. В нем отражается национальная самобытность африканских народов, сумевших освободиться от колониальной зависимости.

Источники и литература

1. *Голунский С.А., Строгович М.С.* Теория государства и права. – М. : Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1940. – 304 с.
2. *Зумбулидзе Р.-М.З.* Обычное право как источник гражданского права // Обычай в праве. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 380 с.

3. *Ковлер А.И.* Антропология права. – М. : Норма, 2002. – 467 с.
4. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права : учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.
5. *Муромцев Г.И.* Источники права в развивающихся странах Азии и Африки: система и влияние традиции. – М. : Изд-во Унта дружбы народов, 1987. – 148 с.
6. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х тт. /Под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. – М.: Зерцало, 1998. – 620 с.
7. Право в независимых странах Африки (становление и развитие). – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1969. – 384 с.
8. *Поротиков А.И.* Обычай в гражданском обороте // Обычай в праве : сборник. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 380 с.
9. *Саидов А.Х.* Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности). – М. : Юристь, 2005. – 448 с.
10. *Синицына И.Е.* Танзания. Партия и государство. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1972. – 281 с.
11. *Синицына И.Е.* В мире обычая. – М. : Восточная литература, РАН, 1997. – 143 с.
12. *Синицына И.Е.* Обычай и обычное право в современной Африке. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. – 285 с.
13. *Синицына И.Е.* Человек и семья в Африке. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. – 310 с.
14. *Спирин М.Ю.* Источники и формы обычного права в правовой системе современного общества (на примере России) // Юридический аналитический журнал. – 2012. – № 1–2 (31–32). – С. 5–8.
15. *Сунатаев М.А.* Опыт систематизации норм обычного права в молодых государствах Африки (на примере восточноафриканских стран – Танзании, Кении, Уганды) // Государство и право в развивающихся странах : сборник статей. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1976. – С. 121–139.

16. *Сунатаев М.А.* Обычное право в странах Восточной Африки. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1984. – 117 с.

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_268

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Описываются современные проблемы законодательного регулирования в сфере развития искусственного интеллекта. Раскрываются понятие и признаки искусственного интеллекта. Показывается достигнутый уровень внедрения искусственного интеллекта в жизнь человечества. Автор приходит к выводу, что искусственный интеллект выходит за рамки своей роли помощника для людей и становится самостоятельной потенциально опасной системой, которая требует и правовой регламентации.

Ключевые слова: информационная среда, цифровая сфера, информационные права, искусственный интеллект, объект права.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PROBLEMATIC ISSUES OF LEGAL REGULATION

Abstract. The article describes the current problems of legislative regulation in the field of artificial intelligence development. The concept and features of artificial intelligence are revealed. The achieved level of the introduction of artificial intelligence into the life of mankind is shown. The author con-

* **Бояркина Елизавета Васильевна**, студент 4-го курса (уровень специалитета), Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия.

Научный руководитель: **Самусевич Алексей Геннадьевич**, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия.

Boyarkina Elizaveta Vasilyevna, 4th Year Student (Specialty), Irkutsk Institute (branch) VGUY (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russia.

Scientific supervisor: **Samusevich Alexey Gennadievich**, Candidate of Law Science, Associate Professor, Irkutsk Institute (branch) VGUY (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russia.

cludes that artificial intelligence goes beyond its role as an assistant for people and becomes an independent potentially dangerous system that requires legal regulation.

Key words: *information environment, digital sphere, information rights, artificial intelligence, object of law.*

Актуальность представленной темы обусловлена тем, что искусственный интеллект довольно давно присутствует в нашей жизни, однако до сих пор не имеет четкого законодательного регулирования. Сегодня многие ученые обращают свое внимание на проблемы правового регулирования в цифровой сфере [4; 8, 9]. В силу стремительного развития и достаточно тесной связи с жизнедеятельностью человека искусственный интеллект вызывает все больше дискуссий по поводу его законодательного закрепления. Практика показывает, что искусственный интеллект приобрел способность обучаться, самостоятельно ставить цели и задачи, что вызывает определенную озабоченность специалистов.

Теперь рассматриваемая технология не только стала частью нашей жизни, но и становится похожа на нас. Она имеет способность обучаться и развиваться при помощи обработки информации, которая проходит через нее. Разработчики закладывают все больше функций в данное творение. Искусственный интеллект проникает во многие сферы общественной жизни, например в медицину, транспорт, экономику, образование и т. п. Мы полагаем, что такое стремительное развитие ставит перед юристами задачу правового регулирования данной технологии. Правовая оценка природы искусственного интеллекта и регламентация порядка его использования стала важнейшей задачей современного отечественного правоведения.

Юридически понятие «искусственный интеллект» впервые было сформулировано на подзаконном уровне в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [2]. Так, под ним понимают комплекс технологических решений, который позволяет имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. При этом отдельно отмечается, что имитация включает самообучение и поиск решений без заранее заданного

алгоритма. Важно обратить внимание на то, что определение в полной мере охватывает доступные на данный момент виды искусственного интеллекта в широком понимании: искусственный интеллект, работающий на основе заранее определенных задач (имеющихся знаний), и искусственный интеллект, работающий автономно, т. е. технология, которая для выполнения задач может потенциально полностью заменить человека.

Далее обратим внимание на следующие нормативные правовые акты, которые направлены на законодательное урегулирование сферы искусственного интеллекта. Так, с 2020 г. на территории г. Москвы уже действует Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта...» [1]. Кроме того, разработана Концепция регулирования искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, в которой определено, что режим правового регулирования разработки, внедрения и применения технологий и систем искусственного интеллекта и робототехники должен обеспечивать необходимую степень защиты прав и свобод человека и гражданина, отвечать интересам общества и государства [3]. Как видится, речь идет о пределах правового регулирования в этой сфере.

Можно сказать, что указанные акты являются первыми шагами на пути формирования законодательной базы для искусственного интеллекта. В нашей стране уже создан Национальный портал в сфере Искусственного интеллекта (ИИ) и применения нейросетей в России [6].

Тем не менее стоит отметить, что общемировой является проблема недостаточности нормативного правового регулирования и нормативного технического регулирования основ, условий и особенностей разработки, запуска в работу, функционирования и деятельности, интеграции в другие системы и контроля применения технологий искусственного интеллекта.

Как справедливо отмечает С.М. Омоундро, «даже искусственный интеллект всего лишь с возможностью играть в шахматы может быть опасным, если неправильно его спроектировать. Искусственные интеллекты, разработанные без каких-либо особых

мер предосторожности, могут начать противостоять своему собственному отключению и пытаться проникнуть в другие технологические системы, чтобы создать копию самого себя. Неправильно спроектированный искусственный интеллект может попытаться приобрести контроль над ресурсами без учета безопасности других, чтобы достичь цели, для которой он был разработан» [7, с. 101].

У искусственного интеллекта нет человеческих чувств, понимания мира, у него есть лишь цель. Например, в настоящее время существуют на дорогах общего пользования автомобили со встроенным искусственным интеллектом, которым можно дать задание, и они его выполняют. Допустим, такое задание: доставить из одной точки города в другую в максимально короткий срок. У автомобиля будет цель – доставить в максимально короткий срок. Если подобную задачу поставить перед водителем-человеком, то он будет иметь понимание, что нужно доставить в максимально короткий срок, соблюдая правила дорожного движения и не ставя под угрозу жизни окружающих людей.

Однако в случае искусственного интеллекта данная схема не работает, у него нет понимания «осторожность», если на нее не запрограммировать. Искусственному интеллекту нужно давать четкие задания: «Доставить из одной точки в другую, соблюдая правила дорожного движения и не подвергая опасности жизнь и здоровье окружающих». Данное явление в сфере информатизации довольно опасно, поэтому, прежде чем внедрять его в массовое пользование, следует обучить людей и создать соответствующую законодательную базу.

Рассмотрим достаточно шумевшую на сегодняшний день тему. Речь пойдет о так называемом ChatGPT. Данный искусственный интеллект превзойдет Siri, Алису, Google Assistant. Он обладает следующим функционалом: отвечает на любой вопрос; дает пояснения к уже имеющемуся ответу, если вы спросите; придумывает истории; переводит текст; обучает кодить и может писать код; проявляет доброту и толерантность; ищет картинки; самостоятельно рисует; может просто поддерживать разговор и дать совет. ChatGPT – это чат-бот на базе открытого искусственного интеллекта, созданный исследовательской лабораторией OpenAI, которая занимается

разработкой технологий машинного обучения. С помощью нейросетей ChatGPT анализирует большие объемы текста из открытых источников и выдает наиболее релевантные ответы. Чат-бот общается с пользователем в режиме диалога. Такой формат взаимодействия, по словам разработчиков, позволяет ChatGPT «отвечать на дополнительные вопросы, признавать свои ошибки, оспаривать неверные предпосылки и отклонять неуместные запросы» [5].

Кроме того, на просторах Интернета уже появились программы, ссылки для скачивания данного помощника. Люди уже начали его использование. На этой почве возникает ряд вопросов: насколько рассматриваемая система безопасна? Где грань ее развития, ведь это уже практически тот искусственный интеллект, который совпадает с человеческим?

Считаем, что сегодня следует принимать меры по законодательному регулированию рассматриваемой темы и выработать ограничительные меры. Как видится, данное творение не будет стоять на месте и в какой-то мере является потенциально опасным.

В свою очередь в гражданском законодательстве ставится вопрос о наделении искусственного интеллекта некой правосубъектностью.

Мы в корне не согласны с данной позицией. Не стоит отождествлять искусственный интеллект с человеком и допускать его в качестве самостоятельного субъекта на правовую арену. Он должен оставаться объектом права и быть ограниченным жесткими рамками до того, как произойдет какая-либо катастрофа или же другие ожидаемые, но неустраняемые последствия.

Реализация эффективной государственной политики в области применения искусственного интеллекта и создание соответствующего правового регулирования необходимы для обеспечения безопасности, конфиденциальности, защиты интеллектуальных прав, а также обеспечения кибербезопасности с учетом особенностей сферы искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект был создан для помощи человеку в некоторых вопросах, облегчения выполнения некоторых задач, но не для замены его. Наша большая игра с ним может стоять нам достойной жизни, наличия профессий, полноценного развития и

т. д. Искусственный интеллект уже способен самообучаться, не исключено, что в скором времени он сможет самостоятельно себя контролировать и совершенствовать.

Источники и литература

1. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 17. – Ст. 2701.

2. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года)» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.

3. Распоряжение Правительства № 2129-р от 19.08.2020 «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 35. – Ст. 5593.

4. Битерман О.Э., Воробьев С.М., Комаров С.А. Правовые основы обеспечения национальных проектов в сфере развития искусственного интеллекта в Российской Федерации: статья // Теория государства и права. – 2023. – № 2 (31). – С. 20–32.

5. *Вилков Евгений*. Что умеет Chat GPT? Как пользоваться в России? [Электронный ресурс] // URL: <https://vc.ru/tech/580739-chto-umeet-chat-gpt-kak-polzovatsya-v-rossii> (дата обращения 08.02.2023).

6. Национальный портал в сфере Искусственного интеллекта (ИИ) и применения нейросетей в России // <https://ai.gov.ru/?ysclid=luqws126hr883011246>

7. *Понкин И.В., Редькина А.И.* Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 91-109.

8. *Самусевич А.Г.* Цифровое правоприменение: теория и практика // Сибирский юридический вестник. – 2022. – № 4 (99). – С. 22–28.

9. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография /Под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. – 320 с.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ

Аннотация. Рассматриваются проблемы и перспективы использования технологий искусственного интеллекта в правотворческой деятельности. Анализируются основные подходы к определению понятия искусственного интеллекта. Исследуется опыт нормативного регулирования искусственного интеллекта в России и зарубежных странах. Автор выделяет риски, связанные с применением технологий искусственного интеллекта в правотворчестве.

Ключевые слова: правотворческая деятельность, искусственный интеллект, машиночитаемое право, развитие искусственного интеллекта, цифровизация права, автоматизация права, права человека.

ON THE ISSUE OF PROBLEMS AND PROSPECTS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN LAW-MAKING

Abstract. The article discusses the problems and prospects of using artificial intelligence technologies in law-making activities. The main approaches to the definition of artificial intelligence are analyzed. The article examines the experience of regulatory regulation of artificial intelligence in Russia

* **Бушкова Анастасия Вячеславовна**, студент 1-го курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, г. Иркутск, Россия.

Научный руководитель: **Кузьмин Игорь Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, г. Иркутск, Россия.

Bushkova Anastasia Vyacheslavovna, 1st Year Student Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.

Scientific curator: **Kuzmin Igor Alexandrovich**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.

and foreign countries. The author highlights the risks associated with the use of artificial intelligence technologies in lawmaking.

Key words: *law-making activity, artificial intelligence, machine-readable law, development of artificial intelligence, digitalization of law, automation of law, human rights.*

В современном обществе среди разнообразия правовых явлений одно из главных мест занимает правотворческая деятельность как процесс создания и (или) закрепления норм права. Это связано с тем, что от того, насколько эффективно оказывают воздействие нормы права на поведение людей, от того, в какой степени они выражают потребности общества, зависит достижение целей, на которые данные нормы направлены. Именно поэтому правотворчество является первостепенным в вопросе осуществления правового регулирования. В буквальном смысле слова правотворчество – это процесс создания (творения) правовых норм, получающих закрепление в издаваемых управомоченными на то органами законах и подзаконных нормативных актах [11, с. 682].

Вместе с тем стоит отметить, что вопросы, связанные с правотворческой деятельностью, рассматриваются юристами более детально. Именно этим обусловлено возникновение множества понятий правотворчества. Однако их можно определить двумя позициями. По мнению одних авторов, правотворчество представляет собой юридически оформленную особую форму или вид деятельности по установлению и закреплению воли господствующего класса (всего народа) в нормативных правовых актах, а также по изменению и отмене правовых актов [9; 13].

Другая позиция трактует правотворчество шире. Так, например, с точки зрения С.В. Полениной, правотворчеством является «направленная на достижение целей развития общества организационно оформленная деятельность государства по выявлению потребности в нормативном правовом регулировании общественных отношений и созданию в соответствии с выявленными потребностями новых правовых норм, замене и отмене действующих» [14]. С.А. Комаров считает, что под правотворчеством следует понимать «вид государственной деятельности, в результате которой воля политических сил, находящихся у власти

(народа, класса, социальной группы), возводится в закон, выражается в виде нормы права в определенном источнике права» [10, с. 308].

В этом контексте правотворчество понимается как процесс правообразования.

Однако многие авторы различают данные понятия, рассматривают их в системе «часть и целое». Правообразование включает в себя не только правотворческий, но и весь предшествующий ему подготовительный процесс формирования права [20, с. 32]. С позиции Н.А. Власенко, правообразование является широким понятием, в ходе правообразования формируются взгляды и идеи о необходимости правового регулирования тех или иных общественных отношений, а результатом и итогом этого процесса выступает правотворчество [6, с. 216]. Н.А. Пьянов решает вопрос о соотношении понятий через выделение трех этапов правообразования:

1-й этап – возникновение объективной потребности в регулировании общественных отношений;

2-й этап – выявление потребности в правовом регулировании общественных отношений;

3-й этап – правотворческая деятельность [15, с. 169].

Так, схематично процесс образования права можно представить следующим образом: появляется общественное отношение, которое нуждается в позитивном правовом регулировании; затем необходимость правового регулирования осознается лицами, которые принимают участие в правотворчестве, т. е. происходит формирование правовой идеи, и появляется правовое предписание, выраженное вовне (юридический источник, форма права). Таким образом, правотворчество является заключительным этапом правообразования.

Современное правотворчество можно охарактеризовать как совокупность традиционных подходов и современных технологий. В настоящей обстановке идет процесс формирования новой модели государственности, что связано с цифровизацией общественных отношений.

Построение цифрового государства идет в направлении цифровизации процессов государственной правотворческой деятельности с применением технологий искусственного интеллекта.

В свою очередь, цифровая трансформация правотворчества выступает в качестве содержательного аспекта деятельности цифрового государства [16, с. 31].

В современных условиях существует несколько подходов к определению искусственного интеллекта: 1) системы, которые думают подобно людям; 2) системы, которые думают рационально; 3) системы, которые действуют подобно людям; 4) системы, которые действуют рационально [17, с. 35].

Первый подход предполагает, что необходимо рассматривать искусственный интеллект как компьютер, способный думать, как машину, обладающую разумом, в полном и буквальном смысле слова. Данные системы автоматизировано выполняют действия, которые ассоциируются с человеческим мышлением, такие как принятие решений, решение задач, обучение и т. п. [21].

С точки зрения *второго* подхода, искусственный интеллект может изучать такие вычисления, которые позволяют чувствовать, рассуждать и действовать [25].

Согласно *третьему* подходу, системы искусственного интеллекта определяются как машины, которые выполняют функции, требующие интеллектуальности при их выполнении людьми [23]. Основное значение состоит в том, чтобы «научить компьютеры делать то, в чем люди в настоящее время их превосходят» [24].

Четвертый подход трактует искусственный интеллект как науку, которая изучает интеллектуальное поведение артефактов, т. е. искусственных объектов [22].

Сегодня каждый из вышеприведенных подходов может найти отражение в правотворческой деятельности.

Несмотря на то, что в области технологий искусственного интеллекта ведется большое количество разработок, специалисты отмечают, что сейчас нет согласованного универсального понятия искусственного интеллекта. В Российской Федерации его понятие впервые получило официальное закрепление в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 [3]. В п. 5 этого документа искусственный интеллект определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (вклю-

чая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений». Данный нормативный правовой акт трактует также и определение технологий искусственного интеллекта: «...технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта».

Определения искусственного интеллекта и технологий искусственного интеллекта нашли отражение и в Федеральном законе «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных” от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ [2].

В случае применения искусственного интеллекта в правотворческой деятельности никакое устройство на базе технологий искусственного интеллекта не должно заменить человека в процессе создания норм права. Традиционные механизмы правотворчества должны согласовываться с новыми процессами в сфере техники и цифровизации.

Существенными проблемами в вопросе применения технологий искусственного интеллекта в правотворческой деятельности являются:

- 1) использование для целей подготовки проекта нормативного правового акта искусственного юридического интеллекта в условиях, когда правовой статус искусственного интеллекта легально не определен;

2) разграничение ролей человека и робота в деятельности по юридическому прогнозированию, формулированию правотворческих идей, конструированию юридических норм [8, с. 161].

Технологии искусственного интеллекта целесообразно использовать в техническом сопровождении правотворчества и на предварительной стадии работы над проектом документа, которая включает «сбор, анализ информации с использованием технологии больших данных, написание текста на основе шаблона, составленного на базе наилучших правотворческих практик, поиск юридических ошибок, коррупциогенных факторов, т. е. выполнение рутинной работы» [8, с. 161]. Что касается формирования правотворческой инициативы, то данная область остается «подвластной» только человеку, где роботизированная система является помощником, а не конкурентом.

Применение технологий искусственного интеллекта на первоначальных стадиях правотворческой экспертизы и правового мониторинга также уместно. Важно учесть, что в алгоритмах ИИ должно произойти воспроизведение мыслительной работы эксперта или субъекта правового мониторинга.

Стоит обратить внимание на Концепцию развития технологий машиночитаемого права, разработанную Министерством экономического развития Российской Федерации и утвержденную руководителем Правительственной комиссии по цифровому развитию заместителем Председателя Правительства РФ Д.Н. Чернышенко (далее – Концепция). В Концепции отражены следующие цели:

- 1) систематизация представлений о методах и сферах перспективного развития технологий машиночитаемого права;
- 2) подготовка предложений по стимулированию развития технологий машиночитаемого права [12].

Можно предположить, что машиночитаемое право будет одним из направлений развития искусственного интеллекта. Так, видится, что данное право должно стать эффективным способом непротиворечивого изложения норм права. Однако на данный момент сложно оценить значение машиночитаемого права в правотворчестве. Вероятно, в перспективе с помощью технологий ИИ будет возможно сравнивать различные правовые акты, но, чтобы

это осуществлять, необходимы строгие алгоритмы, основанные на актах законодательства, тогда станет допустимым применение цифровых платформ для автоматических проверок на качество и четкое изложение документов. В Концепции обозначено основное преимущество технологий машиночитаемого права в сфере нормотворчества: повышение скорости и качества нормотворчества за счет непрерывного процесса мониторинга правоприменения, в том числе за счет автоматического сбора и оценки судебной практики и т. д. Снижение влияния человека на нормотворческий процесс также выступает как преимущество в данной сфере. В Концепции подразумевается, что автоматическая правовая экспертиза проектов нормативных актов способна уменьшить влияние ошибки или трактовки лицом, участвующим в нормотворческой деятельности.

В сфере законотворчества в зарубежных странах имеется опыт принятия закона, разработанного искусственным интеллектом. В ноябре 2023 г. в Бразилии, в столице бразильского штата Риу-Гринди-ду-Сул Порту-Алегри, приняли первый в мире закон, полностью написанный с помощью искусственного интеллекта ChatGPT. Документ был одобрен советом и подписан мэром города. Сообщается, что законопроект был написан искусственным интеллектом по запросу члена городского совета Рамиро Росарио. По мнению члена совета, благодаря ИИ общество ждет «революция в различных областях» [18].

Необходимо отметить активное внедрение машинного обучения и использования технологий ИИ в законотворческой деятельности и в других странах. В частности, проект Datafication, реализуемый в Италии, направлен на оцифровку правовых актов и применение искусственного интеллекта, в том числе и для отслеживания частоты использования НПА.

Зарубежные страны также имеют опыт в сфере создания и применения машиночитаемого права. Впервые принцип машиночитаемости был реализован при создании Закона США об открытых данных правительства от 14 января 2019 г. [25]. В настоящее время данный принцип реализуется в Германии, Великобритании, Новой Зеландии и других странах.

Но если искусственный интеллект сам будет «выявлять» закономерности общественной реальности и формировать законода-

тельство, не посягает ли это на суверенитет государства, не нарушает ли это политические права граждан? Интересна точка зрения Д.А. Пашенцева, который утверждает, что цифровые государства не могут быть суверенными. Цифровизация стирает границы между государствами, соединяет политические, экономические, культурные пространства в единое целое. В данных условиях о полном суверенитете говорить нельзя [16, с. 30]. Следует упомянуть, что государство обладает исключительным правом издавать общеобязательные правовые нормы. Так, при использовании искусственного интеллекта в правотворчестве возникает вопрос о посягательстве и на внутренний суверенитет государства.

В упомянутой выше Концепции заявлено, что машинное устройство сможет самостоятельно не только вносить некоторые корректировки и изменения в действующее законодательство, но и производить нормы. В перспективе также предполагается «замещение» норм, которые изложены на естественном языке, нормами машиночитаемого права. Так, это приводит к возникновению вопроса не только о «переводе» существующего права на формат, распознаваемый машинными устройствами, но и о соответствии цифровизации права правовым ценностям, в том числе соблюдении прав и свобод человека и гражданина. Стоит отметить и вопрос относительно формы законодательной инициативы, если она будет вообще возможна.

Вместе с тем, для того чтобы «выявить» закономерности и в дальнейшем издать нормы новым разработкам на базе технологий ИИ, необходим большой объем данных. В современных реалиях законодательство определенным образом ограничивает и запрещает обработку персональных данных человека, однако разрешена обработка открытых данных [7]. Одной из разновидностей персональных данных, помимо общих, специальных и обезличенных данных, выделяемых законодателем в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», являются биометрические данные (изображение лица человека и запись голоса человека), которые используются для идентификации и аутентификации личности человека [1]. В России летом 2018 г. Банком России и Минкомсвязи (на данный момент – Минцифры) были созданы системы ЕСИА (Единая система идентификации и аутентифи-

кации) и ЕБС (Единая биометрическая система). Данные системы предоставляют право на удаленное и очное получение продуктов и услуг там, где необходимо юридическое подтверждение своей личности. Стоит отметить, что ЕСИА и ЕБС начали работу в качестве части государственной инфраструктуры 30 декабря 2021 г. С октября 2023 г. биометрические данные граждан Российской Федерации будут храниться только в ЕБС. Всем коммерческим организациям запрещено собирать биометрические данные. Доступ к ЕБС получают компании, которые прошли аккредитацию Минцифры и оплатили сервис получения вектора (зашифрованный код). Ранее многие коммерческие организации имели право на сбор биометрических данных, однако хранились они в различных системах с разным уровнем безопасности.

Граждане, которые беспокоятся об утрате личных персональных данных, могут воспользоваться правом отказаться от сбора и размещения личных биометрических персональных данных без каких-либо временных ограничений в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 27 марта 2023 г. № 478, подав заявление оператору системы [4]. Так, обязанность частных компаний передать биометрию своих клиентов в ЕБС вызвала обеспокоенность у граждан. Во второй половине 2023 г. россияне массово отказывались от передачи своих данных, устраивая очереди в МФЦ [19]. Использование биометрических данных несет потенциальную угрозу завладения биометрическими образцами и их неправомерного применения третьими лицами.

В рамках научно-технического прогресса одни разработки регулярно сменяются другими. Следовательно, можно говорить о том, что многоуровневая система защиты биометрических персональных данных может оказаться небезопасной. С помощью более современных технологий могут быть выявлены уязвимости данной системы, что, в свою очередь, может повлечь незаконное получение доступа к системе и копирование содержащейся в ней информации. Из вышеизложенного следует, что постоянный сбор и анализ юридических фактов, судебной практики, сведений о правонарушениях и т. п. могут нарушить баланс между нормотворческой деятельностью и правом на неприкосновенность частной жизни.

Необходимо обратить внимание на то, что из-за минимизации участия людей в правотворчестве возникает ряд проблем. Является ли фактор «снижения влияния человека на нормотворческий процесс», обозначенный в Концепции, положительным? «Современное правопонимание нуждается в антропологическом ракурсе, то есть должно отвечать на вопрос, как право связано с человеком [5, с. 8]». В случае увеличения роли автоматизации в правотворческой деятельности и уменьшения в ней роли человека поиск ответа на поставленный вопрос останется открытым. Кроме того, машинное устройство не может при создании норм учитывать принципы и ценности права. Так, право без учета данных факторов может приблизиться к обыкновенной инструкции.

Таким образом, новые технические возможности оказывают воздействие на все сферы жизни общества, в частности на правовую. Проблема применения технологий ИИ в праве дискуссионная: недостаточное нормативное регулирование в данной области, с одной стороны, не препятствует совершенствованию практики, а с другой – влечет риски для социума, которые необходимо учитывать. Так, в Концепции предлагается применять машиночитаемое право в нормотворчестве. Делегирование данной деятельности машинному устройству не только предполагает определенные операционные риски и возможное нарушение прав человека, но и ставит под вопрос антропологический подход к праву. Важно отметить, что до активного внедрения технологий искусственного интеллекта в правотворческий процесс специалистам в сфере юриспруденции необходимо дать ответ на вопрос, насколько применение данных технологий соответствует ценностям и правам человека. Системы ИИ должны сопровождать, а не заменять работу юристов, в частности законодателей: упрощать процесс подготовки НПА, осуществлять автоматизацию операций, онлайн-мониторинг и контроль качества нормотворчества.

Источники и литература

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // www.consultant.ru.

2. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных” от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ // www.consultant.ru.

3. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // www.consultant.ru.

4. Постановление Правительства РФ от 27 марта 2023 г. № 47822 "Об утверждении Правил представления физическим лицом отказа от сбора и размещения биометрических персональных данных в целях проведения идентификации и (или) аутентификации, отзыва такого отказа и письменного подтверждения многофункциональным центром предоставления государственных и муниципальных услуг представления физическим лицом указанных отказа и отзыва отказа, а также форм указанных отказа, отзыва отказа и письменного подтверждения их представления" // www.consultant.ru.

5. *Анохин Ю.В.* О праве и правах человека в теории правопонимания / Ю.В. Анохин, С.А. Воробьева // Юридическая наука и правоприменительная практика. – 2013. – № 3. – С. 4–9.

6. *Власенко Н.А.* Теория государства и права : учебное пособие для бакалавриата / Н.А. Власенко. – 3-е изд., доп. и испр. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. – 480 с.

7. 19. *Заборников А.Е.* Открытые данные: риски и проблемы информационной безопасности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т.39. – С. 3881–3885.

8. Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве : научно-практическое пособие / М.В. Залоило ; под ред. Д.А. Пашенцева. – М. : ИЗиСП : Норма : ИНФРА-М, 2024. – 184 с.

9. *Ковачев Д.А.* Механизм правотворчества в социалистическом государстве. – М., 1977. – 112 с.

10. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права : учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.
11. *Марченко М.Н.* Проблемы теории государства и права : учебник / М.Н. Марченко; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма: НИЦ Инфра-М, 2019. – 784 с.
12. Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_pравителstve_utverdili_konceptsiyu_razvitiya_tehnologiy_mashinochitaemogo_prava.html (дата обращения: 18.12.2023).
13. Правотворчество в СССР / Под ред. А.В. Мицкевича. – М., 1974. – 318 с.
14. *Поленина С.В.* Законотворчество в Российской Федерации. М., 1996. – 146 с.
15. *Пьянов Н.А.* Теория государства и права. В 2 частях. Часть 2. Теория права : учебное пособие / Н.А. Пьянов. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2011. – 391 с.
16. *Пашенцев Д.А.* Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды : монография / Н.Н. Черногор, Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило [и др.] ; под общ. ред. Н.Н. Черногора, Д.А. Пашенцева. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма : ИНФРА-М, 2024. – 244 с.
17. *Рассел С.* Искусственный интеллект: современный подход / С. Рассел, П. Норвиг ; [пер. с англ. и ред. К.А. Птицына]. – 2-е изд. – М. : Вильямс, 2006. – 1408 с.
18. Российская газета [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2023/12/05/v-brazilii-priniali-pervyj-v-mire-zakon-razrabottannuj-nejrosetiu.html> (дата обращения: 18.12.2023).
19. *Саитова В.* Зачем в России нужна Единая биометрическая система [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/12/09/2023/650037e99a79475b64051a1e
20. Участие прокуратуры в правотворческой деятельности : учебное пособие / под ред. А.В. Юрковского. – Иркутск : Иркут-

ский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. – 300 с.

21. Haugeland J. Artificial Intelligence: The Very Idea. – Cambridge: MIT Press, 1985. – 287 p.

22. Nilsson N. J. Artificial Intelligence: A New Synthesis. – San Mateo: Morgan Kaufmann, 1998. – 513 p.

23. Kurzweil R. The Age of Intelligence Machines. – Cambridge: MIT Press, 1990. – 580 p.

24. Rich E. and Knight K. Artificial Intelligence. – New York: McGraw-Hill, 1991. – 621 p.

25. The Foundations for Evidence-Based Policymaking Act (OPEN Government Data Act) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/4174> (дата обращения: 18.12.2023).

26. Winston P. H. Artificial Intelligence. – Massachusetts: Addison-Wesley, 1992. – 737 p.

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_287

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Рассматривается российское законодательство в сфере обеспечения национальной безопасности, положения Федерального закона «О безопасности». Особое внимание уделяется характеристике положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Автор проводит анализ системы национальной безопасности, исследует основные направления правового регулирования в сфере обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, угрозы национальной безопасности, национальные цели, стратегические приоритеты, национальные приоритеты.

VECTORS OF DEVELOPMENT OF LEGISLATION IN THE FIELD OF NATIONAL SECURITY

Abstract. This article examines the development of Russian legislation in the field of national security, which has changed due to changes in regulations. Consideration of the provisions of the Federal Law "On Security" makes it possible to identify a number of shortcomings that require its correction. The National Security Strategy of the Russian Federation 2021 fulfills the most important mission of a legal tool that directs the efforts of numerous national security actors to implement strategic national priorities. Special attention is paid

* **Олексюк Владимир Владимирович**, курсант Новосибирского военного института войск национальной гвардии, г. Новосибирск, Россия.

Научный руководитель: **Михеев Дмитрий Юрьевич**, кандидат исторических наук, Новосибирский военный институт войск национальной гвардии, г. Новосибирск, Россия.

Oleksjuk Vladimir Vladimirovich, Cadet of the Novosibirsk Military Institute of the National Army Guards of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia.

Scientific curator: **Mikheev Dmitry Yurievich**, Candidate History, Novosibirsk Military Institute of National Guard Troops, Novosibirsk, Russia.

to the characteristics of the provisions of the National Security Strategies of the Russian Federation in 2009, 2015 and 2021, in which the main direction of the implementation of state policy in the field of national security is considered a strategic priority for the preservation of the people of Russia and the development of human potential. This article compares the elements of the national security system, which will determine the main directions of regulation of law in the field of national security.

Key words: *national interests, national security, threats to national security, vectors of legislative development, national goals, strategic priorities, national priorities.*

За последние 30 лет был создан прочный фундамент в правовой сфере обеспечения национальной безопасности, что довольно подробно освещается в юридической литературе [5; 6; 7; 8; 9]. Система нормативных правовых актов сыграла ключевую роль в реализации стратегических национальных приоритетов. 5 марта 1992 г. Российской Федерацией был принят первый закон «О безопасности», который стал важным этапом в развитии российской концепции национальной безопасности [2]. В нем было определено понятие «безопасность» как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Также закон закрепил принцип приоритета интересов личности перед интересами государства и их сбалансированность, что характерно для демократического государства. В данном законе не использовалось понятие «национальная безопасность», но был четко определен предмет регулирования, отделяющий общественные отношения, связанные с безопасностью жизни, от отношений, затрагивающих интересы личности, общества и государства в контексте национальной безопасности [2].

Основные направления развития законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности определяются принятыми федеральными законами и указами Президента, а также другими стратегическими документами. Однако в ходе конституционной реформы в ст. 83 Конституции РФ были внесены изменения, согласно которым целью формирования Совета безопасности РФ обозначено «содействие главе государства в реализации его полномочий по вопросам обеспечения национальных интересов и безопасности личности, общества и государства, а также поддержания

гражданского мира и согласия в стране, охраны суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, предотвращения внутренних и внешних угроз» [1; 3].

Федеральный закон «О безопасности» (далее – Закон), являющийся фундаментальным нормативным правовым актом в исследуемой сфере, заслуживает особого внимания. Несмотря на то, что в его наименовании присутствует категория «безопасность», в ст. 1 используется юридическая техника, которая указывает на равнозначное понимание «безопасности» и «национальной безопасности» [2]. Однако данный подход исключает возможную ассоциацию понятий «национальная» и «национальность». Российскую нацию следует понимать исключительно как «многонациональный народ Российской Федерации – сообщество свободных равноправных граждан различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием».

Большое значение Закона состоит в том, что он определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению национальной безопасности, а также полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления и статус Совета безопасности РФ. Однако стоит отметить, что рассматриваемый Закон не лишен недостатков. Один из них заключается в отсутствии категориально-понятийного аппарата. В ст. 1 нет, например, четкого определения видов национальной безопасности. Представляется, что более логичным подходом было бы изложение видов национальной безопасности сначала по объектам национальной безопасности (безопасность личности, общества и государства), а затем по сферам жизнедеятельности (государственная, общественная, экономическая, информационная и другие). Это позволило бы более ясно определить и систематизировать понятия и принципы национальной безопасности.

Другим важным нормативным актом, определяющим национальную безопасность, является действующая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, принятая в июле 2021 г. [4]. Понимание национальной безопасности в Стратегии 2021 г. сохраняет сущность и формулу, которая была предложена Законом РФ «О безопасности» в 1992 г., а именно «состояние за-

щищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз». В Стратегии 2021 г. национальными интересами на долгосрочный период определены: сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан; защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны; поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции и др. [4].

Важным конструктором системы национальной безопасности является «угроза национальной безопасности», которая представляется как совокупность условий и факторов, способных причинить ущерб и прекратить развитие национальных интересов. Однако, если в Стратегии 2015 г. угроза национальной безопасности «наносила» ущерб национальным интересам, то в Стратегии 2021 г. она «причиняет» ущерб, что подчеркивает масштаб причиненного, а не нанесенного ущерба национальным интересам. В сравнении со стратегиями 2009 и 2015 гг. в Стратегии 2021 г. произошли существенные изменения в понимании системы обеспечения национальной безопасности. В новой Стратегии система обеспечения национальной безопасности определяется как совокупность органов публичной власти и инструментов, осуществляющих реализацию государственной политики в этой сфере.

Все стратегии также определяют стратегические национальные приоритеты, которые являются важными направлениями обеспечения национальной безопасности. Однако в Стратегии 2021 г. по сравнению с документами 2009 и 2015 гг. изменился перечень стратегических национальных приоритетов. Новым приоритетом, внесенным в Стратегию 2021 г., является «сбережение народа России, развитие человеческого потенциала». Этот приоритет объясняется Президентом РФ в ежегодном послании 2021 г., где отмечается, что он определяет положения обновленной конституции, касающиеся защиты семьи, роли родителей в воспитании детей, социальных гарантий, развития экономики, образования и культуры.

Кроме того, впервые был включен стратегический приоритет «защита традиционных российских ценностей, культуры и исторической памяти». Этот приоритет обусловлен закреплением в

Конституции РФ положения о России как стране с тысячелетней историей, которая сохраняет память предков, идеалы и веру в бога, а также обеспечивает преемственность в развитии государства [4].

Таким образом, развитие законодательства в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определяемое конституционными изменениями, направлено на эффективную реализацию стратегических национальных приоритетов с целью нейтрализации внешних и внутренних угроз и создания условий для достижения стратегических национальных целей развития Российского государства.

Источники и литература

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с. (Серия: Профессиональный комментарий).

2. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О безопасности» // www.consultant.ru

3. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // www.consultant.ru

4. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // www.consultant.ru

5. *Возжеников А.В., Прохожев А.А.* Безопасность России: современное понимание, обеспечение. – М. : Росэкономфонд «Социдание», 1998. – 254 с.

6. Общая теория национальной безопасности : учебник / под общ. ред. А.А. Прохожева. – М. : Изд-во РАГС, 2005. – 338 с.

7. *Прохожев А.А.* Теория развития и безопасности человека и общества : монография. – М. : Ин-Октаво, 2006. – 287с.

8. *Смирнов А.А.* Критический анализ ревизионистских подходов к определению понятия «безопасность» // Административное право и административный процесс. – 2015.

9. *Ярочкин В.И., Бузанова Я.В.* Теория безопасности. – М. : Акад. проект: Мир, 2005. – 173 с.

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_292

**ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СРЕДИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ПРОПАГАНДИРУЮЩИХ
СУБКУЛЬТУРУ СПОРТИВНЫХ КЛУБОВ (ОРГАНИЗАЦИЙ)**

Аннотация. Рассматривается проблема существования молодежного экстремизма в Российской Федерации. На основании анализа судебной практики и научной литературы исследуется вопрос воздействия спортивных фанатских клубов на несовершеннолетних и их участие в совершении правонарушений экстремистской направленности. Автор аргументирует значимость профилактической деятельности в сфере противодействия экстремизму и вносит предложения.

Ключевые слова: экстремистские правонарушения, молодежный экстремизм, профилактика экстремизма, спортивные клубы (организации), спортивный экстремизм.

**PREVENTION OF EXTREMIST OFFENSES AMONG MINORS
WHO PROMOTE THE SUBCULTURE OF SPORTS CLUBS
(ORGANIZATIONS)**

Abstract. The article deals with the problem of the existence of youth extremism in the Russian Federation. Based on the analysis of judicial practice

* **Воронова Анастасия Александровна**, студент 3-го курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, г. Иркутск, Россия.

Научный руководитель: **Евдокимов Константин Николаевич**, доктор юридических наук, доцент, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, г. Иркутск, Россия.

Voronova Anastasia Alexandrovna, 3rd Year Student of the Irkutsk Law Institute (Branch) of University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

Scientific supervisor: **Evdokimov Konstantin Nikolaevich**, Doctor of Law, Associate Professor, Irkutsk Law Institute (Branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.

and scientific literature, the issue of the impact of sports fan clubs on minors and their participation in the commission of extremist offenses is being investigated. The author argues the importance of preventive activities in the field of countering extremism and makes suggestions.

Key words: *extremist offenses, youth extremism, prevention of extremism, sports clubs (organizations), sports extremism.*

Экстремистская деятельность несет в себе особого рода опасность как для отдельных граждан, так и для всего нашего многонационального и многоконфессионального общества, выступая системной угрозой национальной безопасности Российской Федерации. В 2017 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 1521 преступление экстремистской направленности, в 2018 г. – 1265, в 2019 г. – 585, в 2020 г. – 833, 2021 г. – 1057 и в 2022 г. – 1566 преступлений. Как мы видим, в последние годы отмечается рост экстремистской преступности, включая факты молодежного экстремизма [2]. Поэтому молодежный экстремизм является актуальной проблемой в нашей стране, которая требует пристального внимания и активной деятельности со стороны правоохранительных органов, в том числе органов прокуратуры.

Законодатель достаточно широко толкует понятие экстремистской деятельности (экстремизма). В ст. 1 Федерального закона № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» под экстремистской деятельностью на территории Российской Федерации понимается насильственное изменение основ конституционного строя, территориальной целостности, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, а также публичные призывы к осуществлению указанной деятельности либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов и другие деяния [1].

Спортивный экстремизм является отдельным видом экстремизма, получающим все большее распространение в последние годы. Под спортивным экстремизмом Л.И. Халлиулина предлагает понимать «исторически изменчивую, массовую, социально обусловленную совокупность противоправных деяний экстремистской направленности, совершенных спортсменами, болельщиками и иными участниками спортивных мероприятий непосредственно во время, до или после их проведения» [3]. Мы считаем, что с таким

определением вполне можно согласиться, так как оно отражает сущность рассматриваемого явления. Критериями для выделения такого вида экстремизма являются: обстановка, в которой совершаются данные правонарушения, – «во время, до или после проведения спортивных мероприятий», а также субъектный состав – болельщики, спортсмены и иные участники спортивных мероприятий.

Однако стоит отметить, что такие правонарушения все же, как правило, совершаются именно болельщиками спортивных клубов во время стычек, споров с конкурирующими участниками или их болельщиками (в частности, ими используются баннеры с надписями экстремистского характера, скандируются оскорбительные расистские речовки и т. п.). Такие действия могут как совершаться отдельными фанатами, так и составлять основу деятельности объединений болельщиков.

Так, в 2021 г. решением Омского районного суда было признано экстремистской организацией неформальное молодежное объединение футбольных фанатов «Иртыш Ultras». Активисты объединения призывали соратников нарушать общественный порядок и применять насилие в отношении представителей власти и омичей неславянских национальностей, фанаты устраивали массовые драки с вовлечением в них несовершеннолетних участников [4].

В научной литературе в качестве одной из причин распространности такого вида экстремизма называют конкурентный характер спорта: для болельщиков существует четкая разница между «своей» командой, которой они желают победы, и «чужой» командой, являющейся соперником. Такое положение зачастую влечет за собой социальную напряженность, которая может также проявиться во взаимоотношениях между отдельными болельщиками и привести к ссоре, неэтичному поведению или правонарушению экстремистского характера.

Однако, как мы считаем, не стоит рассматривать сам спорт в качестве единственной или непосредственной причины экстремистской деятельности, поскольку здоровая конкуренция и уважительное отношение спортсменов и болельщиков к своим соперникам также не являются исключениями в данной сфере. Формирова-

ние «будущих экстремистских правонарушителей» – сложный и многофакторный процесс, в связи с этим при решении вопроса о предложении мер по профилактике таких правонарушений нужно учитывать и другие причины.

Так, по нашему мнению, большую роль в данном вопросе играет психологический фактор. Объединения болельщиков представляют собой социальные группы, которые имеют собственные нормы, ценности, цели; в группах устанавливается своеобразный образец поведения, соблюдаемый членами этой группы. В массовом совершении членами таких объединений экстремистских правонарушений важную роль играет такой феномен социальной группы, как деиндивидуализация личности, в процессе которой лицо утрачивает собственные ценности, мировоззренческие представления, замещая их групповыми (как правило, внедренные лидером или активистами группы).

В этом плане наиболее подверженными такому влиянию являются несовершеннолетние, в силу возраста не сформировавшие собственных взглядов на мир, ценности и образцы поведения, а потому легко воспринимающие внушаемые им установки. Вступление несовершеннолетних в такие объединения и участие в экстремистской деятельности могут также быть обусловлены проблемными отношениями с родителями, влиянием лиц, являющихся для них авторитетом (друзья, старшие товарищи и т. д.) и другие причины. Как показывает судебная практика, несовершеннолетние действительно являются частыми участниками правонарушений экстремистского характера, что представляет серьезную проблему.

Так, например, несовершеннолетний участник общественного объединения футбольных болельщиков «Сектор 16» Бугульминского муниципального района Республики Татарстан, признанной в 2018 г. экстремистской организацией, публично демонстрировал во время футбольного матча изображения нацистской символики. В последующем постановлением Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Бугульминского муниципального района законный представитель этого несовершеннолетнего был привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ [5].

Как уже было отмечено, участие несовершеннолетних в спортивном экстремизме является серьезной и актуальной проблемой. В связи с этим мы предлагаем три возможных способа ее решения, которые должны применяться комплексно.

Во-первых, должна проводиться профилактическая работа, в частности по снятию напряженности в группе, администрацией (управляющим составом) самого объединения. Среди подобных мер можно предложить просветительские занятия о недопустимости экстремизма и правовых последствиях совершения таких правонарушений; на занятия рекомендуется приглашать профессиональных спортсменов, чья позиция в силу авторитета для несовершеннолетних будет более убедительной в сравнении с антисоциальными взглядами старших товарищей.

Во-вторых, важную роль в профилактике экстремизма играет прокуратура, осуществляя надзор за соблюдением законов общественными объединениями и принимая соответствующие меры при выявлении нарушений. Однако по большей части объединения спортивных болельщиков являются неформальными, в связи с чем при отсутствии государственной регистрации их выявление, учет и надзор за их деятельностью для органов прокуратуры значительно затрудняется. Поэтому мы считаем, целесообразным для таких объединений, в которых участвуют несовершеннолетние, ввести обязательное требование о предоставлении органам прокуратуры сведений о своей деятельности и участниках. С учетом того, что данное требование на практике может нарушаться, полагаем разумным установление взаимодействия с образовательными учреждениями по выявлению таких формирований.

Источники и литература

1. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // www.consultant.ru.

2. Показатели преступности по Российской Федерации, зарегистрированные преступления экстремисткой направленности : Генеральная прокуратура Российской Федерации, портал правовой статистики : [официальный сайт]. – М., 2003–2020. – URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 24.10. 2023).

3. Халиуллина Л.И. Спортивный экстремизм: подходы к определению и пути преодоления / Л.И. Халиуллина // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – №1. – С. 223–225.

4. По иску прокурора Омской области суд запретил деятельность объединения футбольных фанатов «Иртыш Ultras» : Генеральная прокуратура Российской Федерации, портал правовой статистики : [официальный сайт]. – М., 2003–2020. – URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 13.01. 2024).

5. Решение Бугульминского городского суда Республики Татарстан по делу № 2А-814/2018 от 28.05.2018. . – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/E1XnKGFomaUd/> (дата обращения: 13.01. 2024).

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_298

**АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ КАК ОСОБОЕ
ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

***Аннотация.** Данное исследование посвящено административной преюдиции как особому технико-юридическому средству предупреждения экологических преступлений в Российской Федерации. Предложены авторские новеллы, введение которых способно снизить правовой нигилизм граждан, а также позволит всесторонне использовать меры административного и уголовного воздействия на лицо, повторно совершившее административное правонарушение в области охраны окружающей среды.*

***Ключевые слова:** преюдиция, административная преюдиция, технико-юридическое средство, окружающая среда, экологические преступления, предупреждение.*

* **Бочкарев Даниил Олегович**, студент 4-го курса юридического факультета (уровень специалитета), Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

Научный руководитель: **Ковтун Ирина Сергеевна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и экологического права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

Bochkarev Daniil Olegovich, 4th Year Student of the Faculty of Law (Specialization), National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia.

Scientific Curator: **Kovtun Irina Sergeyevna**, Candidate of Law Science, Associate Professor of the Labor and Environmental Law Department, Faculty of Law National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia.

ADMINISTRATIVE PREJUDICE AS A SPECIAL TECHNICAL-LEGAL MEANS OF PREVENTING ENVIRONMENTAL CRIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION

***Abstract.** This study is devoted to administrative prejudice as a special technical-legal means of preventing environmental crimes in the Russian Federation. The author's novelties were proposed, introduction of which is able to reduce the legal nihilism of citizens, and also will allow comprehensive use of measures of administrative and criminal impact on a person who has repeatedly committed an administrative offense in the field of environmental protection.*

***Key words:** prejudice, administrative prejudice, technical-legal remedy, environment, prevention, environmental crimes offenses.*

Экология является одной из главных составляющих жизни нашего общества, ибо если будет нарушаться наше конституционное право на благоприятную окружающую среду, то наступит деградация и расслоение социальной жизни людей [1]. Экологические преступления как раз-таки негативно воздействуют на окружающую среду тем, что снижают продолжительность жизни генофонда населения, приводят к исчезновению природных ресурсов, и в целом эти деяния понижают уровень безопасности нашего государства и общества. Нельзя не согласиться с мнением Н.И. Кузнецовой, которая декларирует, что экологические преступления критически воздействуют на всю экологическую ситуацию в нашей стране [15, с. 65–66].

Стоит заметить, что важно не отраслевое восприятие проблемы экологических преступлений, а комплексное. Данный подход позволит за счет специальных юридических средств влиять на уровень экологических преступлений, снизить его. То есть необходим комплексный подход с опорой на богатый технико-юридический инструментарий. Для этого в России сегодня наряду с системой уголовных запретов существуют гражданско-правовые ограничения и административно-правовые запреты, осуществляется подготовка профессионалов с учетом этой направленности, создана база технико-юридических знаний на доктринальном уровне, работают иные технико-юридические средства. Одним из таких средств является административная преюдиция.

Институт административного преюдициального права впервые был сформулирован в советском уголовном праве в ст. 79 Уголовного кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, принятого в 1922 г. (далее – УК РСФСР) [2]. В УК РСФСР 1960 г. существовали так называемые нормы с административной преюдицией [3]. Как и сегодня, в советском уголовном праве особенность этих норм состояла в том, что они устанавливали уголовную ответственность за повторное деяние с признаками административного правонарушения. Возможность применения данных норм была широкой, так, например, в УК РСФСР по состоянию на 1996 г. таких статей было 28, это десятая часть от общего их числа. С введением Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) все составы преступлений с преюдициальными нормами были исключены, так как считалось, что преступность деяния должна определяться только уголовным законом [4].

Возвращение в уголовный закон статей с преюдициальными нормами породило множество споров среди теоретиков по части их обоснованности, но все-таки законодатель пришел к выводу, что введение административной преюдиции будет целесообразнее, надежнее и правильнее, нежели ее отсутствие в правовой парадигме.

Сегодня актуальность административной преюдиции заключается в ее возрастающей роли как особого технико-юридического средства предупреждения экологических преступлений в Российской Федерации. Установление точного смысла преюдициальной нормы правоприменителями, раскрытие выраженной в ней воли законодателя имеют ряд безусловных преимуществ. Несомненно, что за счет конструкции административной преюдиции в первую очередь обеспечивается превенция лиц, совершивших административный проступок, а соответственно, снижается процессуальная нагрузка в дальнейшем на аппарат уголовного преследования, так как уже существует деяние, за которое лицо привлечлось к административной ответственности, и вынесено постановление суда, которое вступило в законную силу. Поэтому можно заявить, что соблюдается принцип экономии уголовной репрессии.

Постановление суда о привлечении лица к административной ответственности играет не последнюю роль, так как при совершении лицом вновь аналогичного деяния в течение определенного периода времени другой суд, рассматривая возможность назначения наказания, учитывает предыдущее решение суда и на основе этого выносит приговор, тем самым обеспечивается стабильность судебных решений. В этом и заключается причина практической значимости этого феномена, и, кроме того, достоинства, описанные выше, несомненно, задают перспективу применения института административной преюдиции.

Для понимания работы механизма института административной преюдиции как средства превенции тех или иных деяний необходимо главным образом остановиться на общедоктринальном понятии «преюдиция». Следует помнить, что в теории права не выработалось единого подхода к пониманию преюдиции. Так, по мнению В.К. Бабаева, «преюдиция – это вступивший в законную силу приговор или решение суда либо административный акт, изданный компетентным органом в установленном законом порядке, о наличии или отсутствии юридического факта или правоотношения, обязательных для суда, разрешающего дело, связанное с ранее разрешенным» [9, с. 33–38].

Иное определение преюдиции предлагает А.В. Карданец, полагая, что «преюдиция – это прием юридической техники, представляющий собой правило доказывания о том, что вступившее в законную силу правоприменительное решение уполномоченного органа, принятое в установленном законом процессуальном порядке о наличии или отсутствии юридического факта, обязательно для всех правоприменительных органов, разрешающих юридическое дело, связанное с ранее разрешенным по поводу этого факта» [13, с. 30]. Он предлагает рассматривать преюдицию только под эгидой уголовно-процессуального права.

Сам термин «преюдиция» законодательно фиксирует только ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Согласно данной норме преюдиция – это обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, за исключением приговора, вынесенного судом в соответствии со ст. 226.9, 316 или 317.7 УПК РФ, либо иным вступившим

в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаваемые судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом такой приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле [5].

Стоит заметить, что административная преюдиция не являлась предметом дифференцированного системного научного анализа, что также актуализирует перспективное рассмотрение этого юридического феномена. Однако в современной российской правовой доктрине понятие административной преюдиции нашло отражение в ряде диссертационных исследований, а также в статейных разработках уголовного, уголовно-процессуального права. Так, А.Г. Безверхов разделяет подход законодателя и определяет понятие административной преюдиции аналогично через признак неоднократности административных правонарушений, совершенных виновником после привлечения за первое из них к административной ответственности. Административная преюдиция, по его мнению, – юридический факт, который порождает уголовно-правовые последствия [10, с. 140–148]. Другие авторы также поддерживают подход, заключающийся в выделении административной преюдиции через признак повторности (неоднократности). К примеру, в доктрине широко распространена позиция Н.Ф. Кузнецовой, которая определяет данный институт как повторное совершение деяния, первые случаи которого образуют административное правонарушение [16, с. 530–531].

В.И. Колосова продолжает теоретико-правовую позицию выделения повторности как основания наступления уголовной ответственности. По ее мнению, административная преюдиция – это привлечение лица к уголовной ответственности, если оно в течение определенного периода времени после одного или двух административных взысканий за правонарушение совершит такое же правонарушение [14, с. 248]. Хочу добавить, что законодатель идет по пути унификации уголовно-правовых запретов для повышения эффективности их правоприменения. Поэтому неудивительно, что большинство авторов, изучающих теоретико-правовые основы ин-

ститута административной преюдиции, стараются не отставать от позиции законодателя и ее разделяют.

Естественно, признак повторности регламентируется Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) [6]. В дефинициях преюдициальных статей законодатель говорит о совершении однородного административного правонарушения и именно в тот период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. Согласно ст. 4.6 КоАП РФ период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию, начинается с момента вступления в силу постановления суда, – с этого дня происходит течение срока административной наказанности. На мой взгляд, определение административной преюдиции через признак повторности (неоднократно) наиболее удачно и точно описывает сущность применения данного института, ведь данный признак оказывает превентивное воздействие на потенциального преступника, а именно в этом, как было рассмотрено ранее, и заключается одна из главных функций административной преюдиции.

Немаловажно упомянуть об особенности элементов состава преступления с конструкцией административной преюдиции – у нас появляется специальный субъект. Обязательные признаки данного субъекта – повторность и умышленная форма вины. Такое понимание признаков субъекта требует дальнейшего анализа этой темы. Эти признаки специального субъекта в текстах соответствующих статей уголовного закона описываются различным образом. Чаще всего указывается, что субъектом выступает «лицо, подвергнутое административному наказанию» (например, в ст. 255 УК РФ), однако существует ряд статей, где специальный субъект описывается иными словами.

Так, в ст. 280.1 УК РФ содержится формулировка «совершенные лицом после его привлечения к административной ответственности». Возникает резонный вопрос: это разные или идентичные признаки специального субъекта конструкции административной преюдиции? На мой взгляд, ключ к решению этого вопроса давно предложен в Постановлении Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П [7]. В этом документе Конституционный Суд РФ четко указал, что привлечение к уголовной ответственности за пре-

ступление возможно, если лицо ранее было подвергнуто административному наказанию. Сам факт привлечения к уголовной ответственности немислим без назначения административного наказания, соответственно, состояние административной наказанности может возникнуть только и исключительно в случае, если постановление суда о привлечении к административной ответственности имело место и вступило в законную силу.

Исходя из вышеизложенных доктринальных позиций, системного толкования преюдициальных норм, для себя я определил, что административная преюдиция – это особое средство юридической техники, также являющееся средством процессуальной экономики, которое заключается в учете при привлечении лица к уголовной ответственности за повторное совершение в течение определенного периода времени аналогичного деяния, и выступающее специфическим основанием наступления уголовной ответственности. Данный феномен способствует коррекции границ между преступлением и проступком по отношению к определенному деянию и, таким образом, коррекции границ между административным и уголовным правом [12, с. 33–36].

Считаю, что административную преюдицию следует рассматривать также в рамках практико-ориентированного подхода. Так, еще в 2009 г. экс-Президент РФ Д.А. Медведев в ходе своего выступления высказал мнение, которое позволяет говорить, что у института административной преюдиции существует перспектива увеличения количества уголовных составов с преюдициальными нормами. В частности, он отметил: «В уголовном законе следует шире использовать так называемую административную преюдицию, то есть привлекать к уголовной ответственности только в случае неоднократного совершения административного правонарушения» с целью сделать уголовное законодательство «более современным» [8]. На сегодняшний день наблюдается тенденция введения административной преюдиции во многие составы преступлений, в том числе в составы экологических преступлений, перед судами и правоприменителями стоит вполне реальная задача, связанная с толкованием и применением соответствующих уголовно-правовых норм.

Нельзя не согласиться с точкой зрения З.Э. Эргашевой, согласно которой сейчас у нас происходит перевод конструкций многих составов экологических преступлений с материальных на формальные и такой подход окажет мощное предупредительное воздействие на лиц, нарушающих требования природоохранного законодательства [18, с. 215]. От себя отмечу, что для «мощного предупредительного воздействия» законодателю необходимо вводить новые преюдициальные нормы в уже существующие статьи гл. 26 УК РФ. К этому вернемся чуть позже. В то же время Т.Н. Бородкина и Е.Ю. Самолаева отмечают, что преюдициальные нормы способны предотвратить возникновение новых экологических бедствий, а также снизить размер вреда, который наносится экологическими преступлениями. Данные авторы также предлагают закрепить в уголовном законодательстве ст. 250.1 «Загрязнение вод лицом, подвергнутым административному наказанию» в следующей редакции: «Загрязнение, засорение, истощение поверхностных или подземных вод, источников питьевого водоснабжения либо иное изменение их природных свойств лицом, подвергнутым административному наказанию за нарушение правил охраны водных объектов...» [11, с. 95].

Необходимо продолжить исследовательский ряд нововведений и предложить аналогичное введение ряда дополнений в УК РФ. Для грамотного обоснования их введения можно обратиться к Уголовному кодексу Республики Беларусь (далее – УК РБ), так как институт административной преюдиции в правовой парадигме данного государства популяризирован и, кроме того, наиболее регламентирован [17]. Так, в ст. 32 Общей части УК РБ конкретизируется институт административной преюдиции, а именно: называется общий срок, в течение которого может наступить уголовная ответственность за повторное совершение тождественного деяния; устанавливается начало течения данного срока; выделяются категории преступлений и, что немаловажно, указываются составы, которые в своей конструкции предусматривают административную преюдицию. Аккумулируя зарубежный опыт и ряд статейных разработок исследователей, можно сделать вывод, что в будущем вполне уместным станет закрепление в уголовном законодательстве Российской Федерации ряда следующих положений.

Во-первых, закрепление понятия административной преюдиции и описания практического действия данного механизма. На мой взгляд, данное нововведение наиболее выигрышно будет смотреться в гл. 4 УК РФ, которая носит название «Лица, подлежащие уголовной ответственности». Например, данную главу можно дополнить в той или иной статье: «В случаях, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса, уголовная ответственность за преступление, состав которого также закреплен в КоАП, наступает, если деяние совершено повторно лицом, подвергнутым состоянию административной наказанности за это же деяние». Это позволит осуществить унификацию конструкций изложения преюдициальных норм не только гл. 26 УК РФ, но и всего УК РФ.

Во-вторых, дополнение преюдициальных норм гл. 26 «Экологические преступления» УК РФ по примеру законодателя УК РБ. К примеру, возьмем вышеупомянутую ст. 250 УК РФ, ее можно дополнить следующим образом: «Загрязнение, засорение, истощение поверхностных или подземных вод, источников питьевого водоснабжения либо иное изменение их природных свойств, если эти деяния совершены лицом, подвергнутым состоянию административной наказанности, вызванным совершением аналогичного деяния». Стоит заметить, что именно дополнение, а не добавление новой статьи, как это предлагают Т.Н. Бородкина и Е.Ю. Самолаева.

На мой взгляд, нововведение, которое предлагают данные исследователи, совершенно не рационально, так как имплементация новой нормы осуществляется в статью, которая уже содержит базовый регламент. Так гармонизация новых норм с уже имеющимися в законодательстве достигается более корректно. Поэтому целесообразнее формулировать указание на административную преюдицию именно в диспозиции уже существующей статьи, нежели в названии новой статьи. Таким образом, дополнение преюдициальных норм гл. 26 УК РФ конструкцией «если эти деяния совершены лицом, подвергнутым состоянию административной наказанности, вызванным совершением аналогичного деяния» позволит всесторонне использовать меры административного и уголовного воздействия на лицо, повторно совершившее административное правонарушение в области охраны окружающей среды.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что данные новшества способны снизить правовой нигилизм граждан, ибо с введением таких уточняющих и важных дополнений в полной мере будет задействована воспитательно-предупредительная функция административной преюдиции по отношению к нарушителю, поскольку лицо, совершившее деяние, будет предупреждено о наступлении возможной уголовной ответственности. В данном случае субъект должен осознать, что совершил проступок, противоречащий не только нормам закона, но и общественной морали, то есть законодатель дает возможность лицу провести так называемую работу над ошибками. Ввиду многообразия изменения общественной жизни и законодательство не стоит на месте, всегда пытается попасть в ногу со временем, используя различные правовые средства. В связи с этим можно предположить, что в недалеком будущем законодатель пойдет по пути совершенствования и популяризации института административной преюдиции как средства предупреждения не только экологических, но и иных преступлений.

Источники и литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <https://www.consultant.ru>; Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с. (Серия: Профессиональный комментарий).
2. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. : Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) // <https://www.consultant.ru>
3. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // <https://www.consultant.ru>
4. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // <https://www.consultant.ru>

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.11.2023) // <https://www.consultant.ru>
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // <https://www.consultant.ru>
7. По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина : Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П // <https://www.consultant.ru>
8. Послание Президента Российской Федерации от 12.11.2009 г. б/н // Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/5979> (дата обращения: 13.11.2023).
9. *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве. – Горький, 1974. – С. 33–38.
10. *Безверхов А.Г.* «Административная преюдиция» в уголовном законодательстве России: историко-правовой анализ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы IX Международной научно-практической конференции (26–27 января 2012 г.). – М. : Проспект, 2012. – С. 140–147.
11. *Бородкина Т.Н., Самолаева Е.Ю.* Административная преюдиция уголовной ответственности за загрязнение вод: как не допустить экологического бедствия // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – С. 95.
12. *Бочкарев Д. О., Шкурин А. Д., Королева Е. Н., Баранова М. В.* Конструирование уголовно-правовых запретов экстремистской деятельности: специфика, практика, техника // Вестник Владимирского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2023. – № 4 (38). – С. 33–36.
13. *Карданец А.В.* Преюдиции в российском праве. Проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2002. – С. 30.
14. *Колосова В.И.* Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 5. – С. 248.

15. *Кузнецова Н.И.* Общественная опасность экологических преступлений: криминологический аспект // Вестник Омской юридической академии. – 2018. – Т. 15. – № 1. – С. 65–66.

16. *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность / Избранные труды / Предисл. В.Н. Кудрявцева. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – С. 530–531.

17. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.10.2023 г.). – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&pos=6;-108#pos=6;-108 (дата обращения: 13.11.2023).

18. *Эргашева З. Э.* Административная преюдиция в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – С. 215.

*Александра Вячеславовна Могилева**
*Дарья Сергеевна Торгаева***

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_309

МЕДИАЦИЯ КАК СПОСОБ САМОЗАЩИТЫ ГРАЖДАН: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Анализируются особенности применения института медиации и его правовое регулирование в Российской Федерации. Рассматривается актуальность процедуры разрешения спора с участием посредника, а также проблемы, существующие на данном этапе развития. Делается вывод о необходимости популяризации данного института среди населения и о возможности внедрения его в обязательном порядке в некоторые виды споров.

Ключевые слова: медиация, способ самозащиты, альтернативные способы разрешения споров, защита прав и свобод человека и гражданина, судебное разбирательство.

* **Могилева Александра Вячеславовна**, студент 3-го курса юридического факультета Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Россия.

Mogileva Alexandra Vyacheslavovna, 3rd Year Student of the Faculty of Law East Siberian Branch Russian State University of Justice, Irkutsk, Russia.

** **Торгаева Дарья Сергеевна**, студент 3-го курса юридического факультета Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Россия.

Torgaeva Daria Sergeevna, 3rd Year Student of the Faculty of Law East Siberian Branch Russian State University of Justice, Irkutsk, Russia.

Научный руководитель: **Джура Виктория Владимировна**, кандидат юридических наук, доцент, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Россия.

Scientific curator: **Jura Victoria Vladimirovna**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, East Siberian Branch Russian State University of Justice, Irkutsk, Russia.

MEDIATION AS A WAY OF SELF-DEFENSE OF CITIZENS: FEATURES OF LEGAL REGULATION AND PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

***Abstract.** The article analyzes the peculiarities of the use of the mediation institute and its legal regulation in the Russian Federation. The relevance of the dispute resolution procedure with the participation of an intermediary is considered, as well as the problems existing at this stage of development. The conclusion is made about the need to popularize this institution among the population and about the possibility of introducing it without fail into some types of disputes.*

***Key words:** mediation, self-defense method, alternative dispute resolution methods, protection of human and civil rights and freedoms, judicial proceedings.*

Применение медиативных технологий в современном российском обществе вызывает интерес как у правоприменителей, так и у потребителей. Вопрос применения медиации волновал общество еще в XX столетии. Впервые приемы медиации открыли в англосаксонском праве. Медиативные технологии активно разрабатывали и применяли в США, Великобритании, Австралии. В Российской Федерации институт медиации официально был закреплен в Федеральном законе «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ (далее – Закон о медиации) [2]. При этом до сих пор ученые и юристы ведут бурные дискуссии по поводу целесообразности и практичности применения данного института.

В соответствии с ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» [1]. Одним из таких способов защиты и будет являться медиация. Согласно ст. 2 Закона о медиации «процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения» [2].

В стремительно развивающейся действительности медиация является довольно актуальным способом урегулирования гражданских споров. Связано это с тем, что отечественная судебная система сильно перегружена. По статистическим данным Вер-

ховного Суда РФ, в 2022 г. арбитражные суды РФ рассмотрели 1,7 млн экономических споров. Это на 62 500 дел больше, чем в 2021 г. Анализ статистики судов общей юрисдикции показал, что ими было рассмотрено 25,7 млн гражданских дел. В 2021 г. было рассмотрено на 2,3 млн дел меньше [3]. Таким образом, мы видим, что у судов общей юрисдикции и арбитражных судов колоссальная нагрузка. Институт медиации был введен в том числе для того, чтобы разгрузить судебную систему, в первую очередь путем досудебного рассмотрения и разрешения споров, что дает возможность людям разрешить конфликт, выслушав интересы каждого, тем самым повысив свою правовую культуру.

Среди достоинств института медиации можно выделить оперативность рассмотрения споров, которая заключается в экономии личного времени. Помимо этого, встречи с медиатором возможно проводить через онлайн-платформы с помощью видеоконференц-связи. Также к положительным сторонам процедуры медиации можно отнести значительно меньший объем документооборота, чем при судебном разбирательстве дела.

Еще стоит отметить в качестве преимущества, что медиатор в первую очередь преследует цель поиска компромисса и взаимовыгодного решения спора для удовлетворения интересов обеих сторон. В соответствии со ст. 2 Закона о медиации «медиатор – независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора» [2].

Согласно ч. 2 ст. 4 Закона о медиации «если спор передан на рассмотрение суда или третейского суда, стороны могут применить процедуру медиации в любой момент до принятия решения по спору соответствующим судом или третейским судом» [2]. Как установлено в ч. 2 ст. 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), «суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств,

установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел» [4]. Также суд вправе предупредить стороны о возможности заключения примирительного соглашения. При этом «стороны пользуются равными правами на выбор примирительной процедуры, определение условий ее проведения, а также кандидатуры посредника, в том числе медиатора» (ч. 3 ст. 153.1 ГПК РФ) [4].

Анализ мнений ученых-правоведов по вопросу об обязательном применении процедуры медиации позволил заключить, что ряд авторов считают: альтернативное разрешение споров в некоторых случаях должно быть обязательным, исходя их специфики отношений. Например, считается, что «со временем государственная власть придет к пониманию, что отдельные виды медиации должны быть обязательными. Так, семейная медиация должна быть обязательной. Медиатором в семейных конфликтах может выступать только профессиональный психолог и юрист, и зачастую роль психолога в данных спорах более значима, поскольку правильно выбранная тактика ведения переговоров, с учетом психоэмоционального состояния обеих сторон, способна на раннем этапе конфликта вообще прекратить его» [5, с. 31].

В институте медиации на данный момент существуют проблемы. Российские граждане не осведомлены о существовании процедуры медиации. Для того чтобы данный институт стал популяризован, необходимо различными средствами информировать население о наличии медиативных способов разрешения конфликтов. Например, юристам при даче консультаций населению по тем или иным вопросам необходимо доводить до сведения сторон, что у них есть возможность достичь примирения с помощью медиации.

По мнению члена общественно-методического совета по развитию медиации при Федеральном институте медиации кандидата экономических наук А.С. Архипкиной, «одним из эффективных инструментов для решения задач по информированию общества о процедуре медиации, формированию профессионального сообщества медиаторов в регионе, популяризации процедуры медиации стали социальные проекты некоммерческих организаций, которые позволили информировать граждан, подготовить инициа-

торов процедуры медиации, подготовить профессиональных медиаторов» [5, с. 28].

В настоящее время в Иркутской области осуществляется проект в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина «Ты можешь САМ!: развитие способов самозащиты прав граждан в Восточно-Сибирском регионе Российской Федерации». Данный проект нацелен на развитие и популяризацию новых для законодательства и практики в Российской Федерации способов защиты прав граждан, внедрение альтернативных способов урегулирования споров. Следует согласиться с теми учеными, кто считает, что «при рассмотрении отдельных категорий дел к медиаторам должны предъявляться особые требования: для профессиональных медиаторов – обязательно должен быть стаж работы в правоохранительных органах или в судебной системе, а также прохождение аттестации раз в три года» [7, с. 54].

Деятельность медиаторов на профессиональной основе может осуществляться только лицами достигшими 25-летнего возраста, имеющими высшее профессиональное юридическое образование и прошедшими дополнительно курс обучения по программе подготовки медиаторов, утвержденной в соответствующем порядке органами юстиции и образовательными учреждениями.

Таким образом, «медиация представляет собой процедуру не оценки событий, обстоятельств, действий сторон, а процесс переговоров, в ходе которых участникам конфликта представляется возможность самостоятельно принять решение по сложившемуся конфликту» [6, с. 287]. Развитие альтернативной процедуры урегулирования споров в Российской Федерации как никогда актуально и важно, поскольку позволит, во-первых, разгрузить суды от чрезмерного объема исков, во-вторых, повысить правовую культуру населения. Совершенствование и активное применение института медиации является одним из важнейших этапов развития гражданского процесса.

Источники и литература

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в

ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с. (Серия: Профессиональный комментарий).

2. Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

3. Рост нагрузки и расширение «цифры»: итоги работы судов за 2022 год // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/32147/?ysclid=lotobewofn55822056 (дата обращения: 11.11.2023).

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ ((ред. от 25.12.2023, с изм. от 25.01.2024) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

5. *Архипкина А.С.* Обзор научно-практического круглого стола «Медиация в системе способов альтернативного урегулирования споров: проблемы становления и развития» / А.С. Архипкина, У.Б. Филатова // Вестник Федерального института медиации. – 2017. – № 3. – С. 26–34.

6. *Архипкина А.С.* Медиация как способ защиты прав и свобод человека и гражданина / А.С. Архипкина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 285–289.

7. *Бижан Н.Р., Комаров С.А.* Внедрение медиации в процессе формирования правового государства: статья // Юридическая мысль. – 2012. – № 6. – С. 50-54.

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_315

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРИМЕНЯЕМЫХ НОРМ
О ГЕНЕТИЧЕСКОМ ДОСТОИНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА
В МЕЖДУНАРОДНОЙ
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ**

Аннотация. Обозначены современные аспекты теоретико-правовых исследований и правоприменительной практики в сфере защиты права на генетическое достоинство человека. Исследованы спорные позиции и правовые доводы судебных споров относительно интерпретации применяемых норм о генетическом достоинстве человека в международной правоприменительной практике.

Ключевые слова: генетическое достоинство, генетическая характеристика человека, дискриминация по генетическим критериям, международное право, толкование и интерпретация правовых норм.

**INTERPRETATION OF APPLICABLE NORMS ON HUMAN
GENETIC DIGNITY IN INTERNATIONAL LAW
ENFORCEMENT PRACTICE**

Abstract. The article outlines the modern aspects of theoretical and legal research and law enforcement practice in the field of protection of the right to human genetic dignity. The controversial positions and legal arguments of judicial disputes concerning the interpretation of the applicable norms on human genetic dignity in international law enforcement practice are investigated.

* **Красникова Анжелика Игоревна**, студент 3-го курса юридического института (уровень бакалавриата), Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Научный руководитель: **Костюнина Ольга Владиславовна**, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Krasnikova Anzhelika Igorevna, 3st Year Student of the Faculty of History (Bachelor's Level), Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Scientific curator: **Kostyunina Olga Vladislavovna**, Candidate of Law Science, Associate Professor, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Keywords: genetic dignity, genetic characteristics of a person, discrimination based on genetic criteria, international law, interpretation and interpretation of legal norms.

Важность исследования вопросов толкования норм о генетическом достоинстве человека в правоприменительной практике определяется необходимостью разработки и внедрения в систему российского и международного права специальных правовых механизмов защиты соматических прав личности и охраны геномной информации человека с целью сохранения его идентичности. Обладание данными о генетике определенного человека позволяет получить прогноз по большинству его личных свойств [21, с. 6], начиная с предрасположенности к определенным заболеваниям и их видоизменениям, заканчивая наличием у субъекта генетических маркеров, характеризующих уровень агрессии, направленность интеллектуального развития, степень возможности депрессивных проявлений и устойчивости к различным внешним воздействиям.

С учетом важности обеспечения конфиденциальности оборота геномной информации принят ряд соответствующих документов международного права. На уровне ООН изданы: Всеобщая декларация о геноме и правах человека от 1997 г. (далее – Всеобщая декларация 1997 г.) [1], Международная декларация ООН о генетических данных человека (далее – Декларация 2003 г.) [2], Декларация ООН о клонировании человека 2005 г. (далее – Декларация 2005 г.) [3], Всеобщая декларация ООН о биоэтике в правах человека 2005 г. (далее – Всеобщая декларация 2005 г.) [4]. При этом стоит отметить, что непосредственно дефиниция генетического достоинства не раскрыта нормами указанных и других правовых документов.

В Евросоюзе в сфере правовой охраны геномных данных человека действуют Европейская конвенция по вопросам защиты прав, достоинства человека в сфере биомедицины (далее – Конвенция ЕС 1997 г.) [5], Рекомендации ЕС по исследованиям биоматериалов человека (далее – Рекомендации ЕС 2016 г.) [10], а также Регламент ЕС по защите персональных данных 2016 г. (далее – Регламент ЕС 2016 г.) [11], правовая охрана которых распространена на генетическую информацию, определенную видом персональных данных, включающих унаследованные, приобретенные генетиче-

ские показатели человека, представляющие собой уникальные сведения о здоровье, физиологии человека, полученные в результате анализа определенного биологического образца по составу хромосом.

Вместе с этим практика Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) о применении геномной информации, согласно обоснованному мнению О.В. Белой [22, с. 58], классифицируется на три основные группы: судебные решения, связанные со сбором биоматериалов человека; акты по вопросам использования человеческих биоматериалов; судебные решения, рассматривающие особенности хранения человеческих биоматериалов. Этот вывод также подтверждает отсутствие в правоприменительной практике ЕСПЧ документов, непосредственно разъясняющих вопросы, связанные с механизмами защиты и реализации норм, затрагивающих генетическое достоинство человека (гражданина).

В системе российского права еще не изданы документы по вопросам специальной правовой охраны генетической информации, защиты генетического достоинства личности. При этом российские правоведы пока не уделяют достаточного внимания этим вопросам. В настоящее время правовые аспекты генетического достоинства фрагментарно освещены в отдельных публикациях нескольких российских исследователей. Комплексные диссертационные исследования особенностей правовой защиты генетического достоинства человека не проводились [31]. Данный доктринальный пробел является объектом нашего пристального внимания и вызывает исследовательский интерес.

Указанные выше тезисы отражают важность, актуальность исследования в России современных аспектов правовой защиты личных прав в контексте генетического достоинства человека и табуирования вмешательства в его генетическую идентичность. Риски и возможные опасности вмешательства в эту сферу соматических прав еще изучены недостаточно. Кроме того, важно включить междисциплинарное и научное освоение этой области человеческой жизни.

В рамках обзора научной литературы следует дополнительно указать, что правовые аспекты генетического достоинства фрагментарно рассмотрены в отдельных публикациях, диссертаци-

онные исследования этих особенностей не публиковались. При этом стоит отметить, что в 2006 и 2014 гг. защищены три диссертации по вопросам правовой защиты соматических прав человека на самостоятельное распоряжение своим телом [28; 29; 32], которые анализируют правовые механизмы допустимости медицинского вмешательства в генетические характеристики человека [29; 32]. Содержание обозначенных научных трудов отражает современные направления исследований взаимодействия норм соматического права с предписаниями о геномном праве и генетическом достоинстве.

Актуальные аспекты геномного права и связанные с ним особенности косвенного регулирования правовой защиты генетического достоинства человека отражены в небольшом числе публикаций российских правоведов.

Э.В. Алимов в своей работе проводит сравнение правоприменительного опыта США и России по реализации международного запрета на проявления дискриминации по генетическому критерию [20, с. 20].

И.Ю. Крылатова анализирует геномные технологии, достоинство личности в философско-правовом контексте [25, с. 111] и другие вопросы, связанные с геномным содержанием личностного достоинства [26; 27].

И.Я. Козаченко, Е.Е. Мелюханова исследуют уголовно-правовые механизмы защиты генетического достоинства [24, с. 420].

Также следует обратить внимание на тематический сборник трудов по актуальным проблемам регламентации в России геномных исследований и применения на практике их результатов под редакцией О.И. Андреевой [21, с. 6].

Перед тем как приступить к анализу вопросов толкования норм о генетическом достоинстве человека, стоит дополнительно отметить, что непосредственно дефиниция генетического достоинства не закреплена нормами вышеуказанных и других правовых документов, в которых приводятся лишь косвенные признаки этого понятия. Так, в преамбуле Всеобщей декларации 1997 г. определено, что научные генетические исследования должны проводиться на основе уважения достоинства человека при условии запрещения

дискриминации индивида по генетическому признаку. В ст. 2 этого документа провозглашено, что право на уважение человеческого достоинства не зависит от генетических характеристик индивида и не может определяться только генетическими свойствами, но требует уважения неповторимости, уникальности каждого человека. Вместе с этим положения ст. 6 предусматривают запрет на дискриминацию по генетическим признакам.

Из норм Всеобщей декларации 1997 г. следует, что генетическое достоинство человека определяется уважением неповторимости, уникальности генетической характеристики индивида, невозможностью отражать личность человека в целом. При этом генетическое достоинство не может подвергаться дискриминации по генетическим критериям.

Рассматривая особенности толкования норм о генетическом достоинстве человека в правоприменительной практике, следует отметить, что немногочисленные публикации российских правоведов, затрагивающих вопросы генетического достоинства, включают в основном анализ правоприменительной практики зарубежных стран, поскольку в России, как уже отмечалось, в настоящее время отсутствуют документы, отдельные нормы о генетическом достоинстве человека. При этом, как показывает анализ обозначенных исследований и официальных сайтов Верховного Суда США [23], ЕСПЧ [30], непосредственно вопросы защиты генетического достоинства в правоприменительной зарубежной практике не рассматривались, и судами принимались решения, косвенно связанные с защитой генетического достоинства человека.

Так, в статье Э.В. Алимова [20, с. 20] приводится пример урегулирования в США судебного иска на сумму 2,2 млн долл. США о дискриминации железнодорожной компанией «Берлингтон Северная Санта-Фе» (Burlington Northern Santa Fe, BNSF) своих работников по генетическому признаку [12].

В иске отмечалось, что BNSF проводила тайное тестирование своих работников на редкое генетическое заболевание (наследственная невропатия с предрасположенностью к параличам), которое вызывает синдром запястного канала. BNSF утверждала, что тестирование было способом определить, связана ли высокая частота травм от повторяющегося стресса среди ее сотрудников с ра-

ботой на железных дорогах. Помимо тестирования, оплачиваемого компанией, врачам также было поручено проводить скрининг на наличие генетической предрасположенности к диабету, алкоголизму. При этом работники BNSF, обследованные врачами компании, не знали, что они проходят генетическое тестирование, но за отказ пройти медицинское обследование сотрудникам грозила дисциплинарная ответственность.

Решение спора прошло с участием медиатора в лице Комиссии США по равным возможностям трудоустройства (Equal Employment Opportunity Commission, EEOC). EEOC в феврале 2001 г. добила предварительного судебного запрета на любое генетическое тестирование до тех пор, пока не завершит свое расследование. При этом основным нарушением прав работников, связанных с генетическим достоинством, было обозначено несоблюдение требований Закона о труде с ограниченными возможностями (Americans with Disabilities Act, 1990) [13], поскольку работники были обязаны исполнить условие трудоустройства о прохождении геномных тестов, что по указанному закону считается дискриминацией работника по признаку ограниченного здоровья. Предварительный судебный запрет был мирно разрешен сторонами в апреле 2001 г. [14].

То есть непосредственно вопросы защиты генетического достоинства в правоприменительной практике США не рассматривались. Одним из первых судебных производств, косвенно связанных с нарушением генетического достоинства человека, является упомянутый судебный трудовой спор, имевший место в 2001 г. между работниками и работодателем – американской железнодорожной компанией BNSF по вопросу генетической дискриминации по признаку ограниченного здоровья, которая проявилась в рамках незаконно установленной обязанности работников пройти геномный тест.

С учетом множества проблем защиты в США прав человека, связанных с генетическим достоинством, в 2008 г. Конгрессом США был издан Закон о генетической дискриминации (The Genetic Information Nondiscrimination Act of 2008, GINA) [15]. Предписания GINA запрещают работодателям и другим организациям, на которые распространяются положения раздела II GINA, запрашивать

генетическую информацию отдельных лиц, работников или членов их семей, включающую семейную историю болезни человека, результаты генетических тестов человека или члена семьи, сведения о результате генетических исследований, генетических данных о плоде, эмбрионе человека. Обозначенный запрет не относится к исключениям, установленным в п. b § 204 GINA [16].

В этой связи стоит обратить внимание на судебный иск работников Дж. Лоу, Д. Рейнольдса против работодателя – ООО «Логистическая группа розничной торговли» 2015 г. [17], которое нарушило требования GINA, получив образцы ДНК от двух сотрудников в рамках дисциплинарной проверки обстоятельств их испражнений на складе компании. Суд присяжных по этому делу присудил истцам компенсацию в размере 2,23 млн долл., состоящую из 475 000 долл. компенсации за эмоциональный стресс и 1,75 млн долл. штрафных санкций, основанных на безрассудном безразличии работодателя к их защищенным федеральным законом правам. Факты дела, безусловно, представляют собой причудливое сочетание смехотворного и отвратительного, но они также демонстрируют значительные издержки для работодателей из-за несоблюдения GINA [18].

На примере указанного нетривиального судебного решения можно говорить об уважении в США генетического достоинства, что косвенно подтверждается применением предписаний Закона о генетической дискриминации 2008 г. При этом суд разъясняет нарушение права на генетическое достоинство работника в виде его дискриминации безрассудным безразличием работодателя к защищенным федеральным законом правам.

Вопросы толкования норм о генетическом достоинстве человека в правоприменительной практике Евросоюза также не обозначены прямо в судебных решениях, но сопряжены с исполнением норм в сфере генетических исследований во взаимосвязи с человеческим достоинством, как отражено в положениях Всеобщей декларации 1997 г.

В частности, стоит обратить внимание на разъяснения Государственного секретариата Ватикана важных положений ст. 1, 2 Всеобщей декларации 1997 г. [19], который подтверждает, что геном человека лежит в основе фундаментального единства всех

членов человеческой семьи, а также признания их достоинства и многообразия. Толкование Ватикана определяет, что текст Всеобщей декларации 1997 г. в его официальной формулировке означает, что геном является основой достоинства человеческого существа. На самом деле именно человеческое достоинство и единство человеческой семьи придают ценность геному человека и требуют его особой защиты.

Таким образом, компетентные представители Ватикана определяют соотношение человеческого и генетического достоинства как общего с частным, поскольку без наличия определенной личности с ее человеческим достоинством не может осуществляться правовая защита генетического достоинства этой личности.

По данным регистра документов Евросоюза, судебная практика ЕСПЧ включает 65 решений, в которых упоминаются нормы о человеческом достоинстве во взаимосвязи с его генетической характеристикой [7], в 40 из этих решений ЕСПЧ разъясняются особенности регулирования оборота геномной информации в рамках применения ст. 8 Конвенции о защите прав человека 1950 г. (далее – Конвенция 1950 г.) [6]. Например, в Постановлении ЕСПЧ по жалобе № 46470/11 от 2015 г. [8] отмечается, что права заявительницы в части принятия сознательного решения по судьбе собственных эмбрионов с учетом возможного введения генов определяется личным свойством ее жизни, что охватывается правом человека на самоопределение, обозначенным ст. 8 Конвенции 1950 г.

Ссылаясь на положения Всеобщей декларации 1997 г., Декларации 2003 г. и другие документы ООН, ЕСПЧ разъяснил, что генетические и протеомные сведения о человеке могут использоваться только в рамках научных исследований или в других целях, которые не противоречат международному праву в сфере прав человека. При этом любое вмешательство извне в развитие эмбриона, зародышевых клеток человека, включая введение новых генов в целях устранения патологии, может нарушать человеческое достоинство.

Сходные выводы ЕСПЧ о запрете использования данных генетического содержания, кроме случаев, установленных международным правом, о возможном нарушении человеческого достоинства при использовании генных технологий отражены и в других

решениях ЕСПЧ [9].

Представленные тезисы позволяют сделать следующие выводы относительно интерпретации применяемых норм о генетическом достоинстве человека в международной правоприменительной практике.

Во-первых, в действующем международном и национальном праве России нет четких норм о понятии, защите генетического достоинства, но правовая охрана персональных данных человека распространена на генетическую информацию, включающую унаследованные, приобретенные генетические показатели человека, предоставляющие собой уникальные сведения о здоровье, физиологии человека, полученные в результате специального анализа, и формирующую генетическое достоинство. Поэтому в правоприменительной практике нет толкования понятия «генетическое достоинство».

Во-вторых, правовые аспекты генетического достоинства лишь фрагментарно освещены в отдельных публикациях нескольких российских правоведов. Комплексные диссертационные исследования особенностей правовой защиты генетического достоинства человека пока не проводились.

В-третьих, содержание норм Всеобщей декларации 1997 г. и других актов международного права показывает, что генетическое достоинство человека определяется уважением неповторимости, уникальности генетической характеристики индивида, невозможностью в целом формировать личность человека и может проявляться в дискриминации по генетическим критериям, а также в других спорных ситуациях, связанных с оборотом генетической информации в рамках защиты человеческого достоинства, с учетом действующих предписаний общепризнанного международного права о генетической информации человека.

Источники и литература

1. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека (принята 11.11.1997 на 29-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome

me.shtml (дата обращения 10.10.2023).

2. Международная декларация о генетических данных человека (принята 16 октября 2003 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/declconv/decl_human_genome.shtml (дата обращения 10.10.2023).

3. Декларация ООН о клонировании человека (принята 8 марта 2005 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/decl_cloning.shtml (дата обращения 10.10.2023).

4. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека (принята 19 октября 2005 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/declconv/declarations/bioethicsand_hr.shtml (дата обращения 10.10.2023).

5. Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины. Пояснительный доклад. Страсбург, май 1997 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/168066caa2> (дата обращения 10.10.2023).

6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950, ред. от 24.06.2013) // Бюллетень международных договоров. № 3, 2001. Прекратила действие в отношении России с 16 марта 2022 г. согласно Федеральному закону от 28.02.2023 № 43-ФЗ.

7. Сведения Базы правоприменительной практики ЕСПЧ (HUDOC) [Электронный ресурс]. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:\[%22genetic%20dignity%22\],%22documentcollectionid%22:\[%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:[%22genetic%20dignity%22],%22documentcollectionid%22:[%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22]%7D) (дата обращения 10.10.2023).

8. Постановление ЕСПЧ от 27.08.2015 по делу «Паррилло (Parrillo) против Италии» (жалоба № 46470/11) // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2015. № 12(24).

9. Постановление ЕСПЧ от 28.08.2012 по делу «Коста и Паван (Costa and Pavan) против Италии» (жалоба № 54270/10) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2013, № 2; Постановление ЕСПЧ от 16.07.2020 по делу «D (D v. France) против Франции» (жалоба № 11288/18) // Российская хроника Европейского суда. 2020, № 12; и др.

10. Recommendation CM/Rec (2016) of the Committee of Ministers to member States on research on biological materials of human. URL:

https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=090000168064e8ff (дата обращения 10.10.2023).

11. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). [Электронный ресурс], URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (дата обращения 10.10.2023).

12. EEOC and BNSF announced a mediated settlement for \$2.2 million of EEOC's lawsuit. [Электронный ресурс], URL: <https://search.rsl.ru/ru/search#vc=12.00.00&q=генетическое%20достоинство> (дата обращения 10.10.2023).

13. Americans with Disabilities Act 1990 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ada.gov/> (дата обращения 10.10.2023).

14. Cases of Genetic Discrimination [Электронный ресурс]. URL: <https://www.genome.gov/cases-of-genetic-discrimination> (дата обращения 10.10.2023).

15. The Genetic Information Nondiscrimination Act of 2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2015/10/30/2015-27734/genetic-information-nondiscrimination-act-of-2008> (дата обращения 10.10.2023).

16. The Genetic Information Nondiscrimination Act of 2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eeoc.gov/statutes/genetic-information-nondiscrimination-act-2008> (дата обращения 10.10.2023).

17. Lowe et al v. Atlas Logistics Group Retail Services (Atlanta), LLC. Case 1:13-cv-02425. 2015 [Электронный ресурс] // URL: https://www.pacermonitor.com/public/case/1718555/Lowe_et_al_v_Atlas_Logistics_Group_Retail_Services_Atlanta,_LLC (дата обращения 10.10.2023).

18. Jury Hits Employer With \$2.2 Million Verdict For GINA Violations in Workplace Defecator Case [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jdsupra.com/legalnews/jury-hits-employer-with-2-2-million-74645/> (дата обращения 10.10.2023).

19. Observations on the Universal Declaration on the Human

Genome and Human Rights (Paris, 11 November 1997) [Электронный ресурс] // URL: https://www.vatican.va/romancuria/pontifical_academies/acdlife/documents/rcpaacdlife.doc08111998genomaen.html

20. *Алимов Э.В.* Запрет на дискриминацию по генетическому признаку: опыт США и России // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2021. – № 1. – С. 19–25.

21. *Андреева О.И.* Вступительное слово // Правовое регулирование геномных исследований и практического использования их результатов в России : сб. статей / под ред. О.И. Андреевой. – Томск: Издательство Томского государственного университета, 2022. – С. 5–9.

22. *Белая О.В.* Практика Европейского суда по правам человека об использовании геномной информации и биоматериала человека // Международное право и международные организации. – 2019. – № 2. – С. 57–70.

23. Данные Верховного Суда США по делам о репродуктивных и связанных правах [Электронный ресурс]. URL: <https://supreme.justia.com/cases-by-topic/abortion-reproductive-rights/> (дата обращения 10.10.2023).

24. *Козаченко И.Я.* Об обусловленности уголовно-правовой охраны генетического достоинства / И.Я. Козаченко, Е.Е. Мелюханова // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 4. – С. 419–425.

25. *Крылатова И.Ю.* Достоинство личности и геномные технологии: философско-правовой аспект // Антиномии. – 2021. – Т. 21, вып. 4. – С. 111–134.

26. *Крылатова И.Ю.* К вопросу о соматическом и биоэтическом достоинстве личности // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 12. – С. 22–25.

27. *Крылатова И.Ю.* Отдельные биоэтические аспекты достоинства личности в геномике // Lex Russica (Русский закон). – 2023. – Т. 76, № 6 (199). – С. 110–120.

28. *Лаврик М.А.* Гарантии конституционных прав человека: соматический аспект : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Лаврик, Максим Алексеевич. – Иркутск, 2006. – 232 с.

29. *Нестерова Е.М.* Личностные (соматические) права в системе прав человека : дис.... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Нестерова Елена Михайловна. – Москва, 2014. – 197 с.

30. Сайт Европейского суда по правам человека. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.echr.coe.int/selection-of-key-cases#> (дата обращения 10.10.2023).

31. Сведения диссертационного раздела сайта Российской государственной библиотеки [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/search#vc=12.00.00&q=генетическое%20достоинство> (дата обращения 10.10.2023).

32. *Старовойтова О.Э.* Юридический механизм реализации и защиты соматических прав человека и гражданина в Российской Федерации: историко-правовой и теоретический анализ : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Старовойтова Ольга Эдуардовна. – Санкт-Петербург, 2006. – 453 с.

DOI: 10.47905/MATGIP_9785605197706_327

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЗАКРЫТОГО ЗАВЕЩАНИЯ

Аннотация. Рассматриваются некоторые аспекты закрытого завещания. Анализируются проблемы действующего законодательства и правоприменительной практики в сфере составления закрытого завещания. На основе анализа гражданского законодательства, судебной и нотариальной практики автор пришел к выводу, что гражданское законодательство в сфере правового регулирования закрытого завещания нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Ключевые слова: нетипичная форма завещания, закрытое завещание, наследование, наследник, наследодатель, нотариус.

TO THE QUESTION OF LEGAL REGULATION OF THE CLOSED WILL

Abstract. The article examines some aspects of a closed will. The problems of current legislation and law enforcement practice in the field of drawing up a closed will are analyzed. Based on an analysis of civil law, judicial and notarial practice, the author concluded that civil legislation in the field of legal regulation of a closed will needs to be further improved.

Key words: atypical will form, closed will, inheritance, heir, testator, notary.

* **Витовская Ядвига Дмитриевна**, курсант 3-го курса факультета правоохранительной деятельности, Кузбасский институт ФСИН России, г. Новокузнецк, Россия.

Научный руководитель: **Брылякова Екатерина Станиславовна**, кандидат юридических наук, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России, г. Новокузнецк, Россия.

Vitovskaya Yadviga Dmitrievna, 3rd Year Cadet of the Faculty of Law Enforcement Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russia

Scientific curator: **Ekaterina Stanislavovna Brylyakova**, Candidate of Law, Head of the Department of Civil Law Disciplines Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russia.

Среднестатистический человек имеет имущество, которое может наследоваться. Не редкость, что возникают споры между наследниками, порождаются судебные тяжбы. Наследование и присущие ему гражданские правоотношения как представляли, так будут представлять особый интерес, поскольку они неразрывно связаны с правом собственности на имущество, его распределением в случае смерти собственника. Важная роль в регулировании указанных правоотношений принадлежит завещанию, которое выступает в качестве инструмента, устанавливающего право наследодателя определять судьбу своего имущества после смерти.

Отметим и то, что в настоящее время законодательство о наследовании по завещанию требует доработки, поскольку наличествует противоречивая судебная и нотариальная практика, отражающая недочеты права.

Особый интерес вызывает нетипичная форма завещания – закрытое завещание, которая является новеллой для гражданского законодательства. Указанное завещание составляется в случае, когда человек не хочет, чтобы содержание завещания становилось известным не только другим лицам, но и самому нотариусу.

Закрытое завещание – для российского законодательства явление новое. В конце XIX в. в юридической литературе звучали высказывания о том, что в России «собственно не существует мистических или тайных завещаний в том значении, как они допускаются иностранными кодексами. В последних самое завещание совершается в виде публичного акта и в то же время содержание его остается тайной для мест и лиц, их свидетельствующих. По смерти же завещателя это завещание тотчас воспринимает силу публичного акта» [5, с. 90].

Основной принцип завещания – свобода его совершения – сохраняется при составлении и закрытого завещания. Посредством завещания человек выражает свою волю в определении судьбы принадлежащего ему имущества в случае его смерти. Исключительно от воли завещателя зависит выбор лиц, которым перейдет имущество завещателя после его смерти, определение их долей в наследстве, возложение на наследников определенных завещательных обременений, отмена или изменение завещания и др.

Правовое регулирование закрытого завещания нашло свое отражение в ст. 1226 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [1]. Среди требований, необходимых для составления завещания, законодатель называет следующие:

1. Завещатель должен быть дееспособным. При этом законодательство не наделяет нотариуса полномочиями по проверке дееспособности завещателя.

2. Закрытое завещание должно быть написано и подписано самим завещателем. Исключается возможность использования технических средств.

Отметим то обстоятельство, что данная правовая норма фактически запрещает совершение закрытого завещания лицами, которые в силу физических недостатков не имеют возможности сами написать завещание. На наш взгляд, решение этой проблемы видится в предоставлении возможности использования технических средств для составления завещания в присутствии двух свидетелей.

В закрытом завещании должны быть отражены: личные данные наследодателя, дата составления, перечень имущества и данные наследника.

3. Данный документ помещается в конверт, запечатывается и передается нотариусу в присутствии двух свидетелей, которые оставляют свои подписи на запечатанном конверте.

Справедливо мнение Т.В. Андроповой, которая указывает, что использование закрытого завещания имеет ряд преимуществ, среди которых снижение риска возникновения конфликтов между наследниками при жизни завещателя, абсолютная секретность содержания завещания и исключение фактора воздействия наследников на волю наследодателя. Однако на практике такая нетипичная форма завещания используется реже, чем открытое завещание [2, с. 180].

В большинстве случаев наследодатель не знает норм гражданского законодательства, что создает риски юридических ошибок при составлении закрытого завещания. Например, наследодатель может составить текст завещания на видеоносителе, а затем распечатать. Такой алгоритм противоречит действующему законодательству, в частности, о необходимости собственноручного

написания завещания, наличия личной подписи наследодателя, наличия в тексте завещания условий, не согласуемых с законом. Указанные обстоятельства влекут признание завещания либо ничтожным, либо недействительным. Ввиду того что нотариус не имеет возможности проверить текст завещания, а знакомится с ним уже после смерти наследодателя, совершенные ошибки наследодателя не могут быть исправлены нотариусом, что препятствует исполнению воли умершего в полной мере, а наследственная масса распределится иным образом и процесс ее разделения создаст проблемы для наследников [3, с. 174].

Существенным недочетом закрытого завещания является то, что текст завещания может быть составлен не на государственном языке, что в свою очередь препятствует завершению начатой процедуры и выполнению возложенных нотариусом обязательств [4, с. 12]. Полагаем, что назрела необходимость в закреплении нормы, предполагающей возможность нотариуса приостановить процедуру оглашения завещания до момента получения перевода или же присутствия при вскрытии завещания специалиста, владеющего иностранными языками.

Повторимся, особое исключительное требование, предъявляемое к закрытому завещанию, – это написание его собственноручно и личное написание подписи. Об этом в обязательном порядке должен предупреждать нотариус и сделать соответствующую надпись на втором конверте.

Порядок хранения закрытых завещаний достаточно прост. Переданное нотариусу закрытое завещание приобретает силу обычного нотариального завещания: оно не может быть возвращено завещателю по его требованию. Отмена, изменение, признание такого завещания недействительным осуществляется по общим правилам.

О принятии завещания нотариус выдает завещателю специальное свидетельство. Какая бы дата ни была указана в тексте закрытого завещания, датой его совершения считается дата его принятия нотариусом, которая и указывается в свидетельстве.

Установлен особый порядок вскрытия такого завещания после открытия наследства (смерти завещателя). Получив от заинтересованных лиц свидетельство о смерти завещателя, нотариус не

позднее чем через 15 дней после этого в присутствии не менее двух свидетелей и пожелавших присутствовать наследников по закону (так как наследники по завещанию неизвестны) вскрывает конверт с завещанием, оглашает его текст, после чего составляет и вместе со свидетелями подписывает протокол, в котором удостоверяется факт вскрытия конверта и приводится полный текст завещания. Подлинники завещания и протокола вскрытия конверта остаются у нотариуса, а наследникам по завещанию выдается удостоверенная им копия протокола. На основании этого протокола по месту открытия наследства открывается производство по наследственному делу.

В заключение отметим, что рассмотренные нами актуальные проблемы правового регулирования закрытого завещания приводят к мысли о необходимости дальнейшего совершенствования гражданского законодательства. Институт закрытого завещания находится на стадии становления, в связи с чем остается малоизученным правовым явлением.

Источники и литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)" от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
2. *Андропова Т.В.* Устные завещания // Пермский юридический альманах. – 2018. – №1. – С. 181–186.
2. *Богун И.А.* Специфика законодательного регулирования совершения и исполнения закрытых завещаний // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 2–3. – С. 171–175.
3. *Воробьева Е.П.* Закрытое завещание: проблемы нотариальной практики // International journal of Professional Science. – 2018. – № 3. – С. 10–13.
4. *Слободян С.А.* Правовой режим закрытых завещаний // Нотариус. – 2009. – № 6. – С. 88–105.

Подписано в печать 22.04.2024.
Формат 90x60 1/16. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 19.88.
Тираж 100 экз. Заказ № 259.

Издательство Межрегиональной ассоциации теоретиков
государства и права
Отпечатано в ООО «Типография «ИРКУТ»
664020, г. Иркутск, ул. Новаторов, 3,
664007, ул. Франк-Каменецкого, 24, офис 204, тел. 203-523